

Мой
Ванька

Алексей
Лухминский

Алексей Григорьевич Лухминский

Мой Ванька

Серия «Кто вы, доктор
Елизов?», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24785081

Мой Ванька/ Алексей Лухминский: Геликон Плюс; Санкт-Петербург;

2017

ISBN 978-5-00098-101-6

Аннотация

Оказывается, что в жизни ни наличие серьезного достатка, ни наличие высокого мастерства в профессии не может дать человеку подлинного счастья, если ко всему этому не добавляется теплота взаимоотношений с окружающими людьми, ощущение рядом с собой надёжного плеча и понимающих глаз. Как же порой нам всем не хватает именно теплоты, надёжности и понимания! Поэтому автору захотелось написать добрую книгу о хороших и поначалу не очень счастливых людях, которым все же удалось не только встретиться, но и по-настоящему найти друг друга.

В общем, давайте вместе помечтаем о такой жизни, в которой всё сходится и все счастливы.

Издание второе, переработанное

Содержание

От автора	4
Часть 1	6
Часть 2	167
Конец ознакомительного фрагмента.	312

Алексей Лухминский

Мой Ванька

От автора

Заканчивая любой труд, большинство из нас оглядывается на то, что получилось, и старается оценить. Хорошо, когда результат удовлетворяет, ведь так хочется, чтобы сделанное показалось сделанным достойно. Увы, так бывает не всегда. Как правило, через какое-то время начинаешь видеть недостатки и недоработки. И хорошо, когда таких огрехов немного, тогда можно, махнув рукой, сказать, что пусть всё так и остаётся, мол, ничего страшного. Однако когда понимаешь, что сделанное ещё на прежнем уровне владения ремеслом, с точки зрения тебя нынешнего, увы, несовершенно, появляется желание всё исправить и сделать лучше.

В таких метаморфозах нет ничего удивительного. Каждый из нас развивается, обретает новые умения и восходит к новому уровню понимания, который даёт новую точку обзора, а она, в свою очередь, помогает увидеть то, что раньше не замечалось.

Так произошло и со мной. Когда, уже обретя некоторый опыт, я вернулся к роману «Мой Ванька», возникло желание многое исправить и даже переделать. Тех, кто знаком с геро-

ями, могу сразу же успокоить: все персонажи и коллизии в новом издании сохранились. То, что проделано, можно охарактеризовать как очистка текста от всего лишнего, без чего можно безболезненно обойтись. Мне кажется, что книга от такой переработки только выиграла. Хотя судить об этом читателю.

Часть 1

Бог в помощь

Хлопает дверь парадной, потом хлопает багажник моей старенькой «Ауди», куда я только что забросил свою сумку с вещами, и, наконец, хлопает дверь самой машины. Всё! Я ушёл от Валентины с которой жил гражданским браком.

Честно говоря, раздражать меня наша совместная жизнь начала уже через полгода, но то ли я боялся остаться один, то ли надеялся, что как-то притрётся, и терпел, пока наконец не взорвался. Надоело всё до безумия! Надоели вечные разборки, постоянные упрёки в непоздравлении с очередным праздником второго понедельника после третьей пятницы, мелочность в денежных вопросах, ну и так далее... Сборы были недолгими.

С Валентиной мы познакомились в ночном клубе полтора года назад. Я тогда изрядно шляется по таким заведениям, ведь после смерти матери, которая умирала долго и мучительно, избыток свободного времени и недостаток человеческого общения гнали меня туда, где собираются люди и, как мне казалось, можно развлечься.

Чтобы начать свой бизнес, я поменял нашу двухкомнатную квартиру на Петроградке на однушку в спальном районе, а оставшиеся деньги вложил в автосервис. Взял в арен-

ду два бокса в гаражах, купил необходимое оборудование и нанял двух парней, автослесарей – Лёшку и Димку. Сам стал третьим, дипломированным слесарем, поскольку к этому времени уже получил диплом инженера-механика. Парни старше меня, им уже к тридцати, а мне только двадцать пять, но у нас сложилась отличная команда для работы. Однако после окончания рабочего дня они спешили в свои семьи (да и сейчас спешат!), а я либо оставался и работал один, либо где-нибудь убивал свободное время.

...После работы привожу в порядок жилище. Обживаю собственную квартиру, и делаю это с энтузиазмом. Теперь по вечерам можно будет спокойно читать. И не только художественную литературу, но и книги по профессии, которая меня реально интересует.

Упиваюсь свободой. Чаще стал ходить в спортзал. Ну очень люблю физические упражнения! И главное: пару раз сходил в театр!

Валентина, год назад однажды побывав со мной на спектакле, заявила, что проскучала весь вечер. Больше никуда не ходили, а только пялились в «окно в мир», то есть в телевизор. С удовольствием вспоминаю, как, когда покойная мать ещё могла ходить, мы с ней часто совершали культурные вылазки. А всякие клубы я, наверно, уже перерос, и, может быть, не с моим характером тусоваться среди двуногих обоего пола и заливать в себя напитки различной градусности.

Паркуюсь у «Геракла». Это комплекс, спортзал которого я теперь регулярно посещаю. Выхожу из машины. Ох, ничего себе! Четверо парней бьют пятого – тонкого, лохматого, русоволосого парнишку. Но отбивается тот совсем неплохо, просто остервенело!

– Бей голубого! Врежь ему! Дай ещё голубому! – слышатся крики оттуда.

Силы явно неравны. Надо выручать беднягу! Кидаю свою спортивную сумку и врезаюсь в толпу. Удары раздаю направо и налево. Не щажу! Сволочи! Вчетвером на одного! Парни, видимо, осознали, что их жертве пришла помощь, и отступают. Делаю ещё несколько ударов. Убегают! Парнишка, которого били, лежит на земле. Поднимаю его. Ой... Кажется, он ещё не понял, что я ему помогал. Кидается на меня с кулаками!

– Ну бей, бей голубого! – кричит мне в лицо и замахивается. Глаза ненавидящие! Потная чёлка прилипла ко лбу...

– Да стой же ты! – хватаю его за руки. – Враги бежали, а здесь свои!

Ошалело смотрит на меня.

– Ещё один голубой! – доносится до меня со стороны стоящей поодаль четвёрки.

– Что-то не расслышал, – поворачиваюсь я к ним. – Мо-

жет, подойдёшь поближе и повторишь?

Повтора не следует.

– Ну тогда я подойду, – и делаю в их сторону несколько шагов.

Парни пятятся и поспешно исчезают. Наверно, вид у меня сейчас внушительный.

– Ну что, жив? – обращаюсь я к спасённому.

– Жив, – бурчит он. – Спасибо... Прости... Ты что, тоже... гей?

– Нет. А что, помогают в беде только геи?

– Извини... Но ведь я же...

– Мне это неинтересно, – обрываю его. – Ты куда соби-
рался?

– Да в спортзал хотел... – он робко улыбается. – Вот и
размялся...

– Ладно, пошли. Я туда же. Тебя как зовут?

– Иван. Ваня...

– А я – Саша. То есть Александр, это, кажется, в переводе
– защитник, – и протягиваю ему руку.

Теперь мы с Иваном тренируемся вместе. Я его подхва-
тываю у метро в машину и привожу в «Геракл». Когда мы
встречаемся, он радостно улыбается. Похоже, ему нравится
моё общество. Про себя зову его почему-то Ванькой.

Ванька – хороший парень. Только вот сквозит в нём ка-
кая-то неустроенность. Как будто ему некомфортно в его ны-
нешнем состоянии и приходится всё время что-то в себе пре-

одолевать. Может быть, это говорит раннее сиротство? Я уже знаю, что он живёт только с бабушкой, а родители погибли в автокатастрофе. Бабушка – это, конечно, хорошо, но она не может до конца заменить родителей, тем более часто болеет. Когда это случается, внук становится старшим в семье, то есть – опорой, хотя совершенно очевидно, что опора нужна ему самому. Наверно, поэтому он инстинктивно и потянулся ко мне.

Ванька – не типичный гей. Я разных таких встречал, поэтому есть с кем сравнить. Не скажи он сам, никогда бы такого про него не подумал. Мне с ним очень даже комфортно, может быть, потому, что после смерти матери и неудавшихся романов остался совсем один. Его сексуальная ориентация совершенно не мешает нашему общению, а высказывания по разным поводам говорят о том, что это человек думающий очень интересно.

Надо сказать, и кудлатая русая грива, и большие серые глаза на бледном лице делают Ваньку вполне симпатичным. Но волосы у него уж очень непослушны, сколько их ни приглаживай. Даже забавно смотреть на его борьбу с этой непослушностью. Он хоть и тоненький, но жилистый и в зале таскает солидный для своей комплекции вес. Вообще, мог бы девчонкам нравиться, если бы не его ориентация и не сквозящая робость во взаимоотношениях. Ему, наверное, лет семнадцать. Пацан!.. Одевается чуть ли не как бомж, но, правда, очень чисто. Его старые джинсы никогда не бывают грязны-

ми, а такие же старые кроссовки аккуратно сверху прошиты. Парень явно беден, и это не удивляет, после того что я о нём узнал. Правда, сам он не очень-то комплексует по этому поводу.

В раздевалке из Ванькиной спортивной сумки вываливается книга.

– Что читаешь? – без задней мысли спрашиваю я.

– Саш... Это тебе, наверно, неинтересно... – но со смущением протягивает.

Ого! Александр Сергеевич! Открываю содержание... Там и «Борис Годунов»!

– Что ж... «Учись, мой сын. Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни», – цитирую на память, возвращая книгу.

По его лицу видно, что он ожидал от меня чего угодно, только не цитаты.

– Я иногда нахожу в книгах знакомые мне... буквы, – замечаю ехидно и добавляю: – Честно говоря, «Борис Годунов» – одна из моих любимых вещей у Пушкина.

– Саш... Ты прости... Я почему-то не думал...

– А думать вообще-то полезно! – и пятернёй треплю лохматую шевелюру.

Расплывается в улыбке. Может, у него дефицит ласки?

Пригласил Ваньку в воскресенье за город на лыжах. Парень аж засветился. Одиночество... В электричке болтаем про машины. Это же моя тема!

– Саш... А чем ты занимаешься? Ну, как зарабатываешь? – вдруг спрашивает он.

– Я дипломированный автослесарь! То есть автослесарь с дипломом инженера-механика. Арендую два бокса и сам с двумя парнями гайки кручу.

– А я в колледже учусь на программиста. Тебе интересно то, чем ты занимаешься?

– Если честно, то когда как. Бывает очень интересно, когда есть какая-нибудь трудно разрешимая проблема и надо прикладывать мозги. А чаще работа механическая, как бы основанная на реализации предыдущего опыта.

– Понимаю, – задумчиво тянет Ванька. – Мне, пока учусь, всё интересно. Что будет дальше, я не знаю... А так бы хотелось!

– Чего хотелось? Знать, что будет дальше, или чтобы было интересно?

– Что будет дальше, знать невозможно. А вот чтобы было интересно работать – очень бы хотелось. Вообще завидую тебе! Ты и машину водишь классно, и умеешь их ремонтировать... У меня всегда была мечта научиться водить машину.

Пацан... Совсем пацан.

– Если хочешь, могу тебя поучить. Можем в следующие выходные съездить на площадку и покататься.

– Правда?! Давай! – и деликатно добавляет: – Если у тебя будет на меня время.

– Найду время, не сомневайся...

Сегодня погода как нельзя лучше располагает к лыжным прогулкам – лёгкий морозец и абсолютно ясное небо. Но, увы, по сравнению с Ванькой, я лыжник хреновый.

– Ванюха, ты так рассекаешь, что за тобой не поспеть, – шутливо пеняю ему.

– У меня же был разряд по лыжам. Хоть юношеский, но всё-таки разряд! – он весело встряхивает головой. – Два года назад все выходные на трассе проводил!

Круг наших совместных интересов не ограничился лыжами.

– Саш... А ты как к театру относишься? – осторожно интересуется Ванька.

– Очень хорошо, но куда попало я стараюсь не ходить. Мы с покойной матушкой раньше часто хаживали. Она приучила меня быть в этом отношении гурманом.

– А со мной бы ты в театр пошёл? Или ты только с девушками туда ходишь?

– Знаешь, по-моему, нынешние девушки не очень стремятся на по-настоящему хорошие спектакли. Уж лучше ходить одному.

– Всё-таки, а со мной бы ты пошёл? – он настойчиво повторяет вопрос.

– С тобой? С удовольствием! Давай сходим, если есть желание.

– Доверишь мне выбрать?

– Почему нет? Тогда билеты за тобой. Я деньги потом от-

дам.

...После спектакля едем в моей машине по набережной и молчим. Видимо, каждый думает о своём. Смотрели «Мамашу Кураж» в БДТ. В театре на Ваньке был такой же старенький, как и вся его одежда, костюм, из которого он уже слегка вырос. У меня одёжка тоже не от Кардена, поэтому мы вполне дополняли друг друга.

– Саш... Ты одобряешь мой выбор?

– Угу. Я получил удовольствие, вернее, испытал интеллектуальное наслаждение.

– Я старался. Я вообще часто думаю про материальное и духовное...

Удивлённо поворачиваюсь к нему. Из уст молоденького мальчика услышать такое... И это при нынешней жизни...

Мы с Ванькой теперь довольно много времени проводим вместе. Я очень привязался к нему! Воспринимаю его как младшего братишку, которого надо опекать, защищать. Всегда мечтал о младшем брате! Только вот в жизни не случилось...

Едем с площадки после очередной Ванькиной тренировки по вождению. Почему-то он всегда просит не довозить его до дома, а высаживать около метро.

– Знаешь, Саша, – Ванька сосредоточенно смотрит вперёд, – у меня никогда не было настоящего друга. Да и вообще друзей особо не было... Поэтому ты извини, если я что-то делаю не так по отношению к тебе.

– Не парься. Ты всё делаешь так, – успокаиваю я его и паркуюсь.

* * *

Тащу мешок с продуктами от супермаркета к машине.

– Молодой человек!

Оборачиваюсь. Меня догоняет симпатичная девица, тоже с мешком, но побольше.

– Молодой человек, я вас очень прошу, подвезите меня с моим грузом до дома. Здесь совсем недалеко, – и смотрит так просяще, что я уступаю.

Да и понравилась мне она!

– Садитесь, – открываю ей правую дверь.

– Я – Нина, – представляется девица, садясь в машину.

– Саша... Пристегнитесь.

Трогаюсь и еду по указаниям пассажирки.

– Вон тот поворот направо, и будет точечный дом. Там я квартиру снимаю.

Подкатываю к парадной. Действительно, совсем недалеко.

– Саша, а давайте я вам кофе сварю? – предлагает Нина. – Соглашайтесь!

– Я и не возражаю. Только машину припаркую.

Пьём кофе, болтаем... Мы уже на «ты». Понимаю, что хозяйка совсем не против, чтобы гость задержался. Гость тоже не против этого, и беседа течёт дальше.

Утро. Выхожу из Нининой парадной. Сейчас бы не трудиться, а домой, отоспаться.

После бурной ночи на работе, конечно, всё идёт через пень-колоду.

– Шеф! Что-то ты сегодня не в форме, – поддразнивает Димка. – Колись, с какой красавицей развлекался и когда свадьба?

– Всему своё время. Но, мужики, я действительно не в форме.

– Вали домой! – великодушно отпускает меня Лёха. – Прокру с тебя сегодня...

Жизнь изменилась! Теперь, часто проводя время с Ниной, с Ванькой я общаюсь гораздо меньше, но всё равно перед походом в спортзал у метро его всегда подхватываю.

– Добрый вечер, – осторожно здоровается он, садясь в машину назад.

На правом сиденье сегодня Нина. Обещал ей показать спортзал, где мы занимаемся, и помочь определиться в группе шейпинга.

– Здорово! – и протягиваю ему руку.

– Привет! – подружка, обернувшись, начинает довольно бесцеремонно его разглядывать, но это не мешает ей трещать о своём. Мне даже становится неудобно.

– Вот, это находится здесь, – объясняю я, подъехав и паркуя машину. – Ванюха, ты иди, а я сейчас Нину устрою и тоже приду.

– Угу... – он невесело кивает и идёт в раздевалку. Появляюсь в зале уже переодетый. Ванька сосредоточенно насилует тренажёр.

– Как тебе Нина? – зачем-то спрашиваю его.

– Не знаю... – отвечает довольно сухо, пожимая плечами. – Мне кажется, она, ты извини, пустовата для тебя...

Честно говоря, я тоже уже пришёл к такому мнению. И сейчас в её обществе откровенно скучаю. Удерживает меня, пожалуй, только секс.

– Пожалуй, ты прав...

– Тогда зачем же ты с ней так неразлучен?

– Ой, Ванюха... Против природы не попрешь... – и вздыхаю. – Особенно когда рядом похотливая самочка. Сексуально она меня совершенно удовлетворяет.

– Не знаю, Саша... Я, конечно, ещё молодой и зелёный, но мне кажется, если рядом с тобой умный и душевный человек, то... А может, секс не всегда нужен?

Молчу. Меня удивили и озадачили его слова. Такие слова мог бы мне сказать мужик старше меня, кое-что испытавший в жизни, а тут – «молодой и зелёный»... Да... Парень далеко не прост. А может быть, мне потому с ним и интересно?

...Ваньку, как всегда, забрал около метро. Нину встречаем на крыльце спортклуба.

– Привет! – подходит она к нам. – Поцелуй меня!

С удовольствием засасываю её губки.

– Ох, Сашенька... Когда ты целуешь, у меня аж ноги раз-

двигаются! – улыбаясь, откровенно развязно заявляет моя подружка, при этом стреляя глазами в сторону Ваньки. – Ты, как всегда, с оруженосцем? Привет, Ванёк...

– Добрый вечер... – как-то сдавленно произносит он. Оборачиваюсь. Бледный, как полотно...

Мы с Ниной на её кровати. Подружка демонстрирует изнеможение.

– Сашка, а переезжай ко мне жить насовсем? – звучит сонное предложение.

– Ой, не знаю... От тебя до моей работы слишком далеко добираться. Мучаюсь каждый раз... – нахожу я наконец причину и с облегчением вздыхаю. – Но подумаю...

– Вот и подумай! – смеётся она, приподнимается и лезет целоваться. – Всё равно же ты почти каждую ночь тут проводишь!

– Слушай, а что ты всё выделяешься перед Ванькой? – этот вопрос давно крутится у меня в голове.

– Да он такой смешной, лопушок нецелованный, что так и хочется его подколоть, – такой приговор звучит спокойно и даже убеждённо.

Меня коробит от её слов. О том, что Ванька – гей, я ей, конечно же, не говорил.

– А тебе не кажется, что это жестоко по отношению к нему?

– Знаешь, Сашенька, есть люди, которые специально созданы для подколов. Клоунами называются. Вот и твой Ва-

нёк такой. Не пойму, зачем он тебе?

– Он – хороший человек!

– Конечно, хороший человек! Для подколов!

Меня опять коробит, но теперь я предательски молчу.

Снова встречаемся втроём у дверей спорткомплекса.

– О-ох... После нашей ночи у меня всё гудит, – улыбаясь, нагло заявляет Нина, подходит и засасывает мои губы. – Ты самый лучший любовник в мире!

Хлопает дверь. Ванька пошёл в раздевалку. Нину он не переваривает. Свинья я, конечно, но любовь... Нет, не любовь – похоть, а значит – грех. Ну что ж, будем грешить!

Закончив занятия, иду мыться. Ванька остался в зале. Дверь из душевой чуть приоткрыта, и мне слегка видна раздевалка. Входит...

Что это? Вот дела-а... Прижимается лицом к моей куртке... Целует, что ли? Столбенею под душем. Хочется выйти и окликнуть его, но не могу. Недолго стоит... Снова прижимается лицом к моей куртке... Уходит... Можно выходить и мне. То, что я увидел, всё объяснило. Парень в меня влюбился! Естественно! Ведь он – гей! И вот это как раз не естественно. Ну и что мне с этим делать?

Одеваюсь. Входит Ванька. В душ не идёт, а начинает сразу торопливо переодеваться. Почему-то не знаю, как сказать ему, что я всё видел. Так жалко его! Наконец решаюсь.

– Вань... Иди-ка сюда...

Поднимает на меня глаза... Обречённо подходит... Кладу

руку на его плечо. Как он при этом вздрогнул!

– Понимаешь... В общем... я всё видел. Зачем тебе это, Вань? У меня есть женщина. Какая бы она ни была, но она есть! Потом, наверное, будут другие... Я натурал!

Слушает молча и смотрит в сторону. Потом поднимает на меня глаза. Ох-х... Там такое! Я уже давно понял, что с этим парнем не могу говорить так, как с другими. Он особенный! Может, потому что гей? А может, человек так душевно тонок, что со своей сермяжностью я пока ещё не в состоянии его понять? Жаль, но ему явно не судьба.

– Ну что ты?.. – ласково спрашиваю я, продолжая держать его за плечо. – Вань... Скажи, зачем тебе это?

Идиотский вопрос. Сам понимаю.

– Саш... Дай мне по морде... Я не обижусь, – глухо начинает он говорить своим несколько высоким голосом, глядя теперь в пол, но опять поднимает на меня глаза. – Просто... я тебя люблю. Я тебя очень люблю! Понимаю, что это противоестественно! Зачем ты меня тогда отбил... от этих... Я ведь с самой нашей первой встречи...

Ванька замолкает, словно натыкаясь на какую-то преграду. Я тоже молчу, не зная, что сказать. У него такие глаза... Утонуть можно. Точно в самую душу заглянул. Да и таких слов и так, как это было сказано, мне ещё никто не говорил, ни одна женщина. Всегда всё было как-то поверхностно, со стёбом. А может, таких я сам себе выбирал?

– Прости меня... – он вздыхает. – Я прекрасно понимаю,

что мне ничего не светит. Это данность... Извини. Больше не буду тебе докучать.

Отворачивается... Мне так его жалко! Хороший парень... И зачем в меня влюбился? А глаза... Кажется, я всё-таки... утонул.

– Вань, ну что ты... – повторяю бессмысленно.

– Ладно, Саш... Хватит! – он отходит к своему шкафчику, надевает свою старую куртку, берёт сумку и поворачивается. – Прощай, Саша...

Дверь хлопает...

...Просыпаюсь. Три часа ночи. Только что мне опять снился Ванька. Рядом со мной Нина. Да... Красивая тёлочка. Она всегда спит отвернувшись.

Ванька... Он уже почти два месяца в зал не ходит. И почти столько же мне снится! Снятся его глаза... Честно говоря, не понимаю, что со мной. Мне его не хватает! Я потерял близкого мне человека. С досадой осознаю, что общение с Ниной, с мужиками на работе не может мне заменить этого парня! С этим надо что-то делать... А Нина уже начинает меня раздражать своей подчёркнутой развязностью. С ней же поговорить не о чем! Но сексуально она великолепна. Собственно, за это и терплю. Похоть – она и есть похоть! Но ведь не сексом одним жив человек! Что-то похожее мне тогда сказал Ванька. Пора с этой девицей прощаться, пока дело не зашло слишком далеко. Завтра же съеду от неё.

...После некоторого выяснения отношений, получив о се-

бе много новых, неизвестных доселе сведений, выкатываюсь за дверь Нининой квартиры. Балдею от чувства облегчения. Будто тяжёлый мешок с плеч сбросил!..

* * *

В спортзале в журнале регистрации посетителей нашёл Ванькин адрес.

Да, я не ошибся. Ему только семнадцать. Пятнадцатого августа будет восемнадцать. Фамилия простая – Серёгин... Иван Николаевич. Вообще-то я тоже Николаевич...

Торчу около Ванькиного дома уже три часа. В квартиру заходить мне неудобно, там его бабушка... Сколько сейчас? Ого! Уже одиннадцать! Неужели я его пропустил? Хорошо, что в машине сижу, а то бы задубел уже. Всё-таки на улице ещё только март.

Ой... Вон шагает! Приближается... Идёт, не поднимая головы. Нахохлился, скукожился... Руки в карманах куртки. Эта тоненькая фигурка, эта подпрыгивающая походка...

Выхожу из машины.

– Привет... – здороваюсь я неуверенно.

– Саша? – шедший, глядя в землю, Ванька резко останавливается.

– Да... Я тебя искал...

Грустно улыбается и молчит. Молчу тоже. Мне почему-то вдруг становится стыдно, а чего, не знаю сам. Так и стоим.

Только Ванькины глаза в свете фонаря...

– Вань... Мне плохо без тебя... – признаюсь я и сам удивляюсь своему голосу.

Молчит и только смотрит на меня. Не знаю, что со мной происходит! Подхожу, обнимаю его и... прижимаю к себе. Как-то так получилось...

– Ты мне всё время снишься, – шепчу ему в ухо, с удовольствием чувствуя, как непослушные волосы щекочут мне лицо.

– Саш... – он пытается отстраниться. – Зачем это тебе? У тебя ведь всё есть!

Надо же! Почти мои слова в спортзале!

– Кроме тебя... – и стыдливо убираю руки.

– Так ли это тебе нужно? – Ванька грустно усмехается. – Я же гей, а ты натурал... Что у нас может быть общего?

– Ты меня разлюбил? У тебя кто-то другой? – непроизвольно выпаливаю странные для натурала слова и чувствую беспокойство в голосе. Ведь хочется, чтобы любили!

– Да нет у меня никого... Чтоб так вот... как тебя...

– Ты почему из зала ушёл? – задаю дурацкий вопрос.

– А сам не понимаешь? – и опять кривая усмешка. – Думаешь, мне приятно видеть тебя с Ниной и понимать, что ты для меня недостижим?

Мне нечего ответить. Молчу.

– Ладно, Саш... Ты успокойся. Я всё так же тебя очень люблю. Ты мне тоже каждую ночь снишься... Но у тебя своя

жизнь. Значит, мне надо выстраивать свою... Извини, мне надо идти. Бабушка ждёт.

– Подожди... – хватаю его и опять прижимаю к себе, глажу русые лохмы, а он утыкается носом мне в плечо и начинает вздрагивать. Неужели плачет? – Вань... Ты что?

– Ничего... Пустите меня, пожалуйста... Действительно, бабушка ждет.

Отпускаю. Отскакивает от меня и, пряча лицо, почти бежит к парадной.

– Я завтра приеду! – зачем-то кричу ему вслед, но хлопает дверь...

Не могу не признать, Ванька в чём-то оказался старше меня. Может, в серьёзности чувств? Всё! Непременно завтра же я опять буду здесь!

Не понимаю, что со мной творится. Да, я – натурал. Да, у меня были и ещё будут женщины, пока я не успокоюсь на какой-то одной. Но Ванька... Эти его глаза, в которых я то-ну, способные заглянуть в меня, в мою не очень праведную душу... Он нужен мне как человек! Как человек, а не объект сексуального желания. Мне порой так хочется его прижать к себе, защитить от кого-нибудь... Как тогда! Что с этим-то делать?

...Всё, как вчера. Жду. Ваньки пока нет. Уже опять одиннадцать вечера. Наконец-то! Идёт... Выхожу из машины. Увидел меня и остановился.

– Привет...

Подходит.

– Здравствуй, Саша...

– Вань... – беру его за руку. – Вот... Я приехал...

Молча кивает. Стоим... А что делать? Притягиваю его к себе. Стоит... безвольно.

– Вань... Это жестоко... Я же приехал, как тебе обещал.

«А твоя отповедь в спортзале? – скрипит внутренний голос. – Онегин хренов!»

– Я не жестокий, – бормочет он опять мне в плечо. – Просто я тебя люблю, а ты меня не любишь... Ты ведь просто привык к тому, что я часто был рядом. Разве нет?

– Вань... – дыхание сбивается от охватившего меня неведомого прежде чувства. – Может, ты и прав... Но я не могу без тебя. Мне стало одиноко, даже тоскливо. Вань...

– Саш... Но ведь у нас с тобой ничего не может быть! Ничего... Это данность. Понимаешь? Ты же не гей, как я, и не можешь любить... парня. Для тебя это противоестественно! Я это понимаю и... принимаю, – высокий голос звучит грустно и обречённо.

И снова эти глазищи... Хотя в свете фонаря они сейчас не такие. Прижимаюсь лицом к его лохматой голове и трюсь о непокорные волосы.

– Вань... Я правда не могу без тебя, – шепчу ему в самое ухо. – Я не знаю, что со мной. Не могу сам себе объяснить. Поехали ко мне...

Он грустно качает головой, и я не могу понять, согласен

или нет.

– Ну поехали... – опять прижимаю его голову к себе. – Посидим, поговорим... Ты посмотришь, как я живу.

Несу ещё какую-то ахинею, стараясь его уговорить. В гости в двенадцать ночи приглашают только с одной целью. Но я же не собираюсь трахаться с ним!

– Саш... Зачем ты передо мной стелешься? Я же не очередная твоя женщина.

Это звучит так сочувственно и укоризненно, что мне становится не по себе.

– Вань... Я не знаю, что со мной происходит, – бормочу, держа его за руку. – Я даже не знаю, о чём с тобой сейчас говорить. И несу весь этот бред только для того, чтобы ты не повернулся и не ушёл. Мне стало очень плохо без тебя, Ванюха...

– Ладно... Подожди... Я скажу бабушке, что уезжаю... на работу.

...В прихожей своей квартиры не могу удержаться – опять прижимаю Ваньку к себе, будто боюсь, что кто-то его у меня отнимет. Чувствую, как колотится его сердце. Он здесь... рядом со мной.

– Ты так меня обнимаешь... – и такая застенчивая улыбка...

А вообще, едва мы сюда вошли, как весь идиотизм ситуации стал мне ясен. Стою истуканом и молчу.

– Саш... Давай просто посидим с тобой рядом, – нежи-

данно приходит на помощь мой долгожданный гость. – Давай?

– Давай...

И вот мы сидим на моей тахте, тесно прижавшись друг к другу.

– Знаешь, Саша... Если честно, то я мечтал вот так... посидеть с тобой... и помолчать... И никого больше вокруг... – он, как кот, трётся лбом о моё плечо. – Я потому и согласился ехать к тебе. Знаешь... Я, наверно, сейчас счастлив... – вздыхает, и мы опять сидим в тишине.

Какое же чувство надо иметь, чтобы быть счастливым только от сидения бок о бок! Однако я тоже... Странно, но тоже испытываю подлинное блаженство, оттого что моя рука лежит на этом худеньком плече.

– Ой! Уже два часа ночи! – спохватывается Ванька. – А тебе ведь завтра на работу! Саш... Огромное спасибо за это время вместе с тобой, – смотрит мне в глаза, и я опять тону. – Ну всё. Пошёл я...

– Тебе ведь не хочется этого.

– Мало ли чего мне хочется или не хочется... – он невольно усмехается.

– Слушай, а оставайся у меня! Ты же сказал бабушке, что идёшь на работу! Поэтому давай ложиться спать!

– Мы будем спать рядом?

– Тахта-то одна! Если хочешь, я могу лечь на кресло...

– Нет! – звучит торопливо. – Я согласен... Рядом...

Из окна падает яркий свет луны. Мы с Ванькой лежим на моей тахте. Я бережно прижимаю его к себе. Его лицо совсем близко...

– Саш... – горячее дыхание... – А можно, я тебя... поцелую? Я не готов к такому вопросу и теряюсь.

– Можно...

И вот они, Ванькины губы... Это даже не поцелуй, а только прикосновение. Какое блаженство! Я вынужден в этом признаться. Губы мягкие, ласковые и... любящие... А не алчные, как было всегда с моими женщинами!

Прижимаю его лицо к своему. Сердце колотится!

– Я счастлив, – слышу блаженный шепот.

Его ладонь так ласково скользит по моей руке...

– Ванюха... Я балдею, – признаюсь тоже шёпотом.

– И я... Ты знаешь... – и смущённо улыбается. – Я мечтал вот так тебя безнаказанно обнимать... трогать...

– Почему ты говоришь – безнаказанно?

– Потому что боялся, да и сейчас боюсь, что ты меня ударишь.

– Не ударю. Я не могу тебе сделать больно...

– Саш... Поверь... Я ещё никого не целовал. Не знаю, как это выразить словами...

– Ох, Ванюха, – бормочу я, перебивая его, – у меня мозги плавятся...

– А ты их отключи. Ведь тогда... на улице, когда ты меня обнял, это не голова тебе приказала, а сердце подсказало...

Опять у меня внутренний столбняк. Как это в самую точку!

– Ладно... Давай лучше спать.

– Саша... Я тебя люблю, – шепчет он и тут же добавляет: – Не отвечай! Только знай, что я тебя очень люблю... Позволь мне... любить тебя. А теперь давай спать.

...Утро. Ванька спит лицом ко мне и улыбается. Так приятно на него смотреть! Будить не хочется, но надо ему сказать, как закрыть дверь, когда соберётся уходить.

– Ванюха... Мне надо вставать на работу...

– Ага... Я сейчас тоже встану, – сонно бормочет он.

– Давай спи дальше. Выспишься, дверь просто прихлопни.

– Ты меня оставляешь? – от удивления его глаза открываются. – А можно, я тебя подожду?

– Ну если тебе никуда сегодня не надо...

Возвращаюсь с работы и звоню в свою дверь! Как-то непривычно. Конечно, я могу открыть собственным ключом, но мне почему-то хочется, чтобы Ванька меня встретил.

Замок щёлкает, и его счастливая улыбка.

– А я тебя ждал, – это говорится почему-то смущённо. – Поесть приготовил...

– Отлично!.. Знаешь, это так классно – приходите домой, где тебя ждут.

Из запасённых мною концентратов получился прекрасный ужин. Никогда не думал, что обычные замороженные

фрикадельки могут быть такими вкусными.

– Саш... Ты ужинай, а я должен идти, – Ванька уже одевается в прихожей. – Там у меня бабушка почти сутки одна. Ей тоже помощь требуется. Да! На кухне табуретка разваливалась. Я нашёл у тебя молоток и её сбил. Ну и шурупами укрепил.

Мне становится и неудобно, и приятно – ведь даже с табуреткой, до которой у меня всё время руки не доходили, он разобрался. И я понимаю, что, если хочу, чтобы мы с ним постоянно общались (а я этого уже очень хочу!), надо учитывать его занятость.

Прощаясь, стоим, смотрим друг на друга и молчим.

– Ванюха... Мне так жалко, что ты уходишь... Ты ещё придёшь?

– А завтра можно?

– Нужно! – не понимаю зачем, но точно знаю – нужно!

Весь день летаю, как на крыльях. Могу признаться – жду вечера.

– Шеф, ты что-то сегодня в задумчивости. Никак у тебя новая сердечная привязанность? – хихикает Димка.

– Ох, Димон... Ты, кажется, прав, – признаюсь, не раскрывая, конечно, предмета своей привязанности.

– Ох, чувствую, мальчики пойдут, девочки пойдут, – поддерживает его Лёха.

– И ты пойдёшь! – беззлобно парирую я.

– Ухожу, ухожу, ухожу... – он, посмеиваясь, скрывается в соседнем боксе.

По дороге домой заезжаю в универсам и затариваюсь. Едва вваливаюсь домой, как раздаётся звонок в дверь. Открываю.

– Здравствуй, Саша! – Ванька улыбается в дверях.

– Ванюха... Я весь день ждал нашей встречи, – вырывается у меня само собой.

– Ждал, как ждут романтического свидания? – слегка подкалывает мой гость.

– Иди ты знаешь куда...

– Я бы пошёл... Но ты – натурал.

Напоминание в виде гейской шутки заставляет меня внутренне вздрогнуть.

– Извини... Я не хотел... – смущается он, видимо, почувствовав мое состояние.

На кухне пируем. Хотя что это за пир, когда на столе разная нарезка да бутылка коньяка. Ванька пьёт очень мало, но хмелеет.

Закуриваю и открываю форточку.

– Тебе холодно не будет? – спрашиваю заботливо.

– Саш... Ты не беспокойся... Мне тепло. Мне очень тепло с тобой... – и опять этот взгляд, в котором я тону...

Снова лежим под одним одеялом. Бережно прижимаю Ваньку к себе. Ловлю себя на том, что весь исхожу на нежность. Мне чудится в нём что-то родное, очень близкое...

– Ты меня обнимаешь, а для меня это... самая лучшая ласка, – он смотрит мне в глаза. – Меня ещё никто так не обнимал... Поверь... Мне большего не нужно, – и совсем уже по-детски: – Ты меня поцелуешь перед сном? Хотя бы в лоб...

В ответ сгребая его в охапку, прижимаю к себе, целую в лоб, а он утыкается лицом мне в плечо...

Предмет моей... привязанности – парень! Что за чувство к нему я испытываю? Любовь? Не знаю. Я действительно его воспринимаю как младшего братишку. Всегда жалел, что, из-за того что отец ушёл от матери, у меня нет младшего брата или сестры. Мне очень хотелось о ком-нибудь заботиться, кого-то любить. Не так любить, как мы любим противоположный пол. Ведь любовь бывает разной. Родительская, сыновняя, братская – это тоже любовь! Любовь как отношение к человеку, как состояние души. Желание заботиться, опекать, защищать – это тоже любовь! Те, кто называют любовью сексуальные упражнения, понятия не имеют об этом прекрасном чувстве! Любовь – в голове, в сердце, а не там, где такие люди думают.

Четыре ночи мы с Ванькой спим рядом. И мне приятно прижимать его к себе. При этом я не чувствую у него желания подвигнуть меня на секс. Вижу в нём огромную внутреннюю культуру и деликатность. Может, в детстве его недолюбили, недоласкали? Тогда все его последующие проблемы наверняка от этого. Где-то я о таком читал. Хотя там бабуш-

ка... Но бабушки бывают разными. А если всё это у него на, так сказать, генетическом уровне? Тогда что мне делать?

– Саша... Бабушке как ветерану войны дали путёвку в санаторий, – несколько смущённо сообщает Ванька, появляясь вечером.

– Значит, ты можешь пожить у меня! – буквально выпаливаю я.

– Правда? – он счастливо улыбается.

– Конечно! Хочешь, поедем за твоими шмотками?

– Да у меня, собственно, и нет ничего... Только то, что на мне... да ещё вот... нижнее бельё... – кивает на полиэтиленовый мешок в руках. – Я хотел... постирать в твоей стиралке. У нас нет...

– Не вопрос! Давай.

Ванька под моим руководством осваивает управление стиральной машиной.

– Правильно? – спрашивает, установив программу.

– Правильно. Включай.

Включает. Смотрит, как машина туда-сюда валяет бельё.

– Слушай, а давай завтра, когда ты будешь на работе, я постельное в неё закину?

– Давай. В общем, хозяйствуй!

Я очень рад тому, что эти три недели мы сможем пожить вместе. После ужина лежим уже в постели и пялимся в телик.

– Саш... Знаешь... Мне так хорошо! – шепчет он мне в ухо. – Я даже почувствовал себя дома...

– Повтори, что ты сказал, – прошу не потому, что страдаю слухом, просто мне хочется услышать это ещё раз.

– Сказал, что... чувствую себя дома, – повторяет и, видимо, смущается этого.

– Ванюха... Это так здорово! – за шею притягиваю его к себе. – Знаешь, как я этому рад?

– Теперь знаю... – улыбается и трётся об меня кудлатой головой. Во мне вдруг опять просыпается вся моя нежность. Как можно бережнее его прижимаю, глажу по непокорным волосам...

– И что мы с тобой будем делать? – вырывается у меня вопрос, который мучает уже давно.

– Саш... Я тут много думал... Я не хочу, чтоб ты себя ломал и вообще менялся. Если это произойдёт... В общем, я этого себе не прощу и поэтому не допущу. Я слишком люблю тебя такого, Саша, и не хочу потерять. А другого тебя... мне уже не нужно...

Значит, Ванька готов жертвовать!.. Но я-то чем могу ответить на эту жертву?

– За все эти дни... я многое передумал, – он буквально трудится над каждым словом. – Меняться должен я. Знаешь... мне всегда не хватало ласки... и родного тепла. Всё тогда случилось, наверно, поэтому... – и после паузы торопливо продолжает: – В детстве... Он был старше. Потом были ещё... А ты... Быть с тобой – для меня счастье. Касаюсь тебя, и уже счастлив. И ради этого... я готов... меняться.

– Ванька... Мой Ванька... – странно, почему я сказал, что мой?

– Сашка... Я твой... Совсем твой... Я, наверно, всегда был твоим, – шепчет он и прижимается. – Даже тогда, когда тебя не знал. Но... я это чувствовал...

Какие теперь у нас замечательные вечера вместе! Ванька приходит раньше меня из колледжа, поэтому я заказал ему отдельные ключи. К моему приходу он иногда даже успевает сделать очень приличный ужин. Живя раньше один, я всякими изысками, конечно, не заморачивался. Мне нравится, что человек умеет по-хозяйски и, главное, ненавязчиво быть полезным. Конечно, забота о бабушке, которая не может выходить из квартиры, его многому научила. Даже живя со мной, Ванька иногда на сутки исчезает, потому что ездит к ней в санаторий. Такие вечера становятся для меня испытанием. Я уже привык к этому тоненькому вихрастому парню, к тому, что он рядом со мной и можно опекать его, заботиться. Ясно, что моё отношение – это попытка обрести недостающего младшего братишку, более того – духовно близкого человека. С досадой думаю о том, что через несколько дней он поедет забирать бабушку из санатория и всё кончится. Снова буду ждать его прихода...

Уже заканчивается третий месяц нашей то совместной, то не очень совместной жизни. Должен сказать, Ванька хотя и младше на восемь лет, но потихонечку меня воспитывает.

Замечаю, что стал мягче, обходительнее или попросту деликатнее, предупредительнее, что ли... Он про это мне не говорил ни слова, всё пришло само. А качества, выработанные в общении с одним человеком, понемногу распространяются и на других.

Жаль только, что ему приходится исчезать на пару-тройку дней по делам. Но всё правильно! Парень работает, вернее – подрабатывает в своём колледже. Не на бабушкину же пенсию ему жить! Вот опять исчез. Не приходит уже больше недели! Просил к его дому не подъезжать. Связь у нас, к сожалению, односторонняя.

Мне плохо без него!

* * *

Я в далёком от своего районе города. Заезжал в знакомый автосервис проконсультроваться. Заковыристая машинка попалась. Даже вот вечером приходится...

Взгляд вдруг выхватывает из проходящих людей знакомую фигуру. Ванька! Да, это его старые джинсы и та же старая куртка... Делаю несколько шагов к нему и... останавливаюсь. Он уже не один! Его обнимает за талию какой-то молодой мужик! Да так обнимает, будто у них это было всю жизнь! И Ванька совсем не возражает! В глазах плывёт. Неужели он... Какой же я дурак! Сопли сразу повесил... А ведь сказал, что ему надо меняться! Соврал... Мне соврал!

Как это мерзко! А у самого есть любовник. Такой же, как он сам. Они садятся в машину. Тачка очень крутая. Да... Мне плохо. А ведь я ему так верил! Даже думалось, что сумею его вытащить из этого болота. Дурак!

Сажу на кухне и пью. Я не алкоголик, но... одиночество навалилось и согнуло.

В прихожей раздаётся звонок. Поднимаюсь и открываю.
– Здравствуй, Саша! – Ванька радостно улыбается в дверях.

– Я вчера вечером всё видел, – сухо говорю я вместо приветствия. – Не хочу, чтобы ты меня дальше обманывал. Уходи!

Он бледнеет, съёживается и опускает голову.

– Саш... Я объясню...

– Я не хочу тебя слушать, – и жёстко припечатываю: – С меня твоего вранья хватит. Я всё видел своими глазами. Уходи!

Дверь закрываю прямо перед его носом. Всё! Как я хотел отпраздновать Ванькино восемнадцатилетие! Придумывал подарок... А подарок получил сам.

Оставленные им вещи собрал в мешок. На помойку вынести не хватило духа. Я всё время о нём думаю. Настолько думаю, что даже перестал обращать внимание на окружающих женщин. Хожу в «Геракл» и отчаянно качаю своё тело. Хоть там отвлекаюсь. Тоска какая-то... Пустота! Вакуум!

Увлёкся подвернувшейся под руку на развале книгой Ана-

толия Мартынова о биоэнергетике. Я читаю её уже несколько дней.

С тех пор как, выгнав Ваньку, я опять остался один, снова потянуло читать. Сперва перечитал пару старых книг, которые несколько лет назад вызывали у меня интерес, но убедился, что, как видно, из них уже вырос. Потом «проглотил» пару современных детективов, которые мне рекомендовали мои парни на работе. Детективы показались мне скучными. А эта книга Мартынова подвернулась случайно, и вот читаю с огромным интересом. Известно, что впитывание чужих мыслей хорошо отвлекает от своих собственных. Оказывается, биоэнергетика – чертовски интересная штука. И практически каждый человек ею обладает, но только в разной степени. Короче, сразу начал эксперименты и этим основательно измучил Димку с Лёхой на работе.

...Мартынова закончил. Нашёл ещё пару книг на эту же тему. Читаю, набираюсь ума. Много думаю об этих вещах. Анализирую свой небольшой жизненный опыт через полученные знания. Оказывается, случаи, казавшиеся мне когда-то странными, находят своё объяснение через науку о биополе человека. Даже появились тщеславные мысли о том, что у меня есть к этому способности. Может, куда-нибудь походить поучиться?

Четыре месяца я без Ваньки. Не могу ничего с собой сделать – всё время думаю о нём. Снится он мне почти каждую ночь. Недавно снился почему-то в военной форме. Может,

нас с ним связывает какая-то ниточка? Связующая нить... Так, кажется, говорят? А может быть, это тоже биоэнергетика? И эта самая связующая нить – какое-нибудь совпадение полей или их связь? А если наши поля связаны или совпадают, то...

* * *

Обычный день на работе.

– Здравствуйте! Кто тут главный?

– Я главный. Здравствуйте.

Передо мной стоит изящная женщина лет тридцати и откровенно рассматривает!

– Вы что-то хотели? – прерываю этот процесс.

– Да. У вас можно поменять передние колодки? У меня «Гольф».

– Если приедете часа через два, то поменяем. Вон – подъёмник пока занят.

– Хорошо. Я обязательно приеду.

Смотрю ей вслед. Симпатичная тёлка... Может, я на пути к «оживлению»?

– Вот и я! – уже знакомая клиентка улыбается, снова меня рассматривая.

– Заезжайте! – командуя, распахивая ворота бокса.

– Ой... А не могли бы вы сами заехать на моей машине? – смущённо просит она. – Я ещё слишком малоопытный во-

дитель...

Её «Гольф» на подъёмнике. Димка с Лёхой меняют колодки. Я в такие ремонты не вмешиваюсь из-за их простоты.

– Простите, а как вас зовут? – маленькая ручка ложится на мою.

– Саша.

– А я – Наташа... Будем знакомы. Саша, вы не могли бы... ещё проверить и общее состояние моей машины? А то я купила – сама не знаю что. С рук же...

– Конечно, посмотрим, – пожимаю я плечами. Уверен, что там всё в порядке.

...Опять эта Наташа нарисовалась! Уже, наверное, четвёртый раз приезжает со всякими безделицами. Только отрывает от настоящей работы.

– Саша, вы не посмотрите машинку ещё раз? – просит она с выражением подчёркнутой наивности на личике. – Что-то там постукивает... при движении.

В общем, мне всё понятно. Дело не в машине, а ездит эта дамочка сюда из-за меня. И это совсем не потому, что я слишком высокого мнения о своих достоинствах. Наверняка это просто скучающая баба, желающая очередного приключения!

– Ну давайте проедемся, – соглашаюсь без особого желания. – Только поведу я.

Катаюсь уже пятнадцать минут, но ничего услышать не могу.

– Вы так виртуозно водите!.. – тихонько оценивает пассажирка-хозяйка.

– Так уже почти десять лет за рулём, – бурчу и торможу около боксов. – Короче, Наташа, ничего криминального я в вашей машине не услышал.

– Простите... Мне, наверно, приглючилось, – и заглядывает мне в глаза. – Саша, у меня ещё одна просьба... Вы не могли бы мне дать несколько уроков езды? Вы же сами, наверное, знаете, как сейчас учат в автошколах...

– Час моего времени стоит дорого, – предупреждаю, надеясь, что это её отрезвит.

– Ой, Саша, я женщина состоятельная! Ну пожалуйста... Меня всё устроит!

Что ж, раз устроит – значит, будет заработок. Покатаюсь с ней! Да, эта Наташа, похоже, на всё согласна, а слово «всё», как известно, есть понятие многогранное. Ежедневно вечером она подъезжает к нашим боксам, я сажусь в машину, и мы едем кататься по городу. Как настоящий инструктор, делаю замечания по её езде, советую, рассказываю про особенности вождения в зимний период. Надо сказать, такое общение меня неплохо развлекает, ведь наши отношения сильно напоминают игру в кошки-мышки. Причём мышкой назначен я. Но поскольку скучаю, мне хочется дать себя поймать, и потому надо играть роль недалёкого парня, который, увидев роскошную женщину, потихоньку вязнет в её сетях. Ясно, что с её стороны это – стремление получить для себя

новую игрушку. Вообще, давно стал за собой замечать интуитивное распознавание ситуации «правда – ложь», и обман, даже утончённый, чувствую сразу. Странно только, что в случае с Ванькой я этого не почувствовал... Да чёрт с ним, с Ванькой! Не могу же я всё время себя грызть! В конце концов, он сам виноват. Короче, прочь тоску и самобичевание! Вперёд, к новым приключениям! Пусть Наташа считает меня тупым мужланом, раз природа требует – подчинюсь. Поиграю с ней в её игру.

...С Наташей всё случилось в её загородном доме. Теперь мы с ней часто туда ездим и неплохо проводим время. Она может быть собой довольна, поскольку новую игрушку всё-таки заполучила. Уверяя меня в своей одинокости, моя новая подружка явно врёт. То ли действительно считает меня законченным идиотом, то ли сама такая, но в этом доме я, сам того не желая, заметил достаточно следов другого мужчины. Полагаю, что она замужем, а сюда ездит для того, чтобы провести время с любовником. Ну что ж! Буду играть до тех пор, пока это меня занимает, хотя абсолютно точно знаю, чем всё закончится.

– Сашенька, а Сашенька... – лёжа в моих руках, Наташа кокетливо дует губки.

– Что случилось, моя зайка? – спрашиваю заботливо до тошноты.

– Ты завтра опять поедешь на работу в свой грёбаный автосервис?

– Ну конечно, моё солнышко... Ведь на жизнь надо зарабатывать!

– На жизнь... Я же говорила тебе, что я – состоятельная женщина и могу содержать моего любимого мужчину.

– Но что же я буду за мужчина, если меня будет содержать женщина?

– Да продай ты свои боксы! Съездим в Черногорию... Там так классно!

Да... С логикой у неё явно не в порядке. Продай и поедем! Это называется «содержать». Да и в Черногорию её уже наверняка кто-то катал, раз ей там было «так классно».

– Что ты, зайка... Я должен работать.

– Единственное, что ты должен, – это ублажать меня! – со смехом заявляет она.

Конечно, это шутка, но в каждой шутке, как известно, только доля шутки.

– Я что, с этим плохо справляюсь?

– Ты прекрасно с этим справляешься! Ты великолепен и жаль, что не мой муж.

– Так в чём же дело? – поддерживаю я её игру. – Давай поженимся?

– Ох, Сашенька... – Наташа картинно вздыхает. – Как ты ни хорош, но лучше пока побудем свободными. Разве я похожа на ветреную девчонку, которая выскакивает замуж после четырёх месяцев знакомства?

– Ну вот... – разыгрываю обиду, и, кажется, не очень на-

турально.

– Сашенька... Ты обиделся, котик?

– Ладно... Проехали...

Ой! Что это? Наташа отчаянно трясёт меня за плечо и даже лупит по щекам.

– Сашка! Сашка! Быстро просыпайся! Да просыпайся же ты!

– Что такое? – сперва не понимаю я. – Что случилось?

– Вставай! Вставай скорее! И уходи!

У неё такой вид, какого я ни разу не видел. Что-то требовательное, жёсткое в лице.

– В чём дело, зайка? – задаю вопрос, но догадка сразу меня осеняет.

– Какая зайка! Кончилась зайка! Уматывай! – и злая гримаса на лице.

– Ты хоть кофе мне сделай на дорожку! – провокационно прошу я, придя в себя и понимая: игра вступает в финальную фазу. Приятно разыгрывать влюблённого тьюфяка!

– Иди ты в жопу со своим кофе! Вали отсюда! Муж придет, от нас мокрого места не оставит! – раздражённо кричит она.

– Так ты же свободная женщина?

– Ты ещё и кретин! Одевайся! А то выкину твои шмотки.

Голым пойдёшь!

Смотрю в её лицо. Вот так выглядит лицо его превосхо-

дательства Обмана. Всё без прикрас. Специально не спеша одеваюсь, деловито проверяю карманы. Всё на месте.

– Ну прощай, зайка! – хмыкаю и добавляю: – Приятно было поиграть!

– Козёл неотёсанный! – слышу вслед, выпрыгивая в окно. До железнодорожной станции километров пять. Сюда я приехал на Наташиной машине. Придётся идти пешком. Сколько времени? Шесть утра! Вот и хорошо – значит, электрички уже ходят. Апрельская грязь чавкает под ногами. Моросит холодный дождь... Господи! Какое же у меня хорошее настроение! Будто гора с плеч! Иду и смеюсь. Мне весело! Навстречу мчатся фары. Наверное, это благоверный едет к милой жёнушке...

А вот когда я расстался с Ванькой, у меня веселья не было. Ванька... Где он сейчас? Что с ним? Настроение катастрофически падает.

На первых электричках не бывает много пассажиров, и в этом вагоне их наверное с десяток. Напротив меня сидит молодая женщина и читает. Без всякой задней мысли её разглядываю. Довольно миловидна, но ничего особенного... Кольцо на пальце. Значит, не одна... Поднимаю воротник промокшей куртки и съёживаюсь в ожидании тепла.

Почувствовав взгляд, женщина поднимает на меня глаза от книги. Кажется, из-за нахлынувших мыслей по щеке побежала слеза, но всё равно мы достаточно долго смотрим друг

на друга.

– Простите... У вас что-нибудь случилось? – вдруг спрашивает она участливо.

– Почему вы так решили? – вздрогнув, смущённо бурчу я. Надо же!

– У вас какой-то потерянный взгляд, несмотря на то что вы меня изучаете, – попутчица мягко улыбается.

– Есть немного... – вздыхаю, интуитивно чувствуя в ней участие.

– Знаете... У меня тоже не всегда всё хорошо складывается, но поверьте, все неприятности проходят и жизнь налаживается...

Сказанное, конечно, банальность, но желание моей невольной спутницы успокоить и как-то поддержать дорогого стоит.

– Вы, конечно, правы... Я знаю, что жизнь полосатая, но как её дождаться – белой полосы?

– Главное – верить, что белая полоса обязательно наступит! – она даже книгу прикрыла, разговаривая со мной.

– Вашими бы устами... Но почему вы так запросто со мной? Всё-таки незнакомый мужчина...

– Ну что вы... Вы совсем не тот человек, которого надо бояться. Вы не страшный. Думаю, вы сильный, а потому – добрый. Только какой-то потерянный...

– Неужели это так видно?

– Мне видно. Другим – не знаю. Извините, вас как зовут?

– Александр. Саша.

– А я – Лена. Вы не подумайте, что я клеюсь к симпатичному парню. Просто мне кажется, что вам сейчас нужно человеческое участие.

– Наверное, вы правы. Именно человеческое участие мне и нужно. Я привык всегда быть сильным, служить опорой... А получается, что опора сейчас нужна мне самому.

– Мне всегда казалось, что некоторые сильные люди как раз в пиковых ситуациях и нуждаются в поддержке. Они оказываются морально не готовы к серьёзным потрясениям, поскольку привыкли всегда повелевать ситуацией.

– Вы, наверное, психолог? – улавливаю в своём тоне лёгкую иронию.

– Я бы сказала – любитель психологии, – серьёзно отвечает Лена и улыбается: – Признаюсь, мои подруги часто приходят ко мне поделиться своими проблемами. Мы разговариваем, и им становится легче. Даже находят выходы из сложных ситуаций.

– Знаете, в своей жизни я ещё ни разу ни с кем не делился своими проблемами. Как-то не получалось. Может, не находилось подходящего человека...

– Предположу, что вы сами этого не хотели или поводы были незначительными.

Она права! Если проанализировать мою жизнь последних лет, то скорее всего я не попадал в ситуации, которые поглощали бы меня полностью. А сейчас все мысли только о Вань-

ке. Почему я пошёл на эту авантюру с Наташей? Мне показалось, что, заполнив своё время, перестану о нём думать. Не получилось! Всё вернулось на круги своя.

Сосредоточенно молчу, углубившись в свои мысли, а Лена только смотрит на меня с участием.

– А можно, я вам всё расскажу? – задаю вопрос и сам себе удивляюсь.

До города ехать ещё почти полчаса, а поездные попутчики тем и хороши, что с ними можно, как у Розенбаума, «душой раздеться».

– Конечно! – очень спокойно соглашается она и прячет книгу. ... Я уже выговорился. Рассказал всё. Моя слушательница молча смотрит на меня, будто вынашивает свой приговор. Наконец начинает говорить.

– Знаете, Саша, то, что вы мне рассказали, конечно, грустная история. Вы мне простите мою оценку происшедшего? Увы, она будет нелицеприятна для вас.

– Я за этим к вам и обратился. Помогите мне понять всё, а главное – себя самого.

– Понимаете... Главный-то виновник – вы. Если вы воспринимаете Ваню как младшего брата, любите, как младшего брата, то не лишайте его права на объяснение своих поступков. А вы даже не дали ему оправдаться, объяснить вам что-либо. С чего вы взяли, что сумели во всём разобраться? Судя по всему, в вашей истории, как в старой песне, «встретились два одиночества». А внутреннее одиночество куда ху-

же внешнего. Тут человек вроде и среди людей, но у него нет возможности к кому-то прислониться в тяжёлый момент. Даже если это сильный человек! По правде говоря, внутреннее одиночество – это зачастую следствие внутренней силы человека, а значит, его слабость. В природе всё должно быть в гармонии. Где-то выигрываем, значит, где-то должны и проиграть. Думаю, вы с Ваней взаимно нужны друг другу. Жизнь вас свела наверняка не напрасно. Вы потянулись друг к другу и стали дополнять друг друга эмоционально и интеллектуально. Причём он ради отношений с вами сам захотел изменить свою природу. Если это, конечно, природа, а не последствие всех его потерь. Это дорогого стоит! Вы же сейчас, я бы сказала, взбадриваете в себе чувство сомнения и даже обиды, а значит – любуетесь собой в этой истории. А любоваться-то нечем, да и некем. Вы – виновник. Парень хотел вам что-то объяснить, а вы его взяли и выгнали, не дав сказать ни слова. Если бы Ваня был вам по-настоящему дорог, то вас не интересовала бы ваша роль в ваших отношениях.

Сижу, слушаю и понимаю, что Лена во всём права.

– Саша! Вы обязаны найти Ваню и поговорить с ним. Не сомневаюсь, что у него были веские причины.

Поезд подходит к вокзалу. Жаль... Ловлю себя на том, что даже от её взгляда мне стало легче и спокойнее. Ещё бы с ней поговорил. Но не навязываться же!

– Жаль, что быстро приехали, – выдавливаю я тихо.

– Знаете, Саша, если у вас опять возникнет необходи-

мость выговориться, то мы можем встретиться. Мне хочется вам помочь. Уверена, что не пожалею об этом. Только учтите, живу я в области, а работаю в городе, поэтому приходится рано вставать. Вообще-то я по профессии юрист и работаю юрисконсультантом в строительной фирме. А нам, юристам, иногда случается быть и психологами.

Лена мне дружески улыбается, и я улыбаюсь ей в ответ.

– Я вам очень благодарен... Только, насколько понимаю, вы замужем, и боюсь, что ваш муж может это неправильно понять.

– А вы не бойтесь! Мы с Павликом очень любим друг друга и поэтому доверяем друг другу. Живём мы в посёлке Чистые Озёра. Это километрах в сорока от города. Только он в стороне от железной дороги, и до станции приходится добираться автобусом или маршруткой. Запишите на всякий случай мой телефон.

...Как она сказала? «Мы очень любим друг друга и поэтому доверяем друг другу». А я хорош, если из-за увиденного один раз вскипел и даже не дал Ваньке ничего сказать в оправдание. Сам себе рассказывал, что люблю его, как младшего братишку, а на деле выходит – и не люблю вовсе? Но ведь это не так! Если бы не любил, не думал бы о нём постоянно! Я же не дал ему оправдаться. Я должен с ним объясниться! Завтра же поеду к его дому и дождусь, ведь знаю, где он живёт. В квартире не был, а дом-то помню!

Больше недели вечерами дежурил у Ванькиного дома. Уезжал где-то в четыре утра... Май, ночи светлые – всё видно. А Ваньки нет! Где же он может быть? Беда...

Воскресенье. Набираю номер телефона с бумажки.

– Я вас слушаю, – звучит мужской голос в трубке.

– Здравствуйте... Можно Лену?

– Это, наверное, Александр?

Значит, действительно у них полное доверие, если он знает про наш разговор.

– Да... Это я...

– Знаете, Леночки сейчас нет дома, она к подруге пошла.

А вы, если хотите, то прямо сейчас и приезжайте. Она скоро вернётся. Записывайте, куда ехать.

...Дверь мне открывает мужик лет тридцати пяти. Высокий, выше меня. Совершенно седой... и на протезе.

– Здравствуйте. Я – Саша... – представляюсь тихо, поскольку в этот момент меня буквально пронзает мысль о том, что он, наверное, хлебнул Чечни.

– А я – Паша! Заходите!

Переступаю порог. Пашино рукопожатие очень крепкое и тёплое.

– Пойдёмте в комнату, – приглашает он.

Снимаю в прихожей кроссовки и иду за ним.

– Вот так мы и живём! – хозяин разводит руками. – Садитесь. Честно говоря, я ещё ни разу не видел такого уюта и... такой бедности. Однако так всё аккуратно и с такой любовью устроено!

– Леночка сейчас уже придёт. Вы подождите, а я тем временем кофе сварю.

Почти сразу клацает замок входной двери.

– Вот и я, – слышится голос Лены, и Паша стучит протезом в сторону прихожей.

– Саша пришёл к тебе. Займись им, а я, раз ты пришла, схожу в гараж, чтоб вам не мешать беседовать, – доносится из передней.

– Здравствуйте, Саша! Правильно сделали, что приехали! Только давайте на кухне поговорим и заодно кофе попьём. Не возражаете?

– Нет, конечно! С удовольствием! – проходя через прихожую, вижу одевающегося Павла и не удерживаюсь от вопроса: – А что у вас за машина?

– «Нива» с инвалидным управлением. Только вот никак не могу её пристроить на ремонт ходовой. Не берут нигде! – с воодушевлением жалуется он.

Меня сразу же охватывает желание помочь этим милым людям.

– Запчасти купили?

– Да лежат уже два месяца! Пристроиться бы хоть куда-нибудь на ремонт!

Телефон здесь же, в прихожей на стене. Набираю через межгород номер Димки.

– Димон, мы завтра когда «семерку» отпускаем?

– В двенадцать где-нибудь, а что?

– У нас «Нива» на двенадцать будет.

– Большого геморроя ты придумать не мог? – мрачно издевается он, но потом вздыхает и неохотно соглашается. – Есть, шеф.

Поворачиваюсь к Паше. Немного неудобно, ведь голос в трубке звучал громко.

– Завтра в двенадцать становитесь на ремонт. Доедете?

– Так вы уже всё решили, – улыбается он. – Так что: «Есть, шеф!» Везёт тебе, Ленка, на хороших людей!

– У меня есть свой маленький автосервис, – решаю пояснить я.

– Только понимаете, Саша... Мы не сможем заплатить больше тысячи рублей... – осторожно предупреждает будущий клиент.

– Это будет вам совершенно бесплатно, – обещаю максимально твёрдо.

Сидим на кухне, пьём кофе. Как-то очень спокойно и уютно у них. Душой отдыхаю. Вот что значит любовь между людьми! И самим тепло, и другие могут согреться.

...Довольно потрёпанная «Нива» подъезжает к боксу. Ну слава богу! Я очень боялся, что Павел не найдёт. Открыва-

ется дверь, сначала появляется палка, а затем тяжело вылезает сам хозяин. При виде его протеза парни перестают зубоскалить.

– Заезжайте! – командует Димка, но вдруг осекается. – Товарищ капитан?

– Дима! – вскрикивает Паша и быстро ковыляет навстречу.

Я, не успев поздороваться, стою в сторонке и смотрю, как они тискают друг друга в объятиях. Димка очень неохотно рассказывал про первую чеченскую войну, которая его тоже зацепила, и то только тогда, когда дело касалось ранения. А тут такая встреча...

– Шеф! – поворачивается он ко мне: – Я с этой машиной буду работать бесплатно. Это мой командир, это он меня раненого вытаскивал.

– Дима, – улыбается Паша, – Саша сказал, что за ремонт с меня не возьмёт.

– Шеф, а у тебя, оказывается, бывают светлые мысли! – и это зубоскальство звучит как одобрение.

* * *

Ваньку я увидел давно и сейчас иду за ним. Вернее, ноги несут сами. Надо бы окликнуть! Только что-то мне мешает это сделать. Вышагивает... Те же старые джинсы и старые кроссовки с высунутыми языками. Одежда всё та же...

А-а! Вот и цель. Какой-то мужик... Обнимает его. Хорошо хоть не целует при всех. Что-то говорит... Ванька улыбается. Насколько я вижу издали, как-то неестественно улыбается... Может, и ему плохо? А может, мне это показалось?

Конечно, показалось! Вон – опять улыбается! Ему, видно, хорошо, и у него нет проблем! Я ведь опять всё видел! Зря мне Лена тогда говорила! Я обязательно ей про увиденное расскажу. Тем более что теперь у них бываю.

За окном конец августа. Вечер. Как всегда, я дома один. Читаю свои книги...

Звонок в дверь. Кто это может быть на ночь глядя? Открываю... Ванька?!

– Здравствуй, Саша... – выдавливает он и опускает глаза.

Вернулся – блудный сын! Действительно, вся одежда та же... Всё то же! Глухое раздражение просыпается во мне. То с тем мужиком... А теперь сюда припёрся!

– Заходи. Забирай свои шмотки... и вали. Здесь не камера хранения, – угрюмо командую я и сторонюсь, давая ему дорогу. Его оставленные вещи так и лежат у меня.

Понуро проходит в комнату. Иду за ним.

– Держи и вали отсюда! – приказываю, повысив голос и подавая ему мешок, куда всё сложил ещё тогда. А так хочется его обнять, прижать к себе!..

– Саш... Я хотел тебе сказать... – бормочет Ванька, не глядя на меня.

– Сваливай! Слышишь? – сил терпеть у меня уже почти нет.

– Саш... Прости, но...

Всё! Терпение моё, видно, закончилось. Открытой ладонью со всей силой бью по этому дороговому мне лицу. Ванькины зубы лязгают. Сам он отлетает в угол, и слышу глухой звук удара о стену головы. Медленно и неуклюже оседает на пол... Тишина...

Отрезвление приходит сразу. Что же я натворил!

– Вань, – зову тихо, – Вань...

Он молчит, и глаза закрыты!

– Вань... – падаю на колени, подсовываю руку под голову, кладу её себе на согнутую ногу. – Ванюха, ответь... Прости меня, скота, – бормочу, глядя его по волосам.

Наверное, при этом напоминаю Ивана Грозного с известной картины.

Ох-х... Открывает глаза... Смотрит на меня, как с того света...

– Сашка, – звучит тихий шёпот разбитых губ. – Сашка... Прости меня... за всё... У меня, кроме тебя, никого нет... Поверь...

– Ладно... Давай вставать, – и пытаюсь ему помочь.

Беда... Встать он не может. Ловит воздух руками и пытается упасть. Беру его на руки и укладываю на тахту. Подкладываю под голову все подушки.

– Вот так... Лежи, я сейчас!

Весь лёд из морозилки, заготовленный для охлаждения соков, высыпаю в полиэтиленовый мешок. Почему-то мне кажется, что ему сейчас нужен холод. Возвращаюсь и пристраиваю эту холодную грелку на Ванькиной голове.

– Саш, – тихо произносит он, – ты не волнуйся... Я немного полежу и пойду... Я всё понимаю...

– Ничего ты не понимаешь, – и вытираю капли воды с его лба. – Я тебя никуда не отпущу. Ты остаёшься здесь.

– Нет, Саш... Мне всё равно стыдно... за всё... Уйду.

– Это мне должно быть стыдно... – бурчу недовольно, но вдруг меня будто прорывает и я начинаю на него кричать: – Да ты понимаешь, что я не могу без тебя? Ближе, чем ты, у меня в этой жизни нет никого! Идиот! Весь этот год... Да! Весь этот год я думал всё время только о тебе! Ты мне каждую ночь снился! Каждую!

– Знаешь... Чтобы такое от тебя услышать, я готов выдержать ещё одну... – Ванька, улыбаясь, шепчет матерное слово и тянет меня к себе. Тоже его обнимаю.

Раз шутит, значит, не так всё плохо. Только вроде он раньше не матерился...

– Ладно... Давай я постелю нам кровать. Посиди пока на стуле и держи мешок.

Ну вот... Сидит на стуле и держит на голове лёд...

Стягиваю с него кроссовки, джинсы, куртку и рубашку. Беру на руки и укладываю.

– Саш... – рука не отпускает мою шею. – Я так счастлив,

что мы опять...

– Ванюха... – выдыхаю я и прижимаю его к себе. – Какой же ты дурак! Ты не представляешь, что для меня значишь. Ты же мне как...

– Да... Я – Ванька-дурак... – шёпотом прерывает он, и слёзы начинают катиться у него из глаз, будто я его опять ударил.

– Ты чего? Вань... Ну не надо... Всё будет хорошо!

– Мне стыдно... Ты не знаешь... многого...

– Прекрати... – и касаюсь губами плачущих глаз, глажу. – Ванюха мой...

– Да... Я только твой. И был только твоим... всегда. Попробуй мне поверить...

Кажется, после такого прошедшего года можно успокоиться. Ванька лежит рядом, пусть с разбитой головой, но главное, что он тут, со мной, а всё остальное образуется.

После работы, заскочив в магазин, прихожу домой.

Ванька полулежит на тахте, как я его и оставлял.

– Ну, ты как?

– Ничего... Даже ходил немного. Только голова всё ещё слегка кружится...

– Сейчас будем есть, – объявляю я и иду на кухню.

Что это? В моей пепельнице окурки? Вроде я после себя их выбрасывал...

– Саш, – слышу из комнаты, – это я курил. И сигареты у

тебя стащил. Извини...

– Ты же не куришь... – вырывается у меня, и я подхожу к нему.

– Не курил, – несколько отрешённо поправляет он. – А теперь вот... Сядь рядом... Обещай меня выслушать. Пожалуйста...

– Конечно! Я слушаю... – и сажусь.

Долго смотрит на меня, будто не решается начать.

– Саш... У меня действительно теперь, кроме тебя, больше никого нет...

Что-то мне подсказывает, что сейчас надо молчать и молчать!!

– Понимаешь... – Ванька делает длинную паузу. – Я тебе говорил не всегда правду. Ты прости... Мои мама и папа погибли... в автокатастрофе. Я ещё маленьким был. Я тебе рассказывал... Меня воспитывала бабушка. Строго воспитывала. Можно сказать, пуритански. Она мне говорила, что у меня есть сводный брат по отцу. Кстати, тоже Саша... Но кто знает, где он, этот Саша... – и вздыхает.

Что-то сжимается у меня внутри от безумной жалости к нему.

– Первый раз это было... Я учился в восьмом классе. Неплохо учился. Мне было четырнадцать. У девчонок успеха не имел. Кроме как дохликом они меня никак не звали... А он у нас вёл занятия. Мне казалось, он меня понимает. Мне так хотелось ласки! Ласки, которой я практически не

знал. А он был со мной ласков. Мне было хорошо с ним, и когда он предложил... я согласился. Привязался к нему... Я потом ушёл из школы. Он меня бросил, и я не мог его больше видеть... с другим парнем. Стал учиться в колледже. Бабушка болела... Она хоть и ветеран войны, но пенсия маленькая. На лекарства денег не хватало. А тут его снова встретил... Как-то рассказал всё... Он познакомил меня... с другом. Тот дал мне работу... и деньги... Мне было стыдно, но приходилось... работать... по оказанию... – Ванькин голос, звучащий отрешённо, вдруг спотыкается. – Я был рядовой шлюхой, Саша! Потом... познакомился с тобой. Дрался я тогда с парнями, которые меня выследили и решили отметелить за то, что гей. А в тебя я влюбился сразу! Ты для меня превратился в магнит какой-то... Но деньги на лекарства бабушке всё равно надо было зарабатывать. Я их и зарабатывал... как мог. Потом... всё получилось, как получилось... Осенью меня забрали в армию. В колледже я набил морду сыночку одного очень крутого... Меня выгнали... и сразу призыв. А через два месяца после призыва... бабушку парализовало. Инсульт... Мне соседка сообщила. Спасибо ей и военкомату – меня отпустили... через семь месяцев службы ухаживать за ветераном войны. Всё время моего отсутствия соседка за ней ухаживала. Я приехал. Опять нужны были лекарства, и много. Была надежда, что она выкарабкается. Пенсии не хватало. И я опять... Ну ты понимаешь... Я же ничего не умею! Чего не сделаешь в такой ситуации... В общем, бабушка всё

равно умерла. Вернулся... с похорон и сразу пошёл к тебе. Теперь ты знаешь всё... Меня жжёт стыд! Человек с этим шёл ко мне, а я... Сгребая его в охапку. Понятно теперь, почему в моём сне он был в военной форме. Действительно, связующая нить!

– Вань... Ванюха... Прости ты скотину... Ну... Я скот!

Всё-таки Лена была права! Надо верить! Я ведь сам во всём виноват. Выслушай его тогда – помог бы, и не пришлось бы ему быть Соней Мармеладовой в мужском обличье.

– Саш... У меня всё равно, кроме тебя, нет никого... – выдыхает он и, кажется, опять плачет. – Я весь перед тобой... Делай со мной, что хочешь. Мне так плохо...

– Вань, – стараюсь говорить спокойно, но не очень получается, – запомни: у тебя есть я. Мы с тобой – вместе! Нас теперь двое! Понял? Теперь я буду тебе вместо... бабушки, брата... Вместо всех! И жить ты будешь здесь, со мной. Мы всё преодолеем!

Ванька только молча прижимается ко мне. Буквально вжимается в меня...

– Саш... – он смотрит мне в глаза. – Я ведь тогда стану обузой для тебя...

Да... Парень повзрослел за это время! И такой мудрый, я бы сказал, взгляд...

– В таком случае ты... идиот, – улыбаюсь и опять бережно прижимаю его к себе. – Ты не обуза. Знаешь, как ты мне дорог? Может, ты моё счастье... Без тебя я многое понял...

Наверно, для того, чтобы по-настоящему найти, надо сначала потерять...

– Я тоже многое понял без тебя... – эхом откликается Ванька и притягивает к себе мою голову. – Я тоже боюсь тебя потерять, но...

– Без «но». Если не сбежишь сам...

– Не надейся...

Обнимает меня и дышит мне в шею. Так мы полулежим долго. Мне действительно этого так не хватало! Однако надо кормить больного.

– Ладно... Лежи. Я пошёл готовить ужин...

– Я с тобой, – и это звучит по-детски. – Помоги мне встать, пожалуйста...

На кухне кидаю мясо на сковородку и начинаю чистить картошку.

– Дай я почищу, – просит Ванька из угла, куда я его усадил.

– Сиди уж...

– Дяденька, дай. Обещаю пальчик не порезать, – и ядовито хнычет.

Становится смешно, и я фыркаю.

– Серьёзно... Давай сюда, – это сказано уже нормально. – А то смотреть, как ты чистишь, – мучение сплошное. Наверняка по-прежнему концентраты жрёшь...

Попадание в самую точку. Да-а... Раньше он так со мной не говорил. Это уже совсем другой Ванька. Хорошо его тря-

нуло. Но мне даже приятно, что он стал таким.

– На, трудись! – и отдаю ему миску с картошкой.

М-да... Чистит великолепно! Заметил мой взгляд.

– Бабушкина наука... Она часто болела, и когда я готовил... сидела и учила, – вздыхает и вдруг утыкается носом в руки.

Подхожу к нему и прижимаю к себе его голову. Трогаю русые вихры. Отрастил...

– Вань... Где она похоронена?

– На Богословском... Рядом с мамой и папой...

– Когда оклемаешься, я тебя туда отвезу... Хорошо?

– Ладно... – вздыхает он. – Плесни три столовые ложки воды в мясо, а то сожжёшь к... Ну понял, конечно...

Послушно исполняю.

– Слушай, а ты давно куришь? – спрашиваю, поскольку, это же не просто так!

– В армии начал. Жизнь заставила. Надо было быть как все... Там индивидуальности не прощают. Особенно у слабых...

Уже когда мы лежим, собираясь спать, Ванька вдруг приподнимается на локте и напряжённо смотрит на меня.

– Саш... Ты прости... Я действительно не буду для тебя обузой? Блин! Он думает, что я сказал и забыл! Ну погоди...

– Слушай... – изображаю вспоминаящий вид. – Не помню, я тебе уже говорил, что ты клинический идиот с куриными мозгами?

Слушая сначала сосредоточенно, он расплывается в улыбке.

– Про идиота говорил... – и делает паузу. – А вот про куриные мозги ещё нет.

– Дорогой ты мой... – и, как когда-то, ерошу его гриву пятернёй. – Неужели ты подумал, что я тебя смогу бросить с твоими трудностями? Да и не только с трудностями.

...Открываю глаза. Ванька трясёт меня за плечо.

– Саша... Сашенька... Я здесь... Я рядом...

– Что случилось?

– Ты так кричал во сне...

– Что кричал? – спрашиваю недовольно.

– Звал меня... Я потому и проснулся. Кричал, чтоб я не уходил. Плакал даже...

Понятно... Мне действительно снилось, что Ванька уходит навсегда, вернее, как-то растворяется, а я пытаюсь его схватить и не могу! Да и лицо у меня мокрое...

– Значит, правильно кричал. Давай спать дальше... Наверно, это я за него схватился, как за спасательный круг в этой жизни...

* * *

– Сашка! Ты вовремя! – слышу я, едва войдя в квартиру, голос из кухни и только теперь замечаю, что пахнет удивительно вкусно.

Захожу туда. Ванька, одетый в мой халат, что-то перево-
рачивает на сковороде.

– Сегодня я дежурный по кухне! – сообщает он радостно. – Давай ужинать.

Ничего себе! Такое... И коньяк на столе!

– Ну ты даёшь! Только зачем на улицу ходил?

– А я уже почти здоров. Даже голова не кружится, только шишка немножко побаливает. Мой руки и садись. Кстати, где теперь у тебя те рюмки?

Понимаю, что речь идёт о двух рюмках, из которых мы с ним пили год назад.

– Я их убрал.

– Достань. Я хочу, чтоб мы пили из тех рюмок, – и нажимает на слово «тех».

После первой хмель сразу шибает мне в голову. А вообще-то давно не пил...

– Знаешь... Кажется, только сейчас я почувствовал себя дома, – признаюсь я. – До этого всё было... ну как в гостинице, что ли... Никто не ждёт, не беспокоится.

– Сашка... – снова тону в его глазах. – Я счастлив, что сделал тебе приятное!

– Давай ещё выпьем! За тебя!

– Нет! – и снова нажим в голосе. – За нас! Если ты не возражаешь...

Не перестаю удивляться. Прошёл год, и человек так изменился... Эти жёсткие нотки в голосе, которые прорываются

иногда, в ключевые моменты. Это ёрничанье и шутки... Но всё равно – это мой дорогой Ванька!

Наливаю снова. Чокаемся и пьём. В прихожей раздаётся звонок.

– Пойду посмотрю, кого это несёт, – и иду к двери. Открываю... На пороге неизвестный мужик, лет на десять постарше меня и покрупнее. Узнаю того, с кем видел Ваньку в городе.

– Иван здесь? – деловито спрашивает он.

– Да... – недоумённо отвечаю я, машинально пропуская его в квартиру.

– Привет, Ванёк! – весело здоровается мужик, запросто заходя на кухню. – Ну ты молодец! Так чувачка раскрутил! Талант! – гость смеётся и поворачивается ко мне. – А с тебя, чувачок, по таксе! За трое суток. По пять штук за сутки, итого – пятнаха!

При этом я вижу только одно Ванькино лицо. Оно совершенно белое, с огромными вытарашенными глазами. На нём написан обычный человеческий ужас. Этот вид заставляет меня включить мозги. Так... Его рассказ... Три дня назад появился... Мысли прерывает крик, переходящий в фальцет.

– Неправда! Я больше не работаю! Понял? – и Ванька начинает приподниматься с табуретки. – Иди отсюда! Слышишь? Деньги я тебе отдам... Заработаю и отдам!

– А ты сядь, Ванёк! – мужик небрежно толкает его обрат-

но. – Когда бабло на похороны было нужно, так прибежал! А теперь...

Нет уж! Конечно, ты отдашь! Ты своей жопой, как и раньше, будешь отрабатывать, пока не отдашь, да ещё и с часиками! А их много! И клиентов у тебя будет тоже много. Это я тебе обещаю.

Всё говорится спокойно и уверенно, даже по-хозяйски. Ванька снимает. Мне становится кое-что ясно. Главное, понятно, что парень вляпался и его надо спасать.

– Так! – отодвинув гостя, вхожу на кухню тоже. – Сколько он тебе должен?

– А ты такой добрый! С часиками полтаху штук.

– Я отдам тебе эти деньги, а ты оставишь его в покое.

– Это другой разговор, – умиротворённо заявляет сутенёр и без приглашения садится на свободный табурет.

– Я должен тебе только тридцать! – выкрикивает Ванька.

– Часики, Ванёк. Часики! – и уже мне: – Но чтоб деньги сейчас!

– Деньги будут сейчас.

Иду в комнату. У меня лежит стольник на непредвиденные расходы. Вот они и пришли. Быстро отсчитываю пятьдесят и возвращаюсь, прихватив с собой бумагу и ручку.

– Пиши расписку, что получил с Ивана долг. И покажи хотя бы права с фамилией.

– Ох, как всё серьёзно! – фыркает сутенёр, но в карман лезет.

Когда я его выпроваживаю и возвращаюсь на кухню, то вижу Ваньку, уронившего голову на руки. Плечи его трясутся.

– Ну ладно, – провожу рукой по русым волосам, – всё хорошо. Успокойся.

– Я же говорил, что буду для тебя обузой... – бубнит он. – Прости меня, если можешь... Правда, ты, наверно, мне теперь уже не веришь... – вдруг вскакивает, выбегает в комнату, и слышно, как там открывается окно... В голове молнией проносится и то, что квартира на одиннадцатом этаже, и мой кошмарный сон... Бегу в комнату. Ванька стоит в оконном проёме! Какой-то ласточкой в полёте ловлю его за руку и резко рву на себя. На пол падаем оба. Обнимаю и прижимаю его к себе.

– Пусти! Пусти! – тоненько кричит он, пытаюсь освободиться от моих объятий. – Я не хочу! Я не могу больше так! Пусти!

Понимаю, что это истерика, и по возможности слегка даю ему ладонью по морде. Замолкает. Только зубы опять лязгнули. Уставился на меня.

– Слушай меня, Ванюха... – стараюсь говорить спокойно, хотя сердце готово выпрыгнуть, да и у Ваньки оно колотится. – Слушай меня... Если ты это сделаешь, то я пойду следом за тобой в то же окно. Если у меня не будет тебя, мне жить больше незачем. Я истосковался по тебе и больше этого не вынесу. И если ты не передумал, то мы сейчас идём на

кухню, выпиваем по стакану коньяка, чтоб не было страшно, берёмся за руки и... прыгаем. Только надо будет ласточкой, чтобы упасть плашмя. Не хотелось бы мучиться... Всё. Вставай с меня! – говорю это сухо и деловито, потом разжимаю руки.

Он встаёт. Встаю и я.

– Пошли... – беру его за плечо. М-да... Совсем стал костлявым... На кухне разливаю в два стакана оставшийся коньяк. Не знаю, врал ли я или говорил правду, но внутри какая-то пустота. В таком состоянии могу шагнуть...

– Саш... – Ванька падает на колени и утыкается в меня лицом. – Саш... Я не могу... Я не хочу, чтоб ты умер...

– А чего же ты хотел? Я же тебе сказал, что мы теперь вместе? Куда ты, туда и я, – свой голос слышу будто со стороны. Какой-то совсем деревянный. – Ну, так мы пьём?

– Саш... Прости меня. Деньги я отдам... – бубнит, не поднимая головы.

Так... Уже лучше...

– Вот как сейчас уделаю! – тихо говорю и глажу его по волосам. – Опять голова кружиться будет. Я твоих денег всё равно не возьму. Мы вместе. Не будь идиотом и запомни, что у тебя есть я. И я хочу, чтобы у меня был ты. Договорились?

Медленно поднимается, обнимает меня за шею.

– Ты прав. Я действительно идиот. Когда бабушка была ещё жива, я ему назвал твой адрес. Я боялся, что он придёт меня искать туда... Прости меня и за это. Но всё равно давай

выпьём. Так мерзко на душе!

– Ладно. Надо остатки ужина подогреть. А мерзость с души ты гони! Ты дома! Мы с тобой – семья! Или ты уже не чувствуешь себя здесь дома? – спрашиваю я с тайным опасением – что ответит?

– Саш... Поверь... Мне другого дома и другой семьи не надо, только... Ладно!..

Поворачиваюсь к плите, а сам думаю – что, если снова рванёт? Оборачиваюсь.

– Не волнуйся, – Ванька виновато улыбается, – не побегу... Ты умеешь прочищать мозги. И всё-таки... тебе не противно, что я – шлюха? – и напряжённый взгляд.

– Дурачок ты мой хороший... – подхожу к нему и прижимаю к себе его голову. – Для меня это совсем неважно. Никакая ты не шлюха. Главное, что ты у меня есть...

– Да! Я у тебя есть! И буду! – вскакивает и опять меня обнимает. Коньяк мы почти прикончили. Долго сидели, и это хорошо.

Укладываемся. Это уютное тепло. Мой Ванька... Вот устраивается на моём плече.

– Твои могучие мышцы – это моя подушка... – вдруг хихикает он и серьёзно продолжает: – А сам ты – мое всё. И надежда тоже...

...Просыпаюсь. Чертов будильник! Так хочется ещё поспать!

Ванька всю ночь хватался за меня, так обнимал... Вот те-

перь шею не повернуть. Я всё боялся его потревожить. Спит и улыбается... Провожу рукой по его шевелюре.

– Сашка... Мой Сашка... – бормочет он и открывает глаза.

– Ладно, спи дальше!

– Нет. И я встаю. Надо решать проблемы с колледжем, – в его тоне снова жёсткие нотки. – Мне ведь остался год до окончания! Оформлюсь на вечерний или заочный. И надо найти работу! Я не хочу сидеть у тебя на шее.

– Ничего. Давай учишься. Своя ноша не тянет, – хмыкаю, набрасывая халат и собираясь идти в ванную.

– Саш... – подходит ко мне и заглядывает в глаза. – Я всё-таки мужчина... Хоть и... Ну ты понял. Эти вопросы я хочу и буду решать сам.

Суббота. Подъезжаем к кладбищу. Вот и ворота. Красиво тут! Особенно золотой осенью. Вообще октябрь, точнее, его начало – очень красивое время.

Паркую машину. Ванька сидит как в оцепенении.

– Мне с тобой сходить? – осторожно спрашиваю я.

– Знаешь... Я даже хотел тебя об этом просить. Пойдём?

– Конечно! – и испытываю облегчение, поскольку понимаю свою нужность ему во время этого посещения.

Мы пришли. Оградка и свежий холм с крестом рядом с двумя старыми могилами...

– Это мама и папа... – получаю ответ на свой брошенный

в ту сторону взгляд.

Положили цветы. Сегодня сороковой день... Ванька стоит рядом и, похоже, давится от слёз. Я боюсь смотреть на него, поэтому просто обнимаю за вздрагивающее плечо.

– Ладно... Пошли, – со вздохом выдавливает он.

Снова пробираемся между могил, но теперь к выходу. Ванька идёт впереди. очередной раз обращаю внимание на его одежду. Чахлая курточка, драные джинсы и такие же драные кроссовки... На себя, значит, ничего не заработал... Опять накатывает волна жалости: теперь, кроме меня, у него действительно никого нет, и я за него в ответе!

В машине он сначала молча смотрит вперёд, а потом поворачивается ко мне.

– Саш... Поехали на ту квартиру. Я там так давно не был...

– Конечно!

Входим. Тягостное запустение... Видны следы торопливых сборов...

– Эта комната... была моей, – грустно объясняет Ванька, открывая дверь.

– Так она и сейчас твоя!

– Ты не понимаешь...

И я понимаю, что действительно не понимаю, а он опускается в кресло и закрывает глаза. Ясно, что ему надо побыть одному.

– Вань... Давай я схожу в магазин. Помянуть надо.

– Угу, – мычит, не открывая глаз. – Можно я здесь посижу?

– Конечно! Я один. Дай ключи.

Когда возвращаюсь с продуктами и выпивкой, меня оглушает звучащая в квартире музыка. Прохожу на кухню, ставлю мешок и заглядываю в комнату к Ваньке. Он продолжает сидеть с закрытыми глазами, слегка подаваясь навстречу звукам из колонок. Только скорбная гримаса застыла на губах. Понимаю, что мешать не надо. Потерплю...

Иду на кухню снова. Начинаю разбирать мешок.

А музыка такая, какой я никогда в своей жизни не слышал. Против моей воли она начинает вползать в сознание, вытесняя оттуда всё другое, к ней не относящееся. Я уже слушаю её! Этот безудержный трагизм, выражаемый и головами певцов, и хором, и оркестром плющит мне мозги! Но мне от этого не оторваться! Я хочу, чтобы это продолжалось! Как под огромной тяжестью, опускаюсь на кухонный табурет. Ловлю себя на том, что моё тело даже резонирует в такт этим звукам... будто я сам часть оркестра или хора. Это и невыносимо, и, как раньше говорили, упоительно. Нашупываю в кармане пачку сигарет, трясущу пепел в какое-то блюдце... А музыка выносит мне мой бедный мозг. Вот и слёзы потекли... Сигарета промокла...

Под затылком твердеет стенка. В блюдце окурки... Не могу себя заставить встать и открыть окно. Такое впечатление, что сейчас любое движение будет предательством этой вели-

кой музыки...

– Саш... Ты что? – Ванька прижимает мою голову мокрым лицом к животу. – Саш... Не надо... Ну не надо, Сашенька...

Встаю и обнимаю его. Теперь мои слёзы текут на его сухое лицо.

– Что это было? – спрашиваю шёпотом.

– Это реквием Верди. Я очень люблю музыку. Опять же спасибо бабушке...

– Это... – пытаюсь подобрать слова, а они не подбираются. – Это жуткая, прекрасная и какая-то... выворачивающая музыка. Она меня раздавила...

– Саш... Тебе надо выпить. Я не мог предположить, что на тебя так подействует. – он открывает бутылку и наливает понемногу в два стакана. – Помянем?

– Да... Пусть ей земля будет пухом...

От водки становится легче. Зажёвываем купленной нарезкой прямо из обёртки.

– Нам придётся остаться здесь, – виновато говорю я. – Я ведь пьяный...

– Знаешь, я даже хотел тебя об этом попросить...

Спим, прижавшись друг к другу, на старой кровати в Ванькиной комнате. Ванька так в меня вцепился! А может, наоборот – надо мне за него цепляться?

Ходим по торговому центру. Я рад: могу наконец Ваньку одеть. Хватит ему старьё носить! Купили джинсы и ботинки.

Оказывается, раньше всю зиму в кроссовках ходил.

– Сашка, ты на мне разоришься, – шипит он мне на ухо, когда мы заворачиваем к зимним курткам.

– Это не твоё дело! Давай меряй!

Куртка вроде неплохая, и сидит на нём хорошо.

– Тепло-то как! – бормочет Ванька, блаженно улыбаясь. – Балдею...

– Вот и балдей, – удовлетворённо говорю я. – Ещё свитерок тебе сообразим.

– Саш... У меня же есть свитер! Ещё бабушка вязала...

– Вот и храни его в память о ней, а ходить будешь в новом и тёплом.

На кухне обмываем покупки.

– Саш... Когда я выйду из финансового кризиса, я тоже буду о тебе заботиться, – это звучит по-детски и потому, забавно.

– Запомни! У нас нет финансового кризиса. Или ты забыл, что мы вместе?

– Да нет, не забыл... Но всё равно мне неудобно, что ты вот так...

– Неудобно гадить на потолке. Заладил... Вань, ты ко мне как относишься?

– Ну, Саш... Ты же сам знаешь... Но получается, что ты вкалываешь, а я какой-то трутень! Даже на работу ещё не устроился. На твоей шее сажу! Или не так?

– Так это или нет, узнает твоя шея, если я ещё что-то по-

добное услышу! Понял?

– Готов нести всю меру ответственности! – встаёт, подходит и подставляет шею.

– Иди ты!.. Не парься. Мне очень приятно о тебе заботиться. Может, это и эгоистично, но я сегодня получил огромное удовольствие, тебя одевая.

– А я когда-то мечтал, что ты получишь удовольствие, меня раздевая, – Ванька ржёт и тут же всё-таки получает от меня по шее. – Дяденька, не надо! Больше не буду!

– То-то же!

– Сашка... Хочешь честно? Я так счастлив! Ты мне дал всё: и дом, и семью... – он делает паузу и задумчиво произносит: – И такое обалденное тепло!..

– Вот и отогревайся.

– Я отогреюсь... Обязательно! Ты пойми... После всего... Я, наверное, только сейчас начинаю что-то понимать в наших отношениях и боюсь до тебя недотянуть. Ведь что я видел в своей жизни? Бабушку, которая многому научила, но своим пуританским воспитанием сделала из меня... кисейную барышню. Школьных приятелей, которых я, мальчик-отличник, сторонился. Моего любовника, к которому привязался, а он меня просто использовал. Армейских сослуживцев... Это были грубые и циничные парни. Кроме одного, пожалуй... Сутенёра... Клиентов... Это были... просто страшные люди!

– Вань... У тебя в армии кто-то был? – неожиданно для

себя спрашиваю я.

– Да... Был. Тебе врать я не могу и не буду. Он из старо-служащих... Тоже гей. Раскусил он меня сразу. Мне тогда было так тошно и страшно, что я к нему потянулся. Даже влюблённость какая-то возникла... Это было около двух месяцев. Потом всё прошло. И знаешь, может быть, если бы не эти отношения с ним, я не пошёл бы к тебе сразу после похорон. Мне вдруг стало ясно, что есть настоящее, а есть что-то искусственное, от безысходности привнесённое... Вот так, Саша... Видишь теперь, какое я говно?

Он сидит на корточках около меня и грустно смотрит снизу вверх.

– Успокойся! Это всё твои тараканы, – и уже привычно треплю его вихры. – Мы вместе, и это самое главное. Поверь, мне совершенно неважно, что там у тебя было. Главное, что есть сейчас. И запомни: я уверен, что ты никакой не гей и тем более не говно.

Мы сидим на кухне и ужинаем. В последнее время готовит в основном Ванька, говоря, что мою стряпню есть невозможно.

Сегодня у него странный вид. Вижу, что его что-то гнетёт.
– Что у тебя случилось? – задаю я осторожный вопрос.

– Саш... Я хочу тебе сказать... – начинает он, делает паузу, и вдруг: – В общем, я уезжаю... – Видя мое лицо – а я догадываюсь, что сейчас на нём, – кладёт свою руку на мою

и грустно смотрит мне в глаза. – Саш... Я уезжаю не от тебя. Я устроился на работу... на север. Долго искал приличный заработок, но мне всё время предлагали то дворника, то грузчика... В общем, еду в Булун... Это на Крайнем Севере. Посёлок городского типа. Там есть порт, военная часть и бывший военный аэродром. Даже не совсем в Булун... На метеостанцию. Там, говорят, недалеко от него. На полгода. Кочегаром, ну и разнорабочим. Не отговаривай меня, пожалуйста. Я уже всё решил.

– Ты... выдержишь? – тихо спрашиваю я, понимая бесполезность отговоров.

– Обязан выдержать! Иначе я как человек никогда не состоюсь. Ты согласен?

Согласен ли? Всё, что он говорит, – истинная правда. Я сам в своё время решал такую же задачу – с целью состояться. Правда, состоялся или нет, пока не знаю.

– Мне будет трудно без тебя, – и вздыхаю, не ответив на его вопрос.

– Мне тоже будет трудно без тебя. Но я должен...

– Не представляю, как теперь буду в этой квартире снова находиться один...

– Сашка! Пойми, я должен научиться обходиться в жизни без подпорки!

Сижу словно в оцепенении. А что мне говорить? Парень поступает, как настоящий мужик. Мой маленький Ванька... Девятнадцать лет...

– Ну что ты молчишь? – не выдерживает он. – Обругай меня хотя бы!

Встаю, подхожу к нему, обнимаю его и прижимаюсь щекой к его макушке.

– Я буду тебя ждать... – тихо говорю я. – Очень буду ждать...

– Я тоже... буду очень ждать нашей встречи... Прости меня.

* * *

Ванька уехал. Точнее, улетел. Уже две недели не нахожу себе места. Думаю о нём... Как он там? Торчу на работе до посинения каждый день.

– Сашка! Привет! – звучит долгожданный голос из трубки телефона.

– Ванюха! Здравствуй, дорогой мой! Ну как ты?

– Да ничего. Работа нормальная. Я буду тебе каждые две недели звонить по воскресеньям. Чаще в сам Булун не выбраться – работа! Знаешь... Я по тебе очень скучаю...

– Вань... Я тоже... очень скучаю, – и мой голос дрожит.

Чем дальше, тем больше понимаю, что люблю его, как родного, очень близкого мне человека. Тоскую... Спасают книги. Глотаю их одну за другой. То классику, то литературу по биоэнергетике. Увидел объявление о курсах по биоэнергетике. Может, попробовать?

Бегом поднимаюсь по лестнице на четвёртый этаж. Хорошо, что дышалка позволяет! Сегодня здесь, в здании школы, первое занятие курсов по биоэнергетике, на которые я всё-таки записался, и вот опаздываю уже на... семь минут! Нахожу дверь с нужным номером и открываю, даже забыв постучать. Меня встречает взгляд в упор очень пожилого мужчины, сидящего за преподавательским столом. Он не повернул голову при открытии дверей, он смотрел на двери в тот момент, когда я их открывал!

– Здравствуйте, – смущённо говорю я. – Извините, на работе задержался.

– Я знаю, – преподаватель приветливо улыбается. – Заходите и садитесь.

Хочу сесть на первый ряд, но он меня останавливает.

– Будьте добры, сядьте, пожалуйста, подальше, – и, заметив мое удивление, добавляет: – После занятий я вам всё объясню, если вы сможете задержаться.

Это – шок! Я только что подумал, что после занятий мне ещё нужно съездить к парням в дружественный автосервис для консультации, а они работают до девяти вечера.

Два часа занятий пролетели совсем незаметно. Столько всего интересного я услышал! И даже попробовал кое-какие штуки. Конечно, дома самому пытаться что-то делать из вычитанного в книжках можно, но тут, с партнёрами, это постигается гораздо лучше.

Все расходятся, а я остаюсь в классе.

– Александр, вы решили остаться, – практически утвердительно произносит Илья Анатольевич, а именно так зовут преподавателя, – значит, вы хотели у меня что-то выяснить. Не так ли? – и улыбается.

– Ну... хотел, – смущённо мямлю, пытаюсь понять, как он это узнал.

– Вы очень громко думаете, – погасив улыбку, серьёзно говорит преподаватель. – Садитесь... Разговор будет долгим. По своим делам вы всё равно не успеете.

Тут я наконец понимаю, что передо мной Мастер, который свободно копается в моих мыслях. Послушно сажусь и готовлюсь выслушать всё, что он про меня скажет.

– Видите ли, Саша... Можно, я вас так буду называть?

Киваю.

– Так вот... Вы хотели спросить, почему в момент вашего появления я смотрел на дверь. Это раз. Два – вы хотели узнать, почему я попросил вас сесть подальше. Так?

– Так... Всё правильно, – киваю теперь уже обречённо.

– Я всё это вам объясню, только мне хотелось бы, чтоб вы правильно поняли мои слова. Итак... Ответ на первый вопрос. Я знал, что вы сейчас войдёте. Вернее, знал, кто сейчас войдёт в класс. Да-да! Именно КТО! Понимаете, Саша, у вас редчайшая энергетика! Она чрезвычайно сильна, и вам обязательно нужно научиться пользоваться этим даром, потому что обладание им может принести окружающим вас людям и

очень большую пользу, и очень большую беду. Именно беду, а не вред! Поэтому я и попросил вас сесть подальше. Боялся, что вы помешаете мне работать с остальными учениками. Это ответ на ваш второй вопрос.

Сижу оглушённый.

– Что, огорошил я вас? – Илья Анатольевич довольно улыбается.

– Да... Огорошили. Это даже не то слово...

– Ну если уж вы пришли сюда, значит, вы хотите чему-то научиться. Верно?

– Хочу. Мне это очень интересно. Я прочитал несколько книг на эту тему и даже попытался сам кое-что пробовать.

– А вот это напрасно. Я имею в виду ваши опыты. Такие вещи надо делать с опытным сенсом. Помните в «Звёздных войнах» историю о джедаях? Здесь – то же самое. Короче, если хотите, готов вас учить. Вы мне симпатичны. Только учить я вас буду отдельно. Не в составе группы. Это не для вас. Согласны?

– Конечно, согласен!

– Заниматься с вами буду дома, и платить вам больше ничего не придётся.

Да... Я не мог и подумать, что попаду в такие руки. Уже месяц, как прилежно учусь у Ильи Анатольевича. Первое, чему он меня научил, – «думать тихо», то есть уметь закрываться. Это оказалось трудной штукой. Второе – научиться чувствовать в себе и собой, своим организмом, воздействия

извне. И чем больше я узнаю, тем больше понимаю, сколько мне надо ещё постичь. Вот уж поистине – «я знаю, что ничего не знаю».

Меня привлекла диагностика. Оказывается, с помощью биоэнергетики можно диагностировать болезни человека. Мне это показалось очень интересным, и Илья Анатольевич решил меня поучить. Естественно, не на людях тренируюсь, а на их фантомах, то есть на мысленно созданных образах. Есть такой метод в биоэнергетике, когда строится фантом человека с заболеванием определённого органа. Я уже привык к ощущениям, когда пальцы крутит около больного места. Познаю эти вещи захлёб! Даже «Анатомию человека» купил, чтобы во всём разобраться. Сам Мастер по профессии тоже инженер, только геофизик, но ему приходилось лечить, используя свои способности. Начал читать индийские премудрости про чакры и про всё такое прочее. Безумно интересно!

Очень увлёкся своими занятиями, и они съедают всё моё свободное время. Однако нет дня, чтобы я не вспомнил Ваньку. Он по-прежнему снится мне почти каждую ночь. Так хочется с ним поделиться своими успехами! Только не по телефону. Решил спросить у Мастера про свои «вещие» сны насчёт него.

– Илья Анатольевич, а можно с вами посоветоваться?..

– Ну давайте, – и внимательно смотрит на меня.

Делаю паузу. Мне очень хочется понять, проник он в мои

мысли или нет. Я постарался их «спрятать».

– Вы хорошо научились закрываться, Саша. По крайней мере, я сейчас не знаю, о чём вы хотите спросить, – Мастер удовлетворённо усмехается.

– Понимаете... В моей жизни было несколько случаев, когда перед событием, которое должно было произойти с определённым человеком, я видел недвусмысленный намёк на это событие. Что-то вроде вещего сна...

– И часто это у вас было?

– Ну раза три, четыре...

– Относительно одного человека?

– Да. Только я слишком поздно понимал, что мне были предупреждения.

– Да, Саша... – пожевав губами, начинает Илья Анатольевич и улыбается. – Я с удовольствием сейчас услышал, что эта сфера вам тоже доступна. Это такой же дар, как и ваша энергетика, а по сути – всё это одно и то же. Плюс гипноз... Развивать это надо, дорогой вы мой! Даже великий Вольф Мессинг развивал свой дар. Работать надо!

* * *

Ох, какая классная девчонка! Прямо столбенею от восторга! И вид такой строгий... Интересно, сколько ей лет? Нет, конечно, это не девчонка, а молодая женщина. Но какая у неё фигурка! А лет ей, пожалуй, наверное, столько же, сколько и

мне. Она совершенно не похожа на тех, с кем я прежде проводил время!

Наверное, это хорошо, что при виде такой женщины я испытал... то, что испытал. Была не была! Познакомлюсь, может быть. Хотя бы поговорим.

– Девушка! – окликаю её.

– Я вас слушаю... юноша, – она с лёгкой насмешкой улыбается.

– Разрешите с вами познакомиться? Я Саша... А вы кто?

– Знаете, Саша, у вас такой напор, что мне придётся представиться. Меня зовут Даша. Имя старинное – Дарья. Это вас не смущает?

– Имя – не характер и не внешность, поэтому смущать не может.

– Правда? А вот моего прежнего мужчину оно всегда смущало.

– Так, значит, место вакантно? – я развиваю успех.

– Но это ни о чём не говорит, – и сразу такой приятный небольшой румянец.

– Наоборот, о многом!

Она смущена, но, видно, уходить не собирается и с хитринкой в тоне вдруг спрашивает:

– А о чём это может говорить?

– Наверно, о вашей разборчивости в знакомствах.

Лесть, конечно, грубая, но это своеобразный тест на её человеческие качества.

– Знаете, Саша... Вы внешне производите впечатление неглупого человека, поэтому досадно слышать от вас глупость, да ещё и в форме грубой лести, – серьёзно и достаточно жёстко говорит Даша.

Вот и протестировал...

– Простите меня, Даша. Честно говоря, я хотел таким образом протестировать вас, – мне действительно неудобно перед ней, и поэтому режу правду-матку.

– Ну и как вам результат? – в вопросе опять лёгкая насмешка.

– Выше всех похвал. Спасибо за то, что не обманули моих ожиданий, – благодарю совершенно искренне. – И это совсем не лесть.

– И это всё? А где же приглашение на ужин? – мягко издеваясь, она переходит в наступление.

– Вообще-то я не собирался вас приглашать на ужин, но с удовольствием пригласил бы в кафешку – посидеть и поболтать о чём-нибудь.

– Ну что ж... На кафе я, пожалуй, соглашусь, – на этот раз её улыбка спокойная и даже доброжелательная.

Теперь мы с Дашей видимся почти каждый день, уже две недели встречаясь вечерами в «нашем» кафе на Петроградской. Не могу сказать, что окончательно запал на неё, но чем-то она меня привлекает. Вот и сейчас опять жду...

– Привет! Я не опоздала?

– Вовсе нет. Ты даже на несколько минут раньше.

– Вот и хорошо. Ой! У тебя на щеке пятно.

– Да у нас в боксе воду отключили, и мы поливали друг другу, – оправдываюсь я. – На руки хватило, а вот на рожу нет.

– погоди. дай сотру, а потом уже пойдём.

Терпеливо жду, пока Даша трёт мне щёку носовым платком. В кафе людей немного, несмотря на девять вечера. Наш столик свободен.

– Ну, как у тебя с твоей биоэнергетикой? – спрашивает она, едва мы садимся.

Рассказываю, поскольку чувствую её искренний интерес к моим делам. Мы уже многое поведали друг другу – каждый о своей жизни. Я знаю, что она живёт одна с отцом. Учится в экономическом на вечернем, а днём бухгалтерит. Мать их бросила больше пятнадцати лет назад, а отец, Василий Семёнович, хорошо попивает, но человек добрый и беспомощный. Я тоже посвятил её в свою жизнь. Придумав на ходу легенду, сказал, что мой младший сводный брат Ваня, единственный родной человек, уехал на работу на Крайний Север, в Булун, и что я очень беспокоюсь.

Конечно же, Даша не идёт ни в какое сравнение с моими прежними женщинами! Мне с ней почти так же комфортно, как с Ванькой.

Сегодня – тридцать первое декабря, и мы с Дашей вместе встречаем Новый год. Она пригласила меня сделать это на её

даче. Вчера вечером мне звонил Ванька и поздравлял с наступающим. Я не стал ему говорить про своё новое знакомство. Побоялся. Ведь не знаю, как он это воспримет. Помню, как он тогда про Нину...

Домик я вроде прогрел. Еле печку раскочегарил! Хорошо ещё, зима в этом году тёплая. Всё время вокруг нуля. Сейчас можно даже сидеть в одной футболке. Тикают старые ходики... Мы уже и проводили, и встретили, и погуляли по посёлку. Кое-где окна светятся. Кто-то, как и мы, тоже встречается тут!

– Ладно, Саша, надо ложиться спать, – заявляет Даша.

– Давай, ты ложись, а я ещё потоплю немного. Потом тут на топчане и лягу.

– Нет. Так я не согласна. Ты тоже ложись. Возьмём два одеяла – будет тепло.

– Не понял. Мы что, будем спать на одной кровати?

За всё время нашего знакомства я ни разу не предлагал ей... переночевать. Мы даже не целовались!

– Ты меня боишься? – поддевает она.

– А чего мне бояться?

– Вот и ляжем вместе.

На продавленной полуторной кровати мы нормально помещаемся, поскольку оба весьма стройные. Мне почему-то странно ощущать Дашу рядом с собой. Лежим молча.

– Саша... – нарушает она молчание. – Тебе как со мной?

– Мне с тобой очень хорошо. Иначе я бы нашёл повод от-

казаться от этой поездки.

– А я тебе признаюсь... Ты – первый мужчина, с которым мне так спокойно и вообще... уютно, – звучит тихое откровение.

– Ты ещё скажи, что влюбилась, – ехидно выговариваю я.

– Может быть... – задумчиво это у неё выходит!

Опять лежим молча. Вдруг Даша обнимает меня за шею. Я чувствую на своём лице её дыхание. Так нежно поцеловала меня в губы!

– Я всё правильно сделала? – шёпотом спрашивает она.

– Правильно... Только я всё равно пока... не понимаю.

– Ты первый мужчина, с которым я легла в постель... сама, без настойчивых приглашений. У меня такого ещё никогда не было. Это, конечно, неприлично, но...

– Это замечательно, – совершенно искренне говорю я и в свою очередь её ласково целую. Для этого мне приходится слегка на неё навалиться, и в этот момент две руки обхватывают... Прикосновения... Забытые ощущения...

– Саша... Я хочу, чтобы это у нас случилось сегодня... – слышу я жаркий шёпот. – Не знаю, что будет дальше, но хочу, чтобы сегодня ты стал... моим мужчиной...

Голова плывёт... Делаю всё машинально, подчиняясь одному взаимному желанию.

...Открываю глаза. Даша спит рядом и улыбается. Как же всё это было прекрасно!

Видимо, от моего взгляда она открывает глаза и долго на

меня смотрит.

– Тебе было плохо со мной? – напряжённо спрашиваю я.

– Мне с тобой было очень хорошо... – и целует меня. – Я поняла, что, дожив почти до двадцати семи лет, я не знала самого лучшего. И это лучшее дал мне ты.

Ворочаюсь на своей тахте. Сон не идёт. Встаю и иду курить на кухню. Три дня мы с Дашей пробыли на её даче. Нам действительно было хорошо вдвоём. Я провёл с ней, как в песне Пугачёвой, «три счастливых дня». Даже про Ваньку только потом вспомнил...

Ванька... Один в целом мире! Какой-то сводный брат, мой тёзка, не в счёт. Где его искать? Так что у него есть только я. Это на меня он надеется, ожидая, что я буду его опорой. Душа не на месте. Парень честно пытается стать нормальным, и именно я должен способствовать ему в этом. Как это сделать? Да помочь ему найти женщину, которую он полюбит, которая станет его половинкой! Только тогда моя миссия будет выполнена. И помня его реакцию в своё время на Нину, я не должен доводить его до таких переживаний. Получается, в первую очередь – устройство его личной жизни, а уж потом своей.

А Даша... Она поверила мне, хотя я ни разу не говорил ей о своём отношении. Её поступок дорогого стоит.

Но всё-таки я хочу и должен в себе разобраться, поэтому вторую неделю под разными предлогами уваливаю от встреч. После дачи, где мы ни в чём себе не отказывали, она,

видимо, ещё в эйфории и многое мне прощает. Да и работы навалилось...

Трусливо решил «гнать зайца дальше». Сегодня встречаемся у знакомого кафе.

– Привет! – подходя ко мне, она издали улыбается.

– Здравствуй!

Обнимаю её и целую. Даша явно не спешит освободиться от моих рук, и у меня в голове опять всё плывёт...

– Может, поедем ко мне? – спрашиваю осторожно, поскольку не знаю, как она на это приглашение отреагирует.

– Ты наконец созрел? – вопрос звучит с некоторым укором. – Поехали...

...Лежим в обнимку на нашей с Ванькой тахте. Одежда разбросана по комнате. Блаженство...

Утром просыпаюсь в холодном поту. Снился кошмар. Я видел, как Ванька опять куда-то падает. Ох, волнуюсь... Тот раз... тоже падал. М-да... Через воскресенье он должен позвонить. До этого места себе не найду. Слишком часто я получаю подтверждения, что мы с ним как-то или чем-то связаны. Не зря я всё рассказал Илье Анатольевичу. Жаль, что сейчас не могу с ним пообщаться, поскольку он только вчера уехал с женой на три недели в санаторий и наши занятия прервались.

Ванька не позвонил! Беспокоюсь... Он оставлял мне координаты офиса своей фирмы-работодателя. Надо позво-

нить, а лучше туда съездить.

– Так... Иван Николаевич Серёгин... – девушка в Ванькиной фирме что-то ищет. – А вы ему кто?

– Сводный брат, – повторяю я легенду. – Зовут меня Александр Николаевич.

– Так вот, Александр Николаевич, беда там. Сильно разбился ваш брат. Кажется, упал с большой высоты... Парализован... Сейчас в больнице в Булуне.

Комната будто покачнулась. Это я виноват! Это Бог наказал вместо меня Ваньку.

– Как туда можно добраться?

– Если быстро, то только грузовым бортом, который туда летает раз в неделю.

Понятно... Значит, надо сначала устроить дела на работе. Вернее, договориться с парнями. Потом всё объяснить Даше. И ещё записку Илье Анатольевичу написать.

Опять встречаемся с Дашей у кафе.

– Что у тебя случилось? – спрашивает она сама.

Не думал, что всё так ясно отразилось на моём лице.

– Ванька парализован... – и рассказываю всё, что знаю.

– Ты когда туда летишь?

Вопрос задан так, будто я ей уже сказал о своём решении. Значит, понимает меня!

– Послезавтра.

Пишу письмо Илье Анатольевичу. Я не любитель писать, поэтому взвешиваю каждое слово. Не хочу ненароком оби-

деть Мастера.

«Уважаемый Илья Анатольевич!

Вынужден срочно уехать в Булун, тем самым прервав учёбу у Вас. Мой самый близкий человек – младший сводный брат Ваня – попал в беду. Сейчас он парализован. У меня опять был сон, где я видел, как он куда-то падает. А потом всё подтвердилось.

Сколько я пробуду в Булуне, не знаю, думаю, что не меньше месяца. Когда мы вернёмся, а я собираюсь его привезти сюда, то обязательно позвоню.

С глубоким уважением к Вам, Саша Елизов».

Запечатанный конверт с надписью «И. А. Коху от А. Н. Елизова» бросил в почтовый ящик в такой знакомой уже парадной...

* * *

Лечу в Булун. Сидя с закрытыми глазами, думаю про Ваньку и представляю его лицо. Бедняга... И всё из-за меня! Борт грузовой, Ил-76, и мне пришлось договариваться с пилотами. Из Питера пассажирских до Булуна нет. Из-за непогоды самолёт отчаянно трясёт. Сосед, бородатый дядька, который возвращается с Большой земли, только что сказал, что в феврале у них постоянно штормит. Февраль... Потом будет март...

– Да, – снова заговаривает сосед, – у нас в это время такие

ветра... Даже несчастья случаются...

– Какие несчастья? – я внутренне напрягаюсь.

– Какие, какие... Вот недавно ветром девчонку, вернее, женщину одну сдуло в трещину. Парнишка полез её спасать. К верёвке подцепил, вытянули... А когда его самого вытаскивали, порывом так о стену швырнуло... В больнице теперь. Парализован...

– Ванька! – вырывается у меня непроизвольно.

– Да... Его Иваном зовут. А ты его знаешь? – меня буравят внимательные глаза.

– Я его брат. Сводный... Лечу к нему. Он перестал мне звонить.

– Давай знакомиться. Дмитрий Иванович, – сосед протягивает широкую ладонь.

– Александр. Саша...

– Так что, Сашок, плох Ванюшка... Ноги совсем отнялись. Он спиной ударился.

Похоже, у меня на глазах слёзы.

– Не надо... – гудит мне в ухо Дмитрий Иванович. – Всяко может быть... Может, всё и образуется... Ты к нам надолго?

– Пока во всём не разберусь и не найду возможность забрать Ваньку в Питер.

– Да... Это конечно. У вас там специалисты, аппаратура... Слушай, а хочешь, остановись у меня. Моя хозяйка не будет возражать. Она тоже к Ване хорошо относится. Мы ведь с ним два месяца вместе работали. Он у тебя замечательный

парень! Настоящий мужик! Уважаю... Говорил, что у него на свете есть только Сашка. Он тебя очень любит.

– Я его тоже... – и вздыхаю.

Мне приятно слышать такое про Ваньку и больно за него. Правда, гудение Дмитрия Ивановича несколько успокаивает...

– Слушай, Сашок... Ты, когда прилетим, ведь сразу в больницу побежишь?

– Сразу! Вы мне покажете?

– Конечно! То-то Ванюша обрадуется! Только в больнице сразу к Ване не ходи. Сходи сначала к главному врачу, Кириллу Сергеевичу. Золотов фамилия его. Как раз для него фамилия. Пожилкой такой. Мировой доктор! Скольких на ноги поднял! Поговори с ним... Послушай, что он скажет. Поверь мне – всё знает! А багаж твой, – при этом показывает на мою сумку, – я сразу с собой заберу. А потом за тобой в больницу приду.

– Спасибо, – хватаю руку Дмитрия Ивановича. – Спасибо огромное!

...Вот и двухэтажное здание больницы. В темноте полярной ночи едва нашёл.

Весь седой, сухощавый, очень осанистый Кирилл Сергеевич Золотов, после того как я ему представился, внимательно смотрит на меня.

– Ну что я могу сказать вам, молодой человек... Ваня очень подавлен. Он вас во сне всё время зовёт. Это хорошо,

что вы приехали. Очень хорошо!

– Кирилл Сергеевич, а дальше? Какие перспективы?

– Перспективы, говорите... – главврач невесело усмехается. – А это будет зависеть от вас, от него самого, ну и от Господа Бога. Травма очень тяжёлая... Но если вы сможете выхаживать его, трудясь днём и ночью, а он сам захочет встать, то на ноги его, наверное, поставите. Вообще-то в этом случае, как говорили раньше, костоправ нужен. А таких сейчас в России – днём с фонарём... Вот, смотрите! – он достаёт рентгеновский снимок и показывает его мне на свет. – Вот его травма.

Вижу череду Ванькиных позвонков в районе поясницы, и один провален.

– Вот тут нерв и защемило, – поясняет Золотов. – Теперь вы всё видели и знаете истинное положение вещей.

– Обещаю, я буду трудиться и днём, и ночью, – это выговариваю чётко, как клятву, сам не понимая, для кого – для доктора или для самого себя.

– Правильно, что вы не спросили, сколько времени понадобится, ведь...

– Это неважно! – перебиваю я. – Главное, чтобы свет был в конце тоннеля.

– Ну что ж... Теперь верю, у вас может получиться. Я научу, что делать и как. Будете выполнять в точности! Понятно?

– Буду! Я всё запишу!

– Нет, молодой человек... Кроме лекарств, которые я назначу, и особенностей ухода за таким больным вы ещё должны будете научиться делать ему специальный массаж для поддержания кровообращения в ногах. Иначе он может их потерять. Омертвеют! А остальное... В общем, надо искать костоправа! Ладно. Об этом мы поговорим потом. Очень хорошо, что вы приехали. Вы сами молодец! Идите теперь к нему.

По коридору иду к палате. Больница в Булуне маленькая, не сравнить с теми, что у нас в Питере. Здесь всего два этажа, но длинные. Открываю нужную дверь. Палата на троих. Правда, две кровати пусты. Ванька лежит на спине с закрытыми глазами. Длинные русые волосы разметались по подушке...

– Ванюха, привет! – сажусь на край кровати.

– Сашка... – открываются два огромных глаза.

Он так осунулся, что глаза стали ещё больше. Наклоняюсь, прижимаю его к себе и целую в лоб.

– Сашка... – смотрит на меня как-то странно. – Зачем ты приехал?..

– Тебя из жопы вынимать, – и стараюсь улыбнуться. – Мне сказали, что ты настоящий герой. Мне это очень приятно.

Молчит и всё смотрит...

– Саш... Уезжай... – звучит вдруг совсем чужой голос. – Понимаешь... Я тут встретил человека... У меня опять роман... Я не люблю тебя больше. Ты мне не нужен. Прости...

За мной тут ухаживают. Вот Коля... приходит... Я его очень полюбил. Правда, он сейчас уехал... на неделю... Да и Света приходила... Ну та, которую я вытаскивал...

Смотрю на Ваньку. Я знаю его больше двух лет и сразу могу сказать, что он всё врёт. Дурашка... Не хочет для меня проблем. А сам по ночам зовёт... Смешной...

Дверь в палату я закрыл, поэтому наклоняюсь и прижимаюсь к его лицу.

– Заткнись, – шепчу ему в самое ухо. – Врать ты не умеешь. Плохо придумал. Твоих жертв я не приму. Вспомни тот вечер и открытое окно. Дурачок ты мой хороший...

Ну вот... У него слёзы. Из-под одеяла высовывается рука и сжимает мою.

– Сашка... Мой Сашка...

– Только твой! Я говорил с главным врачом. Он сказал, что всё ещё вернётся. Только нам надо будет работать вместе. Я тебе буду делать специальный массаж и всё такое... Мы победим!

Ещё что-то говорю... Пусть не совсем правду, но главное, чтобы он мне поверил! Главное, чтобы у него появилась надежда!

– Сашка... – Ванька просто давится от слёз.

– Ладно, кончай разводить сырость. Я сюда летел с Дмитрием Ивановичем. Он так о тебе говорил! Ты действительно герой!

– Герой безногий... – он тяжело вздыхает.

– Всё вернётся, понял? Вот чуть оклемаешься, и полетим обратно, домой...

– Саш... Тебе не будет противно? Дай судно... Уже не могу... Или сестру позови.

– Идиот. А дома я кого звать буду? Соседку? Что я, говна не носил? Где судно?

Возвращаюсь в кабинет к главврачу и он сразу ведёт меня в процедурную.

– Вера Петровна, – обращается он к пожилой медсестре. – Вот этот молодой человек, его зовут Саша, с сегодняшнего дня в вашем распоряжении. Он будет ухаживать за Ваней, ну и одновременно учиться у вас вашему мастерству.

– Да какое там мастерство! – она смущённо машет рукой. – Было бы желание, а освоить моё ремесло – дело нехитрое. Пойдём, Сашенька.

– Могу не только за Ваней! – вставляю я слово. – Буду санитаром! Я...

– Там разберётесь, кто вы, – строго прерывает меня Кирилл Сергеевич. – Дома вы будете не только санитаром, но и медбратом, а может быть, и врачом. Вам это ясно?

– Яснее не бывает...

Никогда не думал, что окажусь настолько чувствительным к страданиям других людей. Буквально кожей чувствую их боль, очень жалею, и суетиться вокруг них мне совсем не влом, а перестелить кровать немощному человеку даже приятно. Если же, наученный Верой Петровной, делаю уколы,

то стараюсь не увеличивать их страданий.

Я здесь уже почти неделю. Живу у Дмитрия Ивановича. Трёхэтажный дом, каких здесь несколько десятков, и обычная трёхкомнатная квартира на первом этаже. Беру уроки массажа у самого Кирилла Сергеевича. Ног Ванька действительно не чувствует. Они вообще висят, как ниточки. Вчера носил его в ванную помыть, видел... Ужасное зрелище. Честно говоря, от увиденного только озлел. Ощущаю желание всё это преодолеть!

Возвращаюсь из больницы.

– Сашок! Как ты насчёт по стошке? – спрашивает Дмитрий Иванович за ужином.

– Согласен... – сам себя слышу будто со стороны. Голос совсем уставший. Естественно... Но надо привыкать! Если я хочу, чтобы Ванька встал, то должен пахать! Пахать днём и ночью! И это будет искуплением моих грехов, моей вины перед ним.

– Чего ты к парню привязался? – ворчит Надежда Михайловна, жена Дмитрия Ивановича. – Видишь, из больницы не вылезает весь день!

– Тем более! Пусть отдохнёт. Слышал, что он там не только около Вани. Верка говорила, что у неё теперь хороший помощник появился, – он ласково мне улыбается.

– Сашенька... Наверное, водочки тебе и вправду надо выпить, – Надежда Михайловна проводит ладонью по моим волосам. – И спать потом.

С трудом, но договорился с теми же летунами, которые доставили меня сюда, чтобы нас с Ванькой в таком его состоянии взяли на борт до Питера.

– Ванюха! Скоро домой полетим! – заявляю я с порога палаты.

– Правда? – он слабо улыбается.

– Угу. Только на особый сервис не рассчитывай. Полетим грузовым бортом, но прямо на Питер. Чтобы пересадок не делать.

– Саш... – его тон заставляет вздрогнуть. – А у нас... получится? – и в глазах такая боль!

– Обязательно получится! Ты мне веришь? Ты мне должен верить!

– Верю... – вздыхает и сжимает мою руку. Последний инструктаж у Золотова.

– Молодой человек, я в вас верю, – он смотрит мне прямо в глаза спокойно и мудро. – Любовь должна его спасти. Только на это он и может надеяться.

Внутренне вздрагиваю. Моя любовь... Только на мою любовь Ванька может надеяться. Это прозвучало как приговор.

– И ещё. Самое для него страшное – это простуда. Дальше – воспаление лёгких, дальше... Сами понимаете... Кровь бегаёт пока плохо.

– Понимаю... Не допущу. А можно вам писать?

– Конечно! Буду ждать вестей, – он пожимает мою руку. – Успеха вам с Ваней!

В самолёте Ванька лежит на носилках. Я сижу рядом.

Как нас провожали! Даже Кирилл Сергеевич пришёл на аэродром. И Ванькины ребята, с которыми я перезнакомился, и Дмитрий Иванович с Надеждой Михайловной. Короче – толпа. Будто делегацию провожали! Столько с собой надавали еды! Честно говоря, мне так грустно стало, что мы уезжаем от таких хороших людей... Вот Ванька встанет, и мы сюда ещё обязательно прилетим. А может, вместе и работать тут будем...

* * *

Вот мы и дома. Спасибо летунам. Даже с машиной помогли! А тут я уже донёс Ваньку на руках до лифта и от лифта в квартиру. Он стал таким лёгким! Надо откармливать... Сейчас лежит на нашей тахте. Вернее, по совету Кирилла Сергеевича, я сделал ему положение полусидя. Сам пока занимаюсь на кухне.

– Ванюха! Ужинать! – несю ему на подносе тарелку с ужином и кружку с чаем.

Сам тоже переселился питаться в комнату.

– Я знаю, зачем ты меня сюда привёз. Чтобы уморить своей стряпнёй! – торжественно подкалывает он.

Именно торжественно! А вообще это добрый знак, если шутит.

– Может, ты хотел, чтобы мы жили у тебя? – задаю я остро-

рожный вопрос.

– Саш... Ты всё правильно сделал. Я не хочу туда... Мне тут... теплее.

...После хождения по мукам, я имею в виду оформление Ваньки здесь, в Питере, сегодня ждём врача из районной поликлиники. Действительно, чтобы организовать этот вызов, пришлось изрядно попотеть в интенсивной беготне.

Довольно молодая дама со скучным видом рассматривает Ванькины документы.

– И чего вы от меня хотите? – поворачивается она ко мне.

– Но я же не врач! – удивляюсь я. – Я же не знаю, что делать в таких случаях!

– Молодой человек! С такой травмой я могу только помочь вам определить Ивана Николаевича в интернат. Там ему будет хорошо, за ним будет уход.

Мне будто по морде съездили. А у Ваньки глаза такие, что лучше бы не видеть.

– Спасибо, – и осторожно выдыхаю. – Мы уж как-нибудь сами...

– Ну как хотите, – безразлично реагирует дама.

В прихожей эта якобы врач быстро надевает пальто, а я так же быстро открываю перед ней дверь. Пусть катится с такими предложениями! Захожу в комнату.

– Слышал? – отсутствующим тоном спрашивает Ванька, глядя на меня.

Ложусь с ним рядом и прижимаю его к себе.

– Забудь! Сейчас же всё забудь! – шёпотом кричу ему в ухо и, успокоившись, продолжаю: – Мы с тобой вместе всё преодолеем.

Запомни это. Ты будешь и ходить, и на лыжах меня делать. Это я тебе сказал. Ты мне веришь?

– Верю...

Хорошо бы, чтоб так...

Звоню Илье Анатольевичу.

– А, Саша! Здравствуйте! Ну, как ваш брат?

Ухожу на кухню, чтобы не мешать Ваньке смотреть кино, и подробно рассказываю.

– Илья Анатольевич, я не знаю, как теперь мне приходиться к вам на занятия. Дел просто выше крыши. Мне ведь надо ещё где-то костоправа искать...

– Знаете, Саша, я всё прекрасно понимаю и буду ждать, когда вы сможете. Насчёт костоправа тоже постараюсь выяснить, хотя надежды мало. Поэтому вы хотя бы раз в неделю звоните мне о том, как у вас с Ваней дела. Может, или у вас, или у меня какие-нибудь мысли появятся. Если традиционная медицина помогать не хочет, то нетрадиционная может пригодиться. Не только думайте, но и старайтесь чувствовать. Мы с вами такому учились, но это не до конца правильно. У каждого, кто занимается биоэнергетикой, свои ощущения, которым научить невозможно. Их можно только почувствовать самому. Инструкций типа «возьмите отвёртку в правую руку, а гаечный ключ в левую» тут быть не может.

Всё самому, всё на уровне тончайших чувств и интуиции.

– Спасибо, Илья Анатольевич!

Теперь Даша... Набираю номер.

– Слушаю, – раздаётся в трубке такой знакомый голос.

– Это я. Мы приехали... – говорю я как можно тише.

– Ты что так тихо? Ваня спит?

– Угу... – поддакиваю и снова начинаю рассказ.

Хочу, рассказав ей всё, намекнуть, что у меня пока совсем нет времени на встречи.

– Ой, Саша... Как это всё тяжело, – вздыхает она. – Я тебя хорошо понимаю. Только ты мне звони хоть иногда. Ладно?

– Конечно, я буду звонить! Я очень тебе благодарен за понимание.

Прошёл месяц после нашего возвращения. Необходимый массаж делаю три раза в день, то есть получается утром, сразу после работы и на ночь. Устаю, конечно, но когда смотрю на Ванькины глаза, силы удваиваются. Правда, что-то он мне в последнее время не нравится. Молчит всё и мрачнеет с каждым днём.

– Ванюха, давай ужинать! – заносу поднос с едой в комнату.

– Не в коня корм... – бурчит, но вроде начинает есть.

– Давай, давай... А потом мыться будем.

Несмотря на то что я надеваю ему подгузники (всё-таки прекрасное изобретение!), мою его в ванне каждый день. Чистота прежде всего!

– На хрена это всё надо...

– Не на хрена, а просто надо! – отвечаю я спокойно.

Звоню Илье Анатольевичу, как это теперь делаю еженедельно.

– Насчёт костоправа я вообще-то навёл справки в наших кругах... Короче, можете не искать. Можно время не тратить, – неохотно сообщает он.

– Понятно... А что же делать? – вопрос мой звучит почти как риторический.

– Знаете, Саша... У меня тут некоторое время назад созрела одна крамольная мысль... По телефону объяснять долго. Я понимаю, что вы сейчас живёте по расписанию, зависящему не от вас, но предлагаю – найдите время подъехать ко мне среди дня.

– Обязательно найду!

Я сейчас готов схватиться за любую возможность, как за соломинку.

...Возвращаюсь домой с работы. Ох... Ванька на полу! Лежит около окна, упёршись головой в батарею. Не зря я створку, помня прошлое, на верхнюю задвижку закрыл!

– Явился... – и взгляд очень недобрый... Как он на меня смотрит! Таких глаз я у него ещё не видел. – Специально окно на верхний шпингалет закрыл? С-сука...

– Вань... Ты что, упал? Давай я тебя положу на кровать.

– Пошёл ты!.. Ненавижу! Слышишь, ненавижу тебя! Скот... Не подходи ко мне!

Когда он произнёс слово «ненавижу», у него были такие страшные глаза, что у меня аж мороз по коже прошёл. Впрочем, понятно – истерика.

– Ванюха, прекрати... – говорю я примирительно и делаю к нему шаг.

– Уйди! Видеть тебя не могу! Слышишь? Ненавижу! – взгляд бешеный, слёзы...

Видимо, я не очень терпелив. Резко подхожу к нему, сажусь на корточки и слегка даю ладонью по морде. Ох-х... Будто себе съездил...

– Сука! Сволочь пархатая! – взвизгивает Ванька. – Знаешь, что ответить не могу! Убил бы! – и опять так смотрит! С такой ненавистью...

Встаю, иду на кухню, беру самый острый нож и возвращаюсь. Сам не знаю, что творю, но вкладываю нож в Ванькину руку.

– На! Убивай... – тихо говорю я и приставляю нож к своей груди – будь что будет! – Осталось нажать, Ванюха...

Повисает тишина. Он оторопело смотрит сначала на нож, потом на меня. Звук падающего ножа... и голова, уткнувшаяся мне в грудь... Его трясёт от рыданий! Запускаю пятерню в кудлатую шевелюру...

– Сашка... Сашенька... Прости меня... – Ванька рыдает, и его худые пальцы отчаянно цепляются за меня. – Прости... Я козёл... Это я скот... Прости...

Обнимаю его, поворачиваю к себе лицом и осторожно ка-

саюсь губами его уха.

– Ты действительно идиот. Я не обиделся. Всякое бывает. Ну хватит... Я с тобой. Успокойся. Цепляй меня за шею и поехали ложиться...

Укладываю... Сажусь рядом и опять обнимаю. Сейчас ласка ему нужна тем более!

– Дурачок ты мой хороший... Самый лучший... Самый любимый, – сюсюкаю по необходимости и глажу его вихры. – Мы всё преодолеем. Ты понял? Всё будет хорошо! Вот увидишь! Я хочу, чтобы ты мне верил...

– Я постараюсь... Обещаю! – всхлипывает Ванька и опять цепляется за меня.

А ведь я действительно для него как та соломинка! Эх-х... да... Надо что-то делать. Надо парня занять, чтобы не скучал. Вот сейчас лежит и пялится в телевизор. Действительно, от такого времяпрепровождения можно истерику закатить.

– Вань. Есть разговор.

– Да, я слушаю... – и грустный взгляд на меня.

– Тебе сколько осталось до окончания твоего колледжа?

– А чёрт его знает! Честно говоря, я уже на этом поставил крест.

– Напрасно. Хочешь, кое-что расскажу? Меня призвали в армию со второго курса Военмеха. Я на вечернем учился. Надо сказать – повезло, попал служить в военное училище, в обслуживающую команду, водителем. Короче, я решил не терять два года и там, в армии, учиться. Написал в институт,

мне ответили. Спасибо им, что всё поняли и дали список литературы и заданий. Так вот: за два года я сам прошёл почти три курса! А когда вернулся, то в свои двадцать лет смог через четыре месяца сдать экзамены аж за пятый курс! В двадцать один уже имел диплом инженера, – вижу, что Ванька внимательно слушает. – Я к чему это говорю? К тому, что пока ты ещё лежишь, надо использовать это время и закончить колледж, чтобы, когда встанешь, ты смог иметь нормальную работу. Ванька смотрит на меня с некоторым недоверием.

– Ну чего уставился? Понял?

– Но ведь это надо туда съездить... Дальше литература всякая, задания...

– А я у тебя на что? Съезжу, договорюсь... Привезу тебе всё, что надо.

– А компьютер? Я же на программиста учусь...

– Будет тебе и компьютер. Заначка у нас есть.

– Саш... У тебя мало забот со мной? Ты что, железный?

– Во-первых, всё это для меня приятные заботы, которые я буду выполнять с удовольствием. Во-вторых, давай считать, что я временно железный. Понял?

– Сашка... Ты даже не представляешь, как мне тебя жалко... Подхожу, сажусь на край нашей тахты и обнимаю.

– Ну как ты не хочешь понять, дорогой ты мой, хороший мой... – опять пятернёй приглаживаю вихры, зная, что это ему нравится.

– Побудь так... – шепчет и обнимает меня за шею.

Да... Я всё понимаю. Ласка сейчас необходима. Именно она является для него знаком нашего единения, а наше единение придаёт ему сил.

– Так ты согласен? Будешь заниматься?

– Согласен. Обязательно буду!

Крепко прижимаю его к себе. Так хочется, чтобы он почувствовал моё тепло! Я же сам сказал, что буду ему вместо всех его родственников. А завтра съезжу в его колледж и обязательно куплю ему компьютер. Хорошо, что я умею делать накопления!

...В колледже всё объяснил, и там отнеслись с пониманием. Спасибо им!

– Чтоб ты не расслаблялся! – кладу на журнальный столик стопку бумаг и книги. – Это тебе задания. Сделаешь – отвезу.

– Я думал, что ты так скоро не успеешь... – бормочет Ванька.

– Никак не могу понять, – говорю я едко, у него же самого и научившись, – почему ты называешь процессы в своей голове думаньем...

– Наклонись, я тебя укушу.

Наклоняюсь, а он прижимается ко мне и трётся щекой.

– Сашенька мой, – шепчет и шумно дышит мне в ухо. – Сашка...

– Ладно. Сейчас принесу тебе картошку. Будешь чистить, а я пойду на кухню.

– Давай я ещё что-нибудь поделаю! Ну пожалуйста... Дол-

жен же я помогать!

– Если что будет – дам. Не сомневайся! Да! Кстати! Я же тебе и компьютер купил. После ужина поставлю.

– Сашка... Иди опять сюда. Наклонись, – и снова обнимает. Совсем ребёнок!

* * *

Опять договорился с парнями на работе. Хорошо, что Димка с Лёшкой всё понимают. Для всех Ванька – мой младший сводный брат. Эта легенда уже работает везде.

Звоню в дверь квартиры Ильи Анатольевича.

– Здравствуйте, Саша! Проходите.

Иду за хозяином в знакомую комнату, фактически являющуюся его кабинетом. Сажусь на диван и готовлюсь услышать очень нужные для Ваньки и меня слова. Я почему-то в этом уверен.

– Я говорил вам, – начинает Мастер, устраиваясь в своём любимом кресле, – что иногда занимаюсь лечением, хотя я и не врач. Энергетически можно, как вы уже знаете, определять больной орган или его часть. Можно лечить больные органы, потому что при накачке энергией стимулируются все процессы, в том числе и кровообращение, а значит, обменные процессы. То есть наш организм способен восстанавливаться, и ему надо только помочь. Накачкой энергии в область проваленного позвонка проблемы, конечно, решить

нельзя, но подготовить этот позвонок к постановке на место можно.

– Ну хорошо... А ставить-то его на место кто будет?

– Вы!

– Я?!

– Именно вы! Вы же инженер-механик! Подумайте, как это можно сделать с механической, если хотите, точки зрения. Посмотрите внимательно рентгеновский снимок и думайте. Думайте! Убеждён, что спасение Вани в ваших руках, и только. Я говорю это не только в переносном, но ещё и в самом прямом смысле этих слов.

– Вы считаете, что я справлюсь? – спрашиваю неуверенно. А откуда же её взять, эту уверенность? – А если что не так? Если я причиню Ваньке вред вместо пользы?

– Должны справиться! Обязаны! Думайте!

Илья Анатольевич произносит эти слова жёстко и резко. Ему-то хорошо... Не он же будет экспериментировать с Ванькиной спиной! Наверное, мои сомнения слишком ясно проступают на моём лице, потому что Мастер меняет тон.

– Понимаете, Саша... Во-первых, вы должны научиться себя как бы переключать. То есть когда-то включать голову, то есть мозги, а в нужный момент отключать всё это чудо природы к дьяволу и полностью отдаваться своим ощущениям. Мне кажется, что заставлять себя чувствовать вы уже научились. Именно эти ощущения подскажут правильный путь в ваших действиях руками. Ну а голова поможет

определиться с методом.

Пожалуй, только сейчас я начинаю понимать весь груз ответственности, добровольно мною на себя принятой.

– Эх, знать бы результат наперёд... – вырывается у меня непроизвольно.

– А это опять по вашей части, – спокойно говорит Илья Анатольевич. – Ведь это вы получаете сигналы, когда Ване что-то угрожает или его ждёт беда. Опять-таки – думайте! Думайте, как сделать этот процесс более-менее управляемым.

– Это как у Мессинга, что ли? – хмыкаю я.

– Ну вы хватили! Мессинг... Для этого надо иметь его уровень и опыт. А вы только в самом начале своего пути. И пути, я надеюсь, прекрасного!

Последнее у него звучит с воодушевлением. Даже сам начинаю верить.

– А как его сделать управляемым, этот процесс?

– Опять же думайте! Может, это происходит при расслаблении сознания, ведь сон – это расслабление. Короче, ищите метод! Здесь мозги надо включить. Ну а потом, когда метод будет найден, мозги надо выключить и отдаться ощущениям, как я уже говорил.

Сижу, молчу и перевариваю всё, что только что услышал.

– Саша, вы должны понять, я опять повторяю вам: Ванина судьба только в ваших руках. Вы должны сейчас всё отложить и заняться, если хотите, творческим поиском.

– Понятно, – я вздыхаю, – только страшно. Горшки выносить... проще.

Тут я вспоминаю Кирилла Сергеевича в Булуне. Он же в меня поверил!

– Вы меня убедили, – говорю уже твёрдо. – Я обязательно этим займусь!

– Другого от вас, дорогой вы мой, я и не ждал, – Мастер облегчённо улыбается. – Звоните, приходите в любое время. Готов все ваши мысли обсуждать и помогать.

Вечер. Накормил Ваньку. Посуду помыл. Сажусь в кресло. Ох, как я устал...

Открываю глаза. Ни хрена себе! Уже почти два часа ночи! Заснул и проспал! Но ведь третий раз массаж делать обязательно! Болван!

– Вань... – окликаю осторожно. – Надо делать массаж...

– Саш... Иди сюда. Давай поговорим... – произносит он как-то странно.

Сажусь рядом на тахту.

– Саш... – Ванька кладёт руку на мою. – Ты очень сильно устаёшь. Я же вижу! Ты скоро насквозь светиться будешь! – и делает паузу. – Ещё месяц прошёл, а результатов нет. Саш... Сдай меня в интернат! Не мучай себя и меня. Я ведь как посмотрю на тебя – вешаться хочется! Саш... Ну послушайся, пожалуйста... Надо же как-то разрешать ситуацию... – и так смотрит! В глазах такая боль... Аж мурашки по телу.

Хочу ответить, но он прерывает:

– Погоди... Ведь ты же себя загоняешь. Эти ежедневные ванны, кормёжка, уборка, массаж... И ещё работу домой, эту бухгалтерию свою, таскаешь. Ты сказал, что я совершил подвиг. Смешно! Это был импульс! Совсем бездумный! Настоящий подвиг – то, что делаешь ты. Возишься с безнадёжным больным. Ну Сашенька...

Обнимаю его и ласково трусь о его лохмы.

– Заткнись! И чтоб я такого от тебя больше не слышал никогда, – шепчу ему в ухо. – Я люблю тебя. Очень люблю. Если я сказал, что поставлю тебя на ноги, – значит, поставлю! Хочешь ты этого или нет. Жаль только, ты мне не помогаешь. Запомни! Только с твоей верой в успех мы вместе сможем победить. Это ты понял?

Ну всё. У Ваньки опять слёзы. Отчётливо понимаю, что сейчас, в этой ситуации, ему нужно постоянно говорить, что я его люблю, что он мне очень нужен. Это своеобразная психотерапия. И конечно, лишний раз его нужно приласкать.

– Вообще я на тебя очень обижен, – ворчу я. – Надо же такое придумать!

– Саш... Прости дурака, – шепчет он, берёт мою руку и... целует. – Прости...

Господи! Как мне его жалко в этот момент! Прижимаю к себе такое худое тело...

– Всё! Хватит сантиментов! – перехожу на резкий тон. – Массаж надо делать.

Учёбой Ванька занимается. Похоже, даже увлечён. Правда, я замечаю, что у него есть ещё свободное время, а это плохо. Конечно, занятия по программе колледжа и компьютерные игры отвлекают от всяких мыслей, но можно его и делом занять.

– Ванюха! Слушай, я хочу, чтоб ты мне помог.

– Конечно! С удовольствием буду тебе полезен. Картошку чистить – давай! Ещё что-нибудь можно... – он говорит это с такой готовностью!

– Нет, не картошку, а «ещё что-нибудь»... Короче, слушай! Сам знаешь, что у меня в сервисе нет бухгалтера. Сможешь бухгалтерить? Сперва с моей помощью, конечно.

– Ой... – отвечает неуверенно, – это же так сложно!

– А ты попробуй! И у меня время освободится слегка.

– Ну давай... Я попробую. Слушай, а книжку какую-нибудь по бухгалтерии можно сообразить? Я бы почитал и начал...

– Вот это деловой разговор! Чудо ты моё лохматое! – и я начинаю его тискать.

* * *

Уже целую неделю обдумываю сказанное Ильёй Анатольевичем. Страшно... Посоветовался с Ванькой. Рассказал про биоэнергетику, про свои занятия. Он выслушал со скеп-

сисом, а потом спросил, действительно ли я во всё это верю. Ответил, что нельзя верить или не верить в то, что есть на самом деле. Вот опять думаю и массирую его синюшные ноги. После разговора с Мастером даже будто какие-то ощущения пробиваются, да и мысли в башке разные. Надо попробовать! Главное, чтобы руки почувствовали... Короче, надо с чего-то начинать. Хотя бы только прощупать позвоночник, а там посмотрим.

Укладываю Ваньку на живот. Провожу руками над его спиной. Ох-х... В районе поясницы... Чуть выше... Чувствую! Пальцы аж крючит! Даже больно! То ли всё так сильно, то ли это руки уже научились так чувствовать. Начинаю скрупулёзно ощупывать позвоночник. Впадинка... Сравниваю со снимком. Точно! Это то самое место. Значит, мои ощущения совпали с реальностью. Впервые работаю на реальном больном! Кажется, вижу тёмное пятно в области этого проклятого позвонка. Ладно, надо ещё подумать...

На работе, в боксе, где мы ремонтируем движки, рассматриваю старую цепь от двигателя. Что-то мне она напоминает... Да! Позвонки в позвоночнике! Двигаю её, тереблю в руках и смотрю на изменения. Пытаюсь понять, как с точки зрения механика...

Ночь. Спать не могу... Встаю и иду курить на кухню. Что же делать? Илья Анатольевич сказал, что надо попробовать вправить. Но я же не умею! На примере цепи вроде всё понятно, но тут не цепь! Тут живой человек! Однако если что-

то или кто-то меня наталкивает на всякие мысли, то, может, мне и подскажут как? Возвращаюсь, ложусь...

– Саш... Ты что не спишь? – шёпотом спрашивает Ванька. Тоже, значит, не спит!

– Думаю, как тебя лечить... – и наконец решаюсь: – Ванюха, ты мне веришь?

– Больше, чем себе! – звучит поспешный ответ.

– Это плохо. Мне нужно, чтобы ты мне помог принять решение. Слушай... Помнишь, я исследовал у тебя впадинку на позвоночнике... Знаешь, пальцы туда будто притягиваются... Ну биоэнергетика и всё такое... Я тебе рассказывал. Может, попробовать?

– Ты хочешь... вправить позвонок?

Аж вздрагиваю, когда Ванька произносит именно это слово.

– Да... Если ты не возражаешь, конечно.

– Я же сказал, что верю тебе больше, чем себе. Я согласен!

– Хорошо. Я подумаю, как это сделать...

Я – механик, инженер. И думаю как инженер. Если бы туда – то всё было бы понятно, а как обратно, то есть наверх? Думал все выходные. Читал анатомическую книгу. Смотрел ещё и ещё рентген. Определил номера позвонков, которые надо двигать. Похоже, знаю как... Всё почти как с цепью. Но сначала надо подготовить травмированное место.

...Уже вторую неделю провожу энергетическую накачку позвоночника. Ванька говорит, что от моих рук исходит теп-

ло, издевается и предлагает открыть солярий. Вообще, вроде готов... Только мне страшно! Звоню Мастеру.

– Илья Анатольевич, всё-таки я немного боюсь...

– Это ваша голова боится. Рукам сверху всё подскажут! – жёстко напутствует он.

Ладно... Завтра, видимо, решусь на процедуру вправления.

...Укладываю Ваньку теперь животом себе на колено так, чтобы позвоночник выпятился. Не тело, а стиральная доска какая-то... Вот и нужные позвонки... И ямка тут...

– Ну что, готов? – спрашиваю на всякий случай.

– Угу... – глухо отвечает он.

Откровенно молюсь Всевышнему. Господи, молю, помощи! Никаких мыслей... Только ощущения. Только ощущения! Пальцы будто сами притягиваются! Сам не знаю почему, но спокойно и сильно нажимаю на два соседних позвонка.

– Аух-х-х!.. – вскрикивает Ванька. – Больно!

– Это хорошо. Хуже было бы, если бы не было больно... – свой голос слышу будто со стороны. Интересно, почему я так сказал? Осторожно ощупываю позвонки. Лунки нет! Значит, встал-таки, собака, на место! Укладываю Ваньку на спину. – Так, лежи теперь... Отдохну немного, и будем делать массаж.

Вздремнул полчаса и вот массирую, болтая, чтобы его отвлечь. И вдруг...

– Сашка! Сашенька! Я руки твои чувствую... – растерянно бормочет он.

– Что ты сказал? – я действительно не сразу понял.

– Я чувствую ногами твои руки, – и счастливо улыбается. Счастье! Неужели получилось? Бросаюсь на Ваньку и стискиваю его.

– Вот поломаешь мне кости, что будешь делать? – едко спрашивает он, таращась на меня своими фарами.

– Сам поломаю, сам и вылечу, – неожиданно цитирую свой любимый фильм и добавляю: – Ванюха, только предупреждаю – где-нибудь неделю ворочайся очень осторожно. Надо, чтобы твой позвонок привык к правильному месту.

– Уж постараюсь, – и опять такая счастливая улыбка! Несмотря на позднее время набираю номер телефона.

– Илья Анатольевич! У Ваньки ноги стали чувствовать. Позвонок встал на место! – восторженно кричу я в трубку.

– Ф-фу... – шумно выдыхает он, и дальше тишина.

– Илья Анатольевич, где вы? Я вас не слышу.

– Прости, Саша... Я аж прослезился, – признаётся он дрожащим голосом. – Ты сам ещё не понимаешь, что сделал.

Мне очень приятно, что он со мной перешёл на «ты».

– Что сделал... Поставил позвонок на место. А что?

– Вот я и говорю, что ты пока сам не понимаешь, что сделал и вообще что произошло. Ну да ладно! Об этом у нас с тобой ещё будет время поговорить.

Теперь надо похвастаться Даше.

– Даш... Привет... – говорю я виноватым тоном, потому что давно ей не звонил.

– Здравствуй, Саша...

Мне не нравится её голос, похоже, она на меня сильно обиделась. И это неприятно.

– Даш... Я вправил Ваньке позвонок. Ноги стали чувствовать... – и замолкаю.

– Сашка... – произносит она уже совсем по-другому. – Ты сделал это! Я тебя целую! Ты – гений! Я даже перестала на тебя сердиться. Ты ведь, поганка, почти два месяца мне не звонил!

– Даш... Ты теперь всё понимаешь и всё знаешь. И впереди ещё столько трудов!

– Всё равно... Ты звони мне, пожалуйста. Я хочу хотя бы слышать твой голос...

Тут мне становится совсем тяжело. Ну не могу я разорваться между ними!

Довольно пространно изложил на бумаге Кириллу Сергеевичу наши события. Хочется получить от него ответ с рекомендациями на новые условия жизни. Вообще стыдно. До этого написал ему всего одно письмо сразу после нашего приезда.

Ваньку не узнать. Просто весь светится. Такая энергия поперла! И ведь действительно начал овладевать бухгалтерией! Вот молодец! Теперь даже сурово требует, чтобы я ежеднев-

но отчитывался о работе и закупках! Делаю это с удовольствием. Мне очень приятно, что он чувствует себя нужным. Забросил в колледж выполненные им задания. Оказывается, очень неплохо всё сделал! А уж про работу по бухгалтерской линии и говорить нечего. Просто отлично! Всё-таки он удивительно быстро схватывает! Сейчас трудится над новыми заданиями. А к весне надо будет решить вопрос с экзаменами и защитой.

– Саш! Сашка! – зовет Ванька. – Иди посмотри!

Заглядываю в комнату. Ого! Сидит, и его руки лежат на согнутых коленях!

– Я сам! – и в его тоне звучит гордость. – Правда, руками помогал... Щипал себя! Больно! Я балдею!

– Ванюха... Вот видишь! – и от переизбытка чувств, как всегда, его обнимаю.

Я так счастлив! Я действительно верил! И сразу на ум пришло упражнение. Своеобразный велосипед. То есть мои ладони у Ваньки на ступнях, и я толкаю, а он сопротивляется. Надо будет делать это с ним для тренировки мышц.

...Неделю «велосипедим». Ванька пыхтит, старается толкать ногами мои руки.

– Уф... Устал я, Сашка...

– Ладно, отдыхай! Я пошёл на кухню.

– Вот-вот! Ты корми меня лучше! – получаю вслед ёрническое указание.

Чтобы полусидя разрабатывать мышцы, он потребовал у

меня мои старые разборные гантели, которыми я всё это время играл дома, не имея возможности ходить в спортзал. Перекрутил их ему на приемлемый вес. С удовольствием наблюдаю за его стараниями. И вообще в нашу квартиру вернулась былая радость.

Вчера написал ещё одно письмо Кириллу Сергеевичу с описанием наших успехов.

Наконец пришёл ответ из Булуна. Это меня очень порадовало.

«Дорогой мой коллега! Да, я не шучу. Саша, Вы молодец! Додуматься до такого, а главное – решиться! Может, такая помощь людям и есть Ваше призвание? Подумайте!

И не зря Вы начали читать медицинскую литературу. Читайте дальше! Там найдёте очень много полезного.

Вы меня извините, что не ответил на первое письмо: было очень много работы. У нас из больницы два врача уехали на материк, и навалилась дополнительная нагрузка.

Посмотрел Ваши упражнения для Вани. Всё очень разумно и грамотно. Даже поправить нечего. И правильно, что Вы решили теперь нагружать также и плечевой пояс. Раз Ваня уже сидит сам, то мышечную массу, потерянную ранее, надо возвращать. И кормить его надо теперь серьёзнее. Массаж при выполнении Ваших упражнений можно сократить до двух раз, а по мере Ваниных успехов потом сами его отмените».

Дальше ещё рекомендации. В том числе, какие книги сто-

ило бы прочесть. Беру красный маркер и выделяю всё про Ваньку. Честно говоря, про массаж я и сам подумал о сокращении. А насчёт чтения литературы – так эта тема меня всё больше интересует.

* * *

Сегодня пятнадцатое августа. Ваньке исполняется двадцать лет. Он, засранец, молчит. Мы с ним как-то не говорили про дни рождения, но ещё с первых его поисков я запомнил эту дату.

Колдую на кухне. Хочу сделать ему праздник. Ну вот... Всё!

– Сегодня ужинаем на кухне, – объявляю, заходя в комнату.

– Чего это вдруг? – спокойно спрашивает он, но на шею руку забрасывает.

Приношу его на кухню к столу и усаживаю на подготовленные подушки.

– Сашка... – у Ваньки совершенно обалдевший вид.

– Юбилей – значит, юбилей! Я не хочу, чтобы ты был осликом Иа-Иа и остался без праздника.

– Ты откуда узнал? – и растерянно улыбается.

– Знаем, не проболтаем! – многозначительно говорю я.

Сажусь, разливаю в «наши» рюмки коньяк.

– Так ты и выпить мне сегодня разрешишь? – в Ваньки-

ном тоне знакомая едкость. – А может, ещё и покурить ради юбилея дашь?

– Посмотрим, – бурчу я. – Давай, за твои двадцать. Живи и бегай сто лет.

– Тут встать бы... – он вздыхает и делает глоток.

– Встанешь, куда ты теперь денешься! Да! Есть и подарок, – достаю из коробки новые кроссовки. Такие же, как у меня, «Рибок». – Вот. Будешь в них бегать!

– Я постараюсь... – и неуверенно улыбается. – Спасибо... Только я до сих пор не знаю, когда у тебя день варенья...

– В этом году его уже не будет.

– Значит, зажал? – звучит ехидное замечание.

– Тогда было не до праздников, Ванюха, – серьёзно отвечаю я. – Я родился девятнадцатого мая, в день рождения пионерской организации имени Ленина. Так что я по жизни пионер-ленинец и потому всегда готов.

– Ну то, что ты всегда готов, я и сам знаю. На том и держусь, – вздыхает он.

– Мы с тобой оба держимся на том, что делаем всё вместе. Согласен?

Задумчиво кивает.

Наши совместные труды понемногу приносят результаты. Ванька наконец сам сел на тахте и опустил ноги на пол. Это уже победа!

– Ванюха! Скоро придётся разоряться на костыли! – шутя, сокрушаюсь я.

– Только ты покупай с гидравлическим подъёмником, мою тушку поднимать.

– Что ты ёрничаешь? Прогресс-то ведь есть!

– Так хотелось бы быстрее, – с лёгкой тоской выговаривает он.

– Всему своё время. Я же говорил, что ты опять меня на лыжах делать будешь!

– Хорошо бы так, – вздыхает и пытается привстать, помогая себе руками.

– Ну-ка прекрати! Рано ещё! Хочешь всё испортить? – прикрикиваю на него.

Я боюсь, что от вертикальной нагрузки на неокрепший позвоночник может произойти что-нибудь нехорошее. Пусть пока мышечный корсет гантелями наращивает.

Прошло ещё две недели, и сегодня мы с Ванькой всё-таки попробуем встать. Именно мы с ним. То есть я буду ему помогать, а потом поддерживать.

– Так, Ванюха... Давай, ноги на пол. Ну, садись! – командую ему. Довольно шустро опускает ноги, а я просовываю ему руки под мышки. Напрягается, помогает себе руками, я тоже помогаю... Нет. Сегодня не получилось.

– Чёрт... Не могу... пока, – огорченно произносит он.

– Посиди немного, отдохни, и мы попробуем ещё раз.

Увы... Второй раз заканчивается так же.

– Ладно. Теперь мы это будем делать каждый день. Только сам, пожалуйста, не пытайся. Помни про позвоночник.

...Сегодня четвёртый день наших попыток. Предыдущие три закончились ничем.

Становлюсь в уже привычную стойку с руками у Ваньки под мышками. Он толкается руками... Ещё... Ещё... Ну!

– Сашка... Я стою... – бормочет, почти лёжа на мне.

Не буду же я человека расстраивать тем, что он не столько стоит, сколько стоя лежит! Слышу, как колотится его сердце... Так же аккуратно усаживаю его на тахту. Смотрит на меня снизу вверх и счастливо улыбается. Правда, дышит тяжело.

– Слушай, давай сегодня больше не тренироваться, – предлагаю осторожно.

– Нет уж... Я хочу ещё раз, – и это звучит жёстко. – Правда, ноги трясутся...

– Ладно... Отдохни пока, а я на кухне потружусь, – мило-стиво соглашаюсь и оставляю его сидеть на тахте.

Сквозь кухонные звуки слышу шевеление в комнате. Заглядываю. Ванька, отталкиваясь руками от тахты, пытается встать сам... Успеваю его подхватить.

– Ты что?! – ору на него. – Совсем? Я же предупреждал!

– Ну Саш... Ну прости. Я думал...

– Я тебе уже говорил, что это слово к процессам в твоей голове не имеет никакого отношения! Понял?

– Ну... понял... Ну не сердись. Больше не буду...

– Надеюсь! Правда, должен тебе сказать, что ты почти встал сам. Но это не говорит о том, что ты можешь это делать

самостоятельно.

После работы подъезжаю к знакомой кафешке на Петроградской. Даша меня уже ждёт. Это первый раз, когда я приехал позже неё.

– Здравствуй! Извини, что задержался...

– Здравствуй, Саша! Я всё понимаю.

В своей гонке отодвинув от себя всё, свидание я назначил только после её намёков, что надо бы увидеться. И хоть я пытаюсь себя оправдать, мне всё равно очень стыдно.

Под кофе беседуем. Больше говорю я. Слишком о многом надо рассказать.

– Ой, Сашка, я тебе даже завидую. Так приятно быть нужным! – это сказано с лёгкой грустью и, наверное, с намёком: мол, она чувствует, что мне не очень нужна.

Держу Дашины руки в своих, смотрю на неё и понимаю, насколько она мне дорога. Усиленно занимаясь Ванькой, я постоянно вспоминал про Дашу и всегда отдавал себе отчёт в том, что вот таких мгновений мне не хватает. Ох... Кажется, я влюбился всерьёз.

– Тебе, наверно, уже пора? – вздыхает Даша, посмотрев на часы.

– Да... К сожалению... Хочешь, я тебя до дома довезу?

– А ты не выбьешься из графика? – и это опять звучит грустно.

– Время ещё есть. Мне сегодня осталось только Ваньку

накормить и помыть.

Подъезжаю к её дому.

– Саша... Давай зайдём...

Едва мы входим в парадную, прижимаю Дашу к себе, наши губы смыкаются...

– Пойдём, не будем терять времени... Папа сегодня на работе, – так же жарко, как тогда на даче, шепчет она.

Конечно! Мы не будем терять времени! Мы его и так уже много потеряли.

...Выходим из парадной.

– Ну всё, – тихо произносит Даша. – Езжай... И запомни, что я у тебя есть!

Она быстро обнимает меня, целует и бежит к лифту. Так же я говорю Ваньке: запомни, что я у тебя есть. И я у него есть! А у Даши?..

* * *

Ванька ходит по комнате! Конечно, пока на костылях, но сам! Уже третий день!

– Ну как? – он счастливо улыбается.

– Отлично! И вообще, я подумал... Больше тебе подгузников надевать не буду.

– Ой, я смеюсь... – и со знакомой едкостью хихикает. – Я вчера уже на горшок сам ходил. Правда, встал еле-еле.

– Чего не хвастался?

– Ты же не спрашивал! – подходит и обнимает. – Сашка...
Как я тебя люблю!

– А уж я-то тебя как... – так же тихо отвечаю я и в очередной раз повторяю: – Я хочу, чтоб ты знал: ты мне очень нужен в этой жизни.

– И ты мне нужен... – Ванькина голова на моём плече. – Как я тебе благодарен!

Вот, недополучил человек в детстве ласки, и как же она ему необходима!

– Что бы я без тебя делал? – совершенно искренне признаюсь я.

– Жил бы спокойно, без проблем, – он вздыхает. – Ты так со мной намучился...

– Идиот! Мне было очень приятно о тебе заботиться.

– А мне было больно смотреть на тебя...

– Раз ты мой, то своя ноша не тянет! – и улыбаюсь, в очередной раз повторяя однажды сказанные слова.

– Мне было больно именно потому, что я действительно твой. Когда стану ходить хорошо... В общем... Я за тебя глотку любому перегрызу. Не сомневайся!

Радуюсь, наблюдая долгожданные результаты наших совместных трудов. Свои наблюдения тщательно анализирую и выдаю Ваньке рекомендации как руководство к достижению очередной победы. Уж не знаю, как он себя насилует в моё отсутствие, но потихоньку ходить по квартире без костылей начал сам, пока меня не было дома. Естественно, получил

выволочку за партизанство, но и хвалить его я тоже не забываю.

Вернувшись с работы, застаю Ваньку, делающего на кухне приседания, опираясь при этом руками на две табуретки.

– Ого! Отлично! – вырывается у меня.

– А то! – и довольно пыхтит. – Вот... Тридцать раз осилил. При помощи подручных, – кивает на табуретки, – средств.

И мне так приятно, что он упёрто работает над своими ослабевшими мышцами.

Получил от Кирилла Сергеевича ответ на очередной свой доклад о наших делах.

«Дорогой Саша! Дорогой коллега! Я несказанно рад твоим успехам. Признаюсь, не до конца верил в результат, но мне надо было внушить эту веру тебе. И вот – ты победил! Ты меня очень порадовал тем, что нашёл кратчайший путь. Только не переусердствуйте на пару с Ваней. У него сейчас начнётся эйфория. Нагрузки надо дозировать.

Насчёт тебя. Убеждён, тебе надо обязательно продолжать развивать твои энергетические способности. Кроме того, повторяю: уверен, твои возможности могут чаще применяться для лечения страждущих. Подумай об этом. Короче, тебе надо учиться!»

Дальше идёт список литературы. Отлично! Надо будет почитать.

«А вообще всем нам очень бы хотелось когда-нибудь увидеть вас вдвоём. Соберётесь – звони! Приветы от всех. Креп-

ко жму руку. Твой Кирилл Сергеевич».

И он тоже стал меня звать на «ты»! Я рад. А насчёт медицинской литературы – у меня уже её собралось достаточно. Хватило бы времени всё перечитать. Но, учитывая, что эта тема становится мне всё более интересна, справлюсь, ведь жизнь постепенно входит в привычную колею и у меня снова появляется время на чтение.

Мы уже выходим на улицу и для тренировки совершаем небольшие прогулки. Первый раз поставили задачу: обойти вокруг дома, но я вовремя заметил трудности и, вспомнив наказ про дозировку нагрузок, повернул назад. Потом, конечно, всё наладилось, мышцы ног, имея постоянную нагрузку, понемногу пришли в норму. В преддверии зимы мы даже вместе съездили в торговый центр и купили Ваньке обувь взамен оставшейся в Булуне. В магазине я заметил его восторженный взгляд, брошенный на ботинки на высокой шнуровке, и мне снова захотелось побаловать человека. Правда, потом пришлось жёстко прервать знакомый словесный понос на тему, что ему стыдно быть нахлебником.

Снова регулярно бываю у Ильи Анатольевича. Он мною доволен. Теперь я учусь не методам энергетической работы, как раньше, а постигаю азы подлинно великой философии, на которой зиждется само понятие о взаимодействии биополей. И интересно, и трудно. Приходится в голове укладывать многое такое, о чём прежде не задумывался.

С Дашей только перезваниваемся. Она тоже сильно заня-

та и по работе, и по учёбе. Имея сам сумасшедшую загрузку, отлично понимаю её занятость, но очень хочется увидеться. Я действительно люблю и соскучился по ней. То, что она меня тоже любит, я чувствую, хотя про любовь мы с ней ни разу не говорили. Кажется, я всё-таки нашёл ту единственную, которая мне нужна в этой жизни. А как сказать об этом Ваньке?

Сам он с головой ушёл в учёбу. Сидит днём и ночью над книжками и перед компьютером. Теперь я часто бываю в колледже, а иногда привожу туда и его самого. Выполненные им задания, как правило, оцениваются очень хорошо. Его основной преподаватель доволен. Мне это приятно, будто я сам там учусь.

Прошёл ещё один месяц. Ванька уже вовсю орудует на кухне, совсем отстранив от готовки меня. Заявил, что теперь наконец-то будем питаться нормальной едой. Кроме этого иногда, если сильно устаю на работе, делает мне массаж. Это была его инициатива, а я решил её не губить и научил. Пригодится в жизни!

Сегодня будем встречать Новый год. Дашу я поздравил вчера. Украдкой позвонил, всё сказал и... вспомнил дачу. Сейчас вместе с Ванькой готовим стол. Он в роли шеф-повара, ну а я в качестве поварёнка и поэтому постоянно получаю жёсткие указания.

– Не клади так много майонеза! Будет не салат, а каша.

И соли не надо, майонез сам солёный. Господи! Сколько тебя можно учить! Это же не твоя биоэнергетика! Это же высокое искусство – готовить вкусно. Хотя с твоим вкусом ты можешь сожрать и так.

Он так забавно доволен собой в своей роли, так старается, что мне приятно ему подчиняться. Вообще-то я, наверное, где-то задавил его своим отношением старшего, поэтому – пусть покомандует.

– Сашка! Оденься прилично! Твои треники и футболка не соответствуют моменту! – слышу команду из комнаты.

Делать нечего. Иду туда и надеваю рубашку с джинсами.

– Сойдёт, – взглянув на меня, оценивает Ванька, который оделся так же.

Садимся за стол. Половина двенадцатого.

– Ну, Ванюха... Давай, командуй дальше. Сегодня ты рулевой.

– Саш... Извини, не в тему, – он поднимает на меня глаза. – В качестве новогоднего подарка... можно, я пойду учиться на права? Если деньги на это найдутся.

– Отличная идея. Согласен! Тем более рядом есть автошкола. А деньги найдутся.

– Выучусь и буду тебя возить! – и мечтательно улыбается, как ребёнок...

– Да я ж со страха помру! – фыркаю я.

– Ничего, привыкнешь! Давай наливай! Проводим старый год.

– Да, Ванюха... Такой год проводить не жалко, – и наполняю рюмки. Чокаемся.

Вот и Путин поздравляет российский народ... Открываю шампанское. Куранты...

– С Новым годом, Ванюшка! – произношу я с ударением на первом слоге.

– Так меня бабушка звала... – Ванька улыбается. – С Новым годом, Сашенька!

Стеклянные бокалы – это не хрустальные, красиво звенеть не хотят.

– Пусть этот год принесёт тебе столько счастья, сколько ты хочешь, – выговариваю я, как заклинанье, глядя ему в глаза.

– А у меня счастье уже есть. Это – ты... Чего мне ещё ждать?

Уже в январе, как только Ванька записался в автошколу, мы сразу возобновили уроки вождения. Сейчас он катает меня по площадке. Ничего, неплохо получается!

– Саш... Ну скажи, что я – молодец. Ну скажи-и... – и это звучит так по-детски!

– Конечно, молодец! После такого перерыва, я считаю, отлично! Теперь будем сюда ездить каждые выходные. То есть и в субботу, и в воскресенье.

Мне опять приятно, что парень весь в счастье. Надо поддерживать в нём это состояние. Поэтому, когда он спросил, можно ли привезти из той квартиры аппаратуру и фонотеку,

согласился сразу. Теперь иногда слушаем вместе, и это ему тоже нравится.

Вообще, если подумать, что у Ваньки есть в жизни? Ничего... Ничего, кроме ужасных воспоминаний о прошлом, о его потерях и трудностях. Ещё есть многочисленные комплексы, порождённые всей его недлинной жизнью. Кто б знал, как мне хочется, чтобы он был счастлив!

...Февраль. Исход зимы, и мы наконец выбрались на лыжах. Ванька идёт впереди, а я придирчиво смотрю, как это у него получается. Конечно, не так шустро, как тогда, но вполне сносно. И даже в такой кондиции он меня делает!

– Ванюха! Погоди... Не поспеваю!

– Чего? – он оборачивается и довольно скалится.

– Я же тебе говорил, что ты снова меня на лыжах будешь делать! Ну-ка, скажи: «Ты был прав, Александр Николаевич!»

– Вечно ты прав, Александр Николаевич! Даже скучно! – хохочет и толкается палками.

А ведь Александр Николаевич во многом прав! Предупреждал мальчика, что не надо покупать шаверму у метро. Не послушал дядьку! Ездил в колледж отвозить готовый диплом и на обратном пути... покушал. Теперь весь сортир заблевал! Вот уложил его и раздеваю. Пусть лежит нормально под одеялом, а то беднягу даже озноб колотит.

Что это? В области желудка начинает крючить пальцы! Ещё как крючит! И будто гвозди впиваются в ладони. Зна-

чит, отравление желудка вызывает возмущение биополя!

– Погоди-ка, Ванюха... – бормочу я и пускаю руки.

Эти якобы гвозди стараюсь вырвать и выбросить. Так меня Илья Анатольевич учил. Долго тружусь. Выравниваю поле... Тоже дело не быстрое. Ну вот... Кажется, всё. Ванька лежит на спине. Заснул... И так спокойно спит! Неужели сработало?!

– Ну как ты? – напряжённо спрашиваю я, когда Ванька просыпается.

– Знаешь... – он будто прислушивается к себе и своим ощущениям. – Вроде... ничего. Слушай! Даже хорошо! Будто ничего и не было. Неужели... это ты? Как ты смог?

– Сам не знаю. Вот... как-то получилось...

Я сам удивлён случившимся. Не ожидал такого эффекта. Надо взять на заметку!

Ванька защитился! А через неделю после этого события ещё и получил права, сдав с первого раза экзамен в ГАИ. Трудно сказать, кто из нас больше счастлив, он или я. Его успехи давно уже стали для меня более значимыми, чем мои собственные. В колледже я был с ним и при всём присутствовал. Защитился он очень хорошо, и ему сказали, что надо обязательно учиться дальше. Ну это уж я организую! Пойдёт в университет, как миленький, но попозже.

После того как главные на сегодняшний день события произошли, наша жизнь наконец обрела размеренное тече-

ние. Каждый вечер, сидя в машине на правом сиденье, я даю возможность начинающему водителю приобретать опыт, катаясь по нашему району. А потом в квартире наступает время тишины, когда я принимаюсь за чтение медицинской литературы, а Ванька в поисках работы отправляется в Интернет.

Сегодня разбираю старые бумаги семьи. Дошли-таки руки! Раньше не находил времени. Вот фотографии... Отец с матерью. Даже не знаю, почему они разошлись.

– Вань... Хочешь посмотреть на моих мать и отца?

Отрывается от экрана, берёт фото, смотрит и... Чего это он так уставился?

– Ты чего так смотришь? Нравится?

– Саш... – выражение Ванькиного лица какое-то странное, слегка оторопевшее. – Это и... мой папа. Значит, ты... тот самый Саша, и мы с тобой и вправду братья!

Повисает долгая пауза. Подхожу к нему, сажусь рядом. Обнимаю и прижимаю к себе. Ванькина рука тоже ложится на моё плечо.

– Сашка... Ты не представляешь, что это для меня значит, – тихо произносит он.

– Для меня тоже... Значит, мы с тобой нашли друг друга. Братишка ты мой дорогой... Родной ты мой... – я зарываюсь носом в его шевелюру. На глазах слёзы.

– Саш... Ты что, плачешь?

– Угу... Я давно подозревал, что не просто так мы с тобой

чувствуем друг друга. Любимый ты мой братишка... Родной...

– А я теперь ещё больше счастлив, – шепчет Ванька. – Тебе хорошо?

– Очень...

– И мне-е... Представляешь, у меня появился брат. Да ещё и старший! И теперь за все мои шалости отвечать будет он, – ёрничая, с подчёркнутой беззаботностью вдруг заявляет обретённый братишка. – А с меня взятки гладки. Так что – гуляй, нога!

– Видел? – подношу ему к носу кулак.

– Видел. Только младших физически воспитывать нельзя. Это непедагогично!

– А как надо младших воспитывать, по-твоему?

– Лаской... Добротой, – продолжает он в том же духе. – Не согласен?

– С тобой попробуй не согласишься! А я вот... Поплачусь тебе сейчас. Знаешь, бедовый мне достался братишка. Никогда не знаю, что он выкинет!

– А часто он это? Ну, выкидывает!

– Да постоянно!

– Сочувствую... А ты окно закрывать не пробовал? – вопрос звучит озабоченно.

– Зачем?

– Чтобы он не выкидывал! – совершенно серьёзно объясняет Ванька.

Фыркаю... Наконец-то до меня дошло.

– Да... Что-то с юмором у тебя сегодня, – опять ёрнически замечает он. – Ладно, проехали. Ты лучше скажи, братишка, мы с тобой в Булун когда полетим?

– С делами управлюсь, и полетим.

* * *

Мы с Ванькой летим в Булун. Я договорился с парнями, что они месяц справятся без меня. Отзвонился Илье Анатольевичу и Даше. Хорошо, что летуны оказались знакомыми, а вернее, теми же, которые нас везли в Питер. Подивились, конечно, на Ваньку. Они не забыли, как его на носилках заносили в самолёт.

Грузовой Ил-76 приятно гудит, слегка потряхивает...

– Парни! Вот вам, чтобы не скучали, – бортмеханик Женя протягивает фляжку.

– Это что?

– Глотни – узнаешь! – и хитро улыбается. – Только осторожно! Чистый!

Ясно. Спирт! Делаю глоток. Так, обожгло! Чистого я ещё не пил...

– Давай сюда! – Ванька, смеясь, тянет руку. Делает глоток и закашливается.

– Молодой ещё, – по-доброму оценивает бортмеханик и смеётся. – Ладно, дай и мне за компанию. За вас и за то, что

Ваня стал ходить! Это от имени всего экипажа. Мы всё уже обсудили, – он спокойно делает глоток и отдаёт мне флягу.

– Жень... Неудобно как-то...

– Удобно, удобно. Командир разрешил. Закусь-то есть?

– Найдём! Ты приходи сюда ещё, а то как-то...

– Сейчас Серёга придёт.

Серёга – второй пилот. Это он тогда нашёл машину, чтобы полупарализованного Ваньку довезти до дома.

– Только Ваську-штурмана не зови, а то мы вместо Булуна в Хабаровск залетим.

Женька, хихикая, уходит. Почти сразу приходит Серёга.

– Ну, мужики, за вас! – поднимает он флягу. – А ты – чтоб быстро бегал! – и чокается с Ванькиным носом. – Трезвый будет один командир! Да и то – пока не сядем. Так что оставьте на посадку.

Сели. Самолёт вырывается. Ого! Николай, командир экипажа, собственной персоной идёт к нам.

– А кто паркуется? – интересуюсь я у него.

– Серёга. Осталось у вас чего?

– Конечно! Ждали тебя.

– Ну давайте, парни! – теперь он берёт флягу. – За вас! Когда соберётесь обратно, узнайте у диспетчера про наш борт. Подбросим до Питера. Ну давай ещё раз!

Из самолёта выходим уже на хорошей кочерге. Жмём руки этим классным парням.

– Ребята! Саша, Ваня! – Дмитрий Иванович почти бежит

к нам по лётному полю. Объятия, поцелуи... – Давайте! Машина ждёт! Надежда уже, наверно, и стол накрыла.

В машине мы с Ванькой засыпаем.

– Ребята! Приехали! Просыпайтесь!

Открываю глаза. Знакомый дом. Надо сказать, он мне даже снился.

Входим в квартиру и сразу попадаем в объятия Надежды Михайловны. От такой бурной встречи у Ваньки слёзы на глазах. Что говорить, у меня тоже.

– Мальчики... Как я рада вас видеть!

– Надежда Михайловна! Мы тут подарки привезли... – бормочет он, пытаюсь расстегнуть молнию сумки.

– Какие подарки! Вы сами – главные подарки! – гремит хозяин. – Давайте сразу за стол. Посидим немного, а потом и спать вам надо. Устали наверняка, да и знаю я этих летунов! – он хитро подмигивает мне. Конечно, учуял!

– Мальчики, давайте за стол с дорожки, – командует хозяйка. Обращаю внимание – сдала Надежда Михайловна. Ходит тяжело, на ногу как-то нехорошо припадает...

Звонок в дверь.

– Открыто! – кричит Дмитрий Иванович.

– Хозяева, можно? – раздаётся очень знакомый мне голос.

Оборачиваюсь. Кирилл Сергеевич уже стоит в прихожей. Как он на нас смотрит! Это такой взгляд! В нём и доброта, и какая-то... именно ласка пожилого человека, адресованная нам, молодым. Интересно, к кому подойдёт сначала? Хоро-

шо бы к Ваньке... Да!

– Ну здравствуй, Ванюша! Какой ты стал! Любо-дорого посмотреть, – обнимает братишку и целует в лоб. – А теперь – здравствуй, коллега! – почти торжественно звучит его голос, и он идёт ко мне с протянутой для пожатия рукой.

Сначала крепкое рукопожатие, а потом такие же крепкие объятия.

– Не зря я в тебя верил, Саша. Честно скажу, счастлив видеть вас с Ваней. Вы оба даже не знаете, что сотворили! – старый доктор меня опять обнимает, а Ванька подходит и обнимает нас обоих.

За накрытым столом сидим уже почти два часа. Приходят разные люди, с которыми мы прежде здесь общались. Кирилл Сергеевич всё время сидит рядом со мной. Он задумчив и пьёт мало, иногда спрашивает меня о каких-нибудь мелочах, будто хочет, но не может найти повода начать какой-то очень важный разговор. Я настолько в этом уверен, что решаю начать сам.

– Кирилл Сергеевич, о чём вы хотели со мной поговорить? – улучив момент, тихонько спрашиваю его.

Он удивлённо поднимает глаза и, улыбнувшись, похлопывает меня по руке.

– Не спрашиваю, как ты определил, что я хочу с тобой говорить. Мне это понятно. И, собственно, разговор будет именно об этом.

В меру своей степени опьянения пытаюсь осознать то, что

услышал.

– Ванечка! Здравствуй, мой хороший! Спаситель ты мой! – влетает миловидная девчонка, вернее, молодая женщина и кидается Ваньке на шею.

Понимаю, что это та, которую пришлось вытаскивать из трещины.

– Здравствуй, Света... – смущённо бормочет он, неловко прижимая её за плечи.

– Ты меня прости, что я к тебе в больницу не приходила, – винится она. – Сама была на койке...

– Да ладно, – ещё больше смущается Ванька, но видно, что он рад её приходу.

– Здравствуйте, Саша... – теперь Света подходит ко мне и протягивает руку. – Спасибо, что вы Ваню вылечили!

– Ну как же не вылечить... Братишка ведь...

Обращаю внимание на её руку. Большая, с толстыми пальцами, я бы даже сказал, что не женская рука. И пожатие жёсткое... Это мне сразу не нравится. «Руки заgreбущие...» – вспоминается поговорка.

– Товарищи! – Света наливает себе водки и поднимает рюмку. – Давайте выпьем за Ваню! За моего спасителя!

– И за нашего Сашу! – подсказывает Дмитрий Иванович. – Он нашего Ваню вылечил!

– За Сашу тоже! – подхватывает, а вернее, спохватывается она и тянется рюмкой к моей и Ванькиной. Да... Не пойму, что меня в ней настораживает и даже отталкивает.

...Дмитрий Иванович и Надежда Михайловна определили нас в отдельную комнату. Кровати у нас разные. Хотя я и привык к башке на своём плече, но надо отвыкать. Ванька может и должен стать настоящим мужиком. Конечно же, он стал геем по воле обстоятельств, и хорошо, что решил сам себя изменить. И то, что Света ему оказывает разные знаки внимания, тоже очень хорошо. Может, она и станет тем буксиром, который вырвет его из прежних привычек.

* * *

Подъём здесь совсем ранний, и это меня устраивает. Хочу сходить в больницу к Кириллу Сергеевичу.

– Вань! Я схожу в больницу. Поговорить надо. Если что, ищи меня там, – предупреждаю я его во время завтрака.

– Не парься! Светка пригласила вместе с ней сходить туда... Ну на то место...

– Смотрите только, не повторяйте пройденного.

– Не волнуйся. Сегодня шторма нет, – отмахивается он.

Пока иду уже знакомым маршрутом, вспоминаю свой сегодняшний сон. Я видел... Дашу с коляской. Надо же такому присниться! В больнице, постучав, захожу в кабинет главного врача.

– А-а! Здравствуй, Саша! Заходи! Кофе будешь?

– С удовольствием!

У Дмитрия Ивановича кофе не пьют, и мне за завтраком

пришлось довольствоваться чаем. Сажусь у рабочего стола Кирилла Сергеевича, беру в руки кружку и чувствую, как и тогда с Ильёй Анатольевичем, что сейчас услышу что-то очень важное для себя.

– Понимаешь, Саша, – начинает он, затягиваясь дешёвой сигаретой. – По твоим письмам, пусть из-за нехватки времени кратким, я понял, что ты прочитал какие-то книги по биоэнергетике и вообще серьёзно ею занялся. Это так?

– Да. Знаете, у меня в Питере есть по этим делам учитель. Я бы сказал – Мастер! Признаюсь, если бы он не убедил меня в том, что только я могу помочь Ваньке и больше ему не на кого рассчитывать, то вряд ли бы отважился на такие вещи.

– Неважно! Главное, что полученные от своего Мастера и из прочитанных книг знания ты правильно использовал в случае с Ваней. О биоэнергетике многие говорят с иронией. Я категорически не разделяю такого подхода! Это очень важное и полезное в нашем деле учение. И он тому пример. Именно так лечат знахари в деревнях! Я к чему всё это, Саша... У тебя талант! Я говорю это совершенно серьёзно!

– Илья Анатольевич тоже говорит, что у меня талант. Только как-то страшно применять свои способности к живым людям.

– Биоэнергия – это же энергия живого и должна применяться к живому! – Кирилл Сергеевич снова затягивается. – Ты мне говорил, что ты инженер-механик и лечишь больные машины? Может, тебе поменять специальность и лечить

больных людей?

– Не знаю... – бормочу я. – Страшно мне!

– А Ваня?

– Ну Ванька – это всё-таки своё...

– Значит, каждый твой пациент должен стать для тебя своим... родным! По крайней мере, у меня всю мою жизнь именно так.

У меня возникает впечатление, что старый доктор только что раскрыл мне свой главный профессиональный секрет. Действительно, о нём тут даже легенды ходят!

– Ну что? Может, я тебя хоть чуточку поколебал в твоей уверенности в правильности ранее выбранного пути?

– Да уж, – признаюсь я и прошу: – Кирилл Сергеевич, можно и я закурю?

– Гм... Кури на здоровье! – усмехается и пододвигает ко мне пепельницу.

– Вы знаете, когда я читал рекомендованные вами книги, я ловил себя на том, что меня очень интересуют процессы, протекающие в нашем организме. Как инженер-механик я всё время пытался понять, что на что влияет и что из чего происходит.

– Вот и прекрасно! Уверен, немногие студенты-медики с самого начала задаются этими вопросами, – видно, что последние мои слова ему очень понравились. – Ладно! Теперь посмотри, – главврач достаёт из большого конверта рентгеновский снимок и протягивает его мне. – Вот картинка по-

звоночника некоего человека.

Как в своё время Ванькин рентген, смотрю на свет. Дефект бросается мне в глаза сразу. Один из позвонков слегка торчит наружу.

– Что, у больного тоже отнялись ноги? – спрашиваю и напряжённо жду ответа, ведь мне очень хочется получить подтверждение своей догадки.

– Абсолютно верно! Этот мужик решил поднять слишком большую тяжесть. Результат ты видишь. Это выскочивший позвонок, следовательно, защемление.

– Он сейчас у вас в больнице?

– Нет. Дома. Лежит уже месяц...

– Кирилл Сергеевич, а можно мне его посмотреть?

– Смотрят в картинной галерее, а у нас, в медицине, осматривают, – строго поправляет он. – Вечером. Закончу здесь, и пойдём. Пей кофе, а то он уже, наверно, остыл.

Делаю маленькие глотки, стремясь продлить наш разговор. Боюсь, что, когда допью, общение закончится. Я уже понял, что мне очень хочется снова окунуться в больничную жизнь. И не только поухаживать за больными, но и просто пообщаться...

– Кирилл Сергеевич... я хочу ещё вас попросить. Можно, я тут у вас в больнице... поработаю? – и спешу уточнить: – Бесплатно! Мне это очень интересно!

От сделанного признания я, наверное, слегка покраснел, даже в жар бросило.

– Гм... Как ты говоришь? Замётано! Только бесплатно – это ты брось. Труд должен оплачиваться, – он похлопывает меня по плечу и ласково посмеивается: – Кажется, ты стал на путь выздоровления. Что ж... Веру Петровну ты, конечно, помнишь, поэтому поступай в её распоряжение!

Мою первую учительницу в медицине мы встречаем в коридоре.

– Здравствуй, Сашенька! – она обнимает меня. – Надолго ты к нам?

– На месяц где-то... Вот хочу опять поработать...

– Замечательно! Пойдём! Я всё тебе покажу.

...Вечер. Заходим вместе с главврачом в квартиру в одной из трёхэтажек. Нас встречает молодая женщина, которую он называет Машей, и провожает в комнату, где на кровати лежит мужик. Наверное, ему лет около сорока. Видно, что человек мощный.

– Здравствуй, Андрей! – приветствует его Кирилл Сергеевич.

– Здравствуйте... – осторожно здороваюсь я.

– Здорово, – бурчит Андрей.

– Ну что, осмотришь? – это относится ко мне.

– Ты что, Сергеич! Такому молодому? Я же не подопытный... – пытается возмутиться мужик.

– Если собрался вставать, то не выступай! Я знаю, что делаю! – резко обрывает его главврач и снова обращается ко мне: – Давай повернём его на живот.

Переворачиваем Андрея на живот. Он напряжённо молчит. Пускаю руки вдоль его позвоночника. Точно! Нахожу место, где уже привычно крючит пальцы. Опускаю пальцы... Ощупываю... Вот... Бугорок... Так и хочется нажать! Боюсь... Ваньку я готовил неделю. Но тут – наружу... Снова вожу руками. Проверяю себя. Точно тут!

– Можно рентген? – сдавленным, самому себе неизвестным голосом прошу я.

– На! Я его взял с собой, – главврач вынимает из конверта и подаёт мне снимок.

Долго смотрю. Пытаюсь понять, что надо делать. Я действительно боюсь! Но это наверняка включилась голова. А ведь у меня было желание нажать! Мне подсказывали!

Опять смотрю на снимок. Потом снова вожу руками... Снова ощупываю... Вот опять... Надо отдаться ощущению. Мне помогут! Я буду просить!

– Андрей, – обращаюсь я к больному, – я сейчас попробую вправить ваш позвонок. Если будет больно – ваше счастье...

Оборачиваюсь на Кирилла Сергеевича. Он молча кивает. Повисает напряжённая тишина. Старый доктор и Маша смотрят на меня.

Господи, помоги мне в благом деле! Помоги! Снова ощупываю выпяченный позвонок. Стараюсь не думать ни о чём. Я просто отключил голову! Пальцы будто сами находят нужные места... Вот... Нажимаю!..

– ...твою мать! Коновал! – орёт пациент и дальше следуют

слова в том же духе.

Кажется, получилось. Уж очень он завопил. Наваливается ужасная усталость. Сажусь на стоящий рядом стул.

– Было больно? – спрашивает Кирилл Сергеевич Андрея.

– Ох-х... – и следует матерная тирада. – Прости... Очень.

– Саша, давай перевернём его.

Переворачиваем. Главврач достаёт из кармана иглу от шприца и начинает водить ею по ногам Андрея.

– Что чувствуешь? Чувствуешь уколы?

– Конечно... Колешь меня своей иглой. Ты там поосторожнее!

– Ты вообще понял, что произошло?

– Ноги чувствуют... Действительно, стали чувствовать!

Слушай, парень... Извини меня. Спасибо тебе! Ходить-то буду?

– Будешь! – решительно говорю я. – Если мы с тобой будем работать вместе.

– Не вопрос!

– Маша, есть что-нибудь плоское и твёрдое? Ну фанера, доски... Ему сейчас надо лежать на жёстком и двигаться очень осторожно. Позвонок Саша ему вправил, но хрящики вокруг должны привыкнуть к его правильному положению.

Надо же! То же я и Ваньке говорил.

– Есть фанера! – она убегает.

– Андрей, – обращаюсь к неожиданному пациенту, – я покажу упражнения и буду помогать их делать. Но только ни-

какой самодеятельности! Всё только по команде.

– Андрей, ты понял? – вступает Кирилл Сергеевич.

– Конечно, Сергеич!

Маша приносит приличный кусок фанеры как раз по ширине кровати.

– Давай его пока посадим на стул, – командует главврач.

– Лучше давайте перекатим на несколько стульев, – осмелев, предлагаю я. – Мне бы не хотелось, чтобы он пока сидел.

– Саша, тебе виднее. Раз ты – лечащий врач, то тебе и командовать.

Удивлённо поднимаю на него глаза.

– Я сказал то, что сказал! Поскольку это правда, – жёстко говорит он.

Кирилл Сергеевич пригласил меня к себе сразу после визита к Андрею. Простая двухкомнатная квартирка в стандартном трёхэтажном доме. Сидим за столом на котором бутылка коньяка и нехитрый холостяцкий ужин – сосиски, макароны...

– Вот что я тебе скажу, Саша, – хозяин поднимает рюмку, – ты сегодня меня порадовал. Я тебе очень благодарен. Спасибо!

– Кирилл Сергеевич... Про Андрея... Я бы в любой ситуации сделал это! Правда!

– Я ни в коем случае не подвергаю сомнению твои слова. Ну, давай!..

Мы выпиваем, потом закусываем. В комнату входит боль-

шой серый кот.

– Вот и Антошка! Познакомься, Саша. Это моя семья уже в течение пяти лет.

Кот подходит ко мне, сначала нюхает мою ногу, а потом начинает о неё тереться.

– Признал он тебя! К хорошим людям он сразу льнёт.

Я молчу, потому что не знаю, как себя вести с этим бесконечно уважаемым мною человеком. Думаю, что даже к Илье Анатольевичу я отношусь по-другому.

– Понимаешь, Саша, – задумчиво произносит старый доктор, – вообще-то я с первой нашей встречи понял, что в тебе есть что-то для меня интересное. Интуиция подсказывала, что ты сможешь поставить Ваню на ноги. А сегодня, после того что ты сделал с Андреем, убеждён: если не станешь так помогать людям, будешь преступником. С твоим талантом... ты можешь принести столько добра!

Умираю от смущения. Кот между тем спокойно вспрыгивает мне на колени...

– Ты смотри, как он к тебе... Это лишнее подтверждение моих слов.

– А знаете, как мне было страшно? – признаюсь я.

– И это правильно! Когда говорят, что врачи должны быть уверены в себе, – это про плохих врачей! Человеческий организм тем и отличается от машины, что тут нет запчастей. И ошибка может очень дорого стоить! Понимаешь?

– Потому и боюсь.

– Вот и бойся! Бойся и делай! Раз боишься, значит – сто раз себя проверишь, перед тем как что-то сделать. А большим, конечно, надо демонстрировать полную уверенность, чтобы она им передавалась. Как ты и поступил с Андреем.

Пьём по второй. Оглядываю комнату, в которой мы сидим.

– Кирилл Сергеевич, а вы сами не из Питера? – брякаю я наобум.

– Ты прав, Саша, – он тихо вздыхает. – Я из Питера... Видишь, даже не спрашиваю, как ты это понял.

– Знаете, у вас всё очень по-питерски. А почему вы уехали? – задаю я очень нетактичный вопрос.

– Видишь ли... – хозяин задумывается. – Отвечу коротко. Там у меня умерла жена. Я не смог её спасти. И жить после этого в городе, где всё мне напоминало о ней, я тоже не смог. Вот и уехал на край света. Давай по последней. Не чокаясь...
...Возвращаюсь домой, вернее, в знакомую квартиру.

– О! Привет победителю! – Дмитрий Иванович идёт ко мне с распростёртыми объятиями в полном смысле этого выражения. – Ну поздравляю! Ты молодец, Сашка!

– Не понял... – бормочу я, действительно не понимая, что происходит.

– У нас в посёлке новости распространяются быстро! – и он добродушно смеётся. – Про Беспалого нам уже рассказали.

– А почему беспалый?

– Так у Андрея же мизинца нет на правой руке! Ладно, садись ужинать, лекарь!

Смотрю на часы. Уже десять вечера по местному. Где же Ванька?

– А Ваня приходил?

– Ваня? – Дмитрий Иванович хмурится. – За юбкой бегают наш Ваня... Ну куролесит он со Светкой!

– Ой, непутёвая девка! – ворчит Надежда Михайловна. – Скольких мужиков поокручивала! Двадцать семь, уже дважды замужем побывала, а ребёнка нагуляла без мужа. К Ване не приходила, потому что была на койке! Ну да, на койке! Только не одна!

Внутри меня словно ёж колючий поселился. Ох, не зря я при их встрече подумал...

Хозяйка суетится у стола. Опять обращаю внимание на то, как она стала ходить. Действительно, ногу слегка подволакивает. Да и скособочена...

– Надежда Михайловна, а что у вас с ногой?

– Ой, Сашенька, не с ногой, а с поясницей. Так ужасно болит!

– Да приложилась она зимой тем местом, на котором сидят, – поясняет Дмитрий Иванович. – Поскользнулась...

После Андрея и коньяка с Кириллом Сергеевичем меня накрывает эйфория.

– Может, я на что сгожусь? – тихо спрашиваю я.

– Ой, Сашенька, само пройдёт! – отмахивается Надежда

Михайловна.

– Мать, а может, Саша всё-таки тебя посмотрит? – вклинивается муж. – Ты не стесняйся. Он ведь как врач тебя посмотрит.

– Митя... И ты туда же! – укоризненно говорит она.

– Именно туда! Давай, давай. Пока мы за стол не сели. А то потом поздно будет.

– Ой, даже и не знаю... – пожилая женщина слегка краснеет.

– Надежда Михайловна, не надо стесняться! Может, я помогу, – уговариваю её.

– А как? Ну что надо делать?

– Вы идёте в комнату вместе с Дмитрием Ивановичем, ложитесь на живот. Потом он меня зовёт, и я смотрю. Ну пальцами.

– Ой, ну ладно... Митя, пошли!

Пока они в соседней комнате готовятся, меряю столовую шагами. Ванька, похоже, ночевать не придёт. Ну что ж... Может, и к лучшему! Может, он станет с этой женщиной обычным, то есть натуралом. Пусть у него будет всё! И семья, и дети... А как я без него?

– Саша! Заходи!

Надежда Михайловна лежит с оголённой спиной и даже частью попы. Сажусь рядом на кровать. Сперва вожу руками над её позвоночником. Да! Это те самые ощущения! Вот здесь! Надо ещё проверить... Снова вожу руками. Опять в

этом же месте... Слева сильнее крутит пальцы. Кажется, это позвонок чуть-чуть от удара сместился. Ещё раз проверяю, уже ощупывая позвонки в этой области. Сомнения меня отпускают. Сейчас я, кроме этого позвонка, ни о чём не думаю. И пальцы притягиваются...

Ну вот... Тихий вскрик как сигнал о том, что всё прошло хорошо.

– Вроде уже и не болит... – тихо сообщает моя пациентка. – Можно, я встану?

– Я сейчас выйду, а вы, Дмитрий Иванович, помогите встать. Потом позовите.

Выхожу. Настроение дрянное. Почему-то мне абсолютно ясно, что Ванька сегодня не придёт. И вообще ясно, что в Питер я вернусь один. Я в этом убеждён! Сам не знаю почему, но в самолёте вижу себя одного. Я вижу... Я вижу!

– Саша! Заходи!

Вхожу. Надежда Михайловна стоит, поддерживаемая Дмитрием Ивановичем.

– Ну как?

– Ой, Сашенька... Так хорошо! Боль-то вся ушла.

– Вот и слава богу! Только с месяц ничего тяжёлого не носить и из дома не выходить, – жёстко наказываю я. – А я каждый вечер буду слегка массировать позвоночник.

– Конечно, Сашенька! Давайте к столу!

– Ну, Сашка! Дай руку! – уже гремит хозяин. Крепкое рукопожатие, и он меня обнимает. – Я верил, но сейчас...

Ты... – на его глазах появляются слёзы. – Ты настоящий лекарь! Мать, мы выпьем слегка?

– Да, конечно! И мне тоже немножко...

Пьём водку, закусываем жареной рыбой, и у меня внутри разливается тепло. И я не могу понять – то ли от водки, то ли от радости, что сделал добро дорогим мне людям.

* * *

Уже неделю работаю в Булуне как проклятый. С утра бегу к Андрею, и мы с ним делаем Ванькин велосипед. Ситуация у него куда проще, да и лежал он меньше, поэтому дела идут неплохо. Думаю, дня через три можно будет ставить на костыли. Потом бегу в больницу. Там мытьё, горшки и кормёжка совсем немощных. Занимаюсь этим с удовольствием и, когда вижу благодарные взгляды, будто взлетаю...

Кирилл Сергеевич каждый день на полтора часа арестовывает меня в своём кабинете и учит. Да! Я снова, как школьник, учусь. Учю физиологию, которую читал, но теперь, под мудрым руководством, эту науку осваиваю. Он и другие вещи мне объясняет, а я стараюсь всё впитывать, как губка. Сам не знаю, зачем это делаю, но мне интересно!

Ваньку за это время видел всего два раза, и то вместе со Светой. Про себя отметил, что, если говорить на языке биоэнергетики, поле у неё очень сильное и недоброе. Хочу с ним об этом поговорить, но такое впечатление, что Света специ-

ально ему не позволяет оставаться одному. Да и взгляд у него какой-то стал странный... Хотя я и надеюсь, что у него в отношениях с женским полом будет прорыв, но какая будет психологическая цена?

Захожу в перевязочную. Вера Петровна меняет повязки на руках у мужика с ожогом третьей степени. Ужас! Страшно смотреть! Ещё и гной... Будто озарение наступает.

– Вера Петровна, погодите-ка...

Она недоумённо смотрит на меня, а я смотрю на его руки.

– Подержите руку перед собой на весу, – командую пациенту. Держит. Располагаю одну ладонь сверху, а другую снизу его руки.

Пальцы отчаянно крючит. Стараюсь накачать эту сплошную боль своей энергией и теплом.

– Даже меньше болеть стало, – удивлённо сообщает мужик.

– Вот и хорошо. Теперь вторую... – делаю всё то же самое. – Можно бинтовать.

Вера Петровна послушно выполняет.

– Следующий раз во время перевязки позовите меня, пожалуйста, – прошу я её.

Благодаря моим «подвигам» у меня появились ещё пациенты. Идут прямо в больницу! Короче, практика богатая. А Кирилл Сергеевич всё время хитро улыбается. Видя, что я очень устаю, он даже разрешает мне часок подремать в его кабинете на диване.

Утром иду по посёлку к Андрею.

– Смотри, смотри! Вон доктор из Питера пошёл! Беспалого поднимает на ноги, – слышу я позади себя женский голос.

– Этот поднимет! Моему вон как вправил! Уже на работу собрался, – говорит второй женский голос.

Резко оборачиваюсь. Вижу двух женщин, в одной узнаю жену своего пациента.

– Скажите вашему мужу, – обращаюсь я к ней, – чтоб ещё на неделю про работу забыл! Чтоб носу из дома не показывал! Приду и проверю. Понятно?

– Понятно, доктор, – смущается она. – Только почему вы денег у нас не взяли?

Я тогда не взял пять тысяч, которые она мне совала после процедуры с её мужем.

– Во-первых, больница государственная, а не частная. Во-вторых, деньги у вас не лишние, а в-третьих – я помогаю бесплатно! – выговариваю чётко. – До свидания. А мужу передайте то, что я сказал.

– Обязательно, доктор. Спасибо вам!

Утром за кофе Кирилл Сергеевич опять с хитрой улыбкой заводит разговор.

– Саша, ты, как сказала Вера Петровна, во время перевязок пользовал Кислова.

Кислов – это тот мужик с обгоревшими руками.

– Да, пользовал... А что?

– Ничего плохого. Уж очень быстро он прогрессирует. Я

доволен и тобой, и им. Но я хотел тебе показать ещё одного больного. Там проблемы не с костями. Пошли!

Входим в палату.

– Дмитрий Павлович, позвольте, мы вас ещё раз осматриваем, – обращается главврач к пожилому мужчине, лежащему на койке у окна. Тот нехотя встает. – Давай, Саша.

Начинаю водить руками. В области желудка начинает крючить пальцы, как тогда у Ваньки при отравлении. Долго смотрю. Вроде уже всё понял, но боюсь ошибиться. Нет, всё-таки это язва желудка. И снова вижу там тёмное пятно! Надо делать выводы...

– У него, похоже, язва желудка, – докладываю я результат.

– Вот это мы сейчас и проверим! Идёмте на рентген.

Мы в рентгеновском кабинете. Стоим перед экраном, за которым можно наблюдать, как светящийся в рентгеновских лучах раствор бария опускается в желудок.

– Вон, смотри! – главврач тычет пальцем в экран. – Вон она, подлая! Ой-ой-ой... Это серьёзно! Но ты был прав. Поздравляю!

Мне очень приятно. Я не ошибся! Вспоминаю случай с Ванькиным отравлением.

– Кирилл Сергеевич... А может, я попробую? Кое-какой опыт есть.

– А что? Давай! Честно говоря, я думаю, что у тебя должно получиться.

Тружусь над язвой Дмитрия Павловича по методу Коха,

который уже опробовал на Ваньке, когда он отравился. Тогда сработало... Убираю большую энергию, накачиваю здоровой... По крайней мере, боли у пациента прекратились. Господи! Как же много для меня сделали эти люди – Кирилл Сергеевич и Илья Анатольевич!

Поддерживаю Андрея. Он второй раз встал на костыли. Прошло две с половиной недели, а у него такие успехи!

– Саша, а можно сделать шаг? – спрашивает он, как примерный ученик.

– Андрюха, ещё рано. Пока постой так. Но садиться будешь сам, без помощи. Давай, осторожно опускайся...

Страхую... Всё. Сел на кровать.

– Саша, ну а когда ходить будем?

От его тона чуть не улыбаюсь – так забавно и по-детски он упрашивает!

– Ладно. Завтра попробуем...

– Отлично! Обрадовал ты меня. А вот я, боюсь, тебя не порадую, – и вздыхает.

– Что такое? – это заставляет меня насторожиться.

– Я о твоём брательнике. Окрутила его Светка. Мне ведь моя всё рассказывает!

– Пусть у него будет личная жизнь... – тихо говорю я, обострённо чувствуя беду.

– Ты погоди про личную жизнь. Гнилая она девка, эта Светка. Поматросит и бросит! Ты о братане подумай. Оста-

нови его! Что он, девок не трахал?

Молчу. Уверен, что не трахал.

– Она здесь стольким мужикам жизни сломала! Её, наверно, уже полпосёлка перетрахало! – Андрей сильно понижает голос. – Даже у меня грех был. Моя тогда чуть со мной не развелась. Гнилая она, гнилая!

Ванька забегает домой, вернее, в квартиру Дмитрия Ивановича. Вообще он уже неделя как все свои вещи перетащил к Свете. Может, забыл что-то?

– Вань... Давай с тобой поговорим, – тихо предлагаю я.

– А чего нам разговаривать? Брось, Саша! Я наперёд знаю, что ты скажешь!

О! Это не мой Ванька. Голос звучит жёстко, насмешливо, сухо. Будто я чужой. И взгляд чужой...

– Ты её любишь? – спрашиваю буквально с замиранием сердца.

– Да! Ты это хотел услышать? – выкрикивает он раздражённо. – Саша, всё! Твоя власть надо мной кончилась! Я свободен и теперь сам решаю свою судьбу!

Молчу и смотрю на него. Не узнаю... Что она с ним сделала?

– Ванюха, понимаешь... Мы же всё-таки с тобой братья...

– Не называй меня Ванюха! Нет больше того влюблённого в тебя мальчика! У тебя своя жизнь, у меня своя! – снова выкрикивает Ванька теперь с бешеными, буквально ненавидящими глазами. – Я много лет жил без брата, и сейчас

проживу!

– Это Света тебе...

– Она открыла мне глаза, – тихо, даже зловеще тихо произносит он. – Так что, Сашенька, чао-какао!

– Знаешь, Ваня, – я специально не стал называть его по-прежнему, – видит Бог, я очень хотел, чтобы ты стал натуралом и чтобы у тебя всё было, как у нормальных людей. Но я не ожидал такого конца. Прости... – и выхожу из комнаты.

– Прощай, прощай, братец! – слышу вслед насмешливый голос.

Голову плющит. Это всё... Это для меня, наверно, трагедия всей моей недолгой жизни. Были мысли задержаться здесь подольше. Мне ведь действительно интересно работать в больнице! Но при всём этом... Видеть такое я не смогу!

Уже месяц я в Булуне. Тот экипаж, который нас доставил сюда, будет здесь только через неделю. Пришлось отзвониться парням в Питер, чтобы не волновались. После разговора с Ванькой с головой ушёл в больничные дела. Мне очень плохо. Пришлось сделать так, чтобы свободного времени не было, чтобы не думать ни о чём, кроме работы. Вечерами усталость сразу валит меня в постель, и я засыпаю. Дмитрий Иванович с Надеждой Михайловной неодобрительно, но очень по-доброму на меня ворчат.

...Завтра улетаю. Андрей ходит. Кислов выписался без повязок. Язва у Дмитрия Павловича, как показал рентген,

зарубцевалась и вообще почти пропала. Сам себе признаюсь – эти пять недель я прожил не зря. С пользой для людей прожил! Это меня радует... А вот Ваньку давно не видел. И не увижу. Не хочу к нему идти прощаться!

Сидим с Андреем за столом и пьём. Все рекомендации я ему уже дал. Маша тут же. Она с меня аж пылинки сдувает. Обсудили, кажется, всё, даже Ванькины фокусы.

– Ладно, Андрюха. Надо идти, – я встаю со стула. – Завтра самолёт...

– погоди, дай встану тоже, – и встаёт, опираясь на костыли. – Спасибо тебе, Сашка! Ты ведь хоть и младше, но теперь мне как второй отец. А вообще про тебя в посёлке многое плетут. Ты вроде как чуть ли не волшебник.

– Да ладно! Ещё немного, и я звездун поймаю. Пусть Кириллу Сергеевичу ставят памятник. Это он меня к этому всему пристроил. Это всё он. И он – мой учитель. А ты, Андрюха, не пропадай, звони. Буду консультировать по телефону. И ещё... Боюсь я за Ваньку. Если что, не дай его в обиду... Пожалуйста!

– Не сомневайся. Даже если бы ты не просил... Глотку перегрызу! Хотя лучше было бы ему морду набить.

– Вот этого не надо. Сам потом поймёт. Только очень ему больно будет.

Я это своим нутром чувствую! А в будущее заглядывать боюсь, хотя пару раз у меня это уже получалось... А может, именно сейчас я снова заглянул?

На аэродроме опять делегация провожающих. И Дмитрий Иванович с Надеждой Михайловной, и Кирилл Сергеевич, и Вера Петровна, ещё люди... Только Ваньки нет.

Объятия, поцелуи...

– Сашенька! Ты мне теперь вместо сына, – обнимая, тихо говорит мне на ухо Кирилл Сергеевич. – Не забывай старика. Хорошо?

– Кирилл Сергеевич, я вам звонить буду. Обязательно!

– Ты подумай. Если захочешь продолжать практику, иди в неврологическое отделение больницы Медицинской академии. Там Юрий Степанович Воронов. Это мой друг и однокашник. Мы работали в Питере вместе. Я ему позвоню и напишу о тебе.

– Спасибо! Я обязательно туда приду. Обещаю.

– И ещё... С твоими талантами ты сможешь медицинский и экстерном закончить. Уверяю тебя. Про это я ему тоже скажу. Дело за тобой.

Дверь закрывается. Самолёт выруливает к взлёту. Так гадко... Скорее бы Питер и... работать! Там, глядишь, что-то забудется и как-то полегчает.

Часть 2

Раз ступенька, два ступенька

Вот моя квартира, вот мой дом родной... Захлопываю за собой входную дверь, будто хочу ею отгородиться от всего того, что уже случилось. Бросаю вещи прямо на пол и включаю Ванькину музыку, точнее, реквием Верди. Падаю спиной на тахту и плачу на протяжении всего звучания. Размазываю слёзы и чувствую элементарное сиротство.

Однако – всё! Я же сильный человек! Надо собраться! Я должен начать новую жизнь! Душевный непокой я должен преодолеть занятостью. Я буду работать так же, как в Булуне! Я пойду в больницу Медицинской академии к Воронову и буду учиться дальше!

«А в личном?» – скрипит голосок из глубины сознания.

– Что-нибудь придумаю! Я всё выброшу из головы!

«И Ваньку?» – скрипит тот же голос.

Не знаю, что ответить... Я опять потерял человека. Теперь уже – совсем родного мне человека. Анализируя свою предыдущую жизнь, понимаю, что во взаимоотношениях с Ванькой было что-то очень существенное, как я думал, для нас обоих. Оказалось, не для обоих. Честно признаюсь, сам не знаю, как с этим справлюсь.

В кабинете заведующим неврологии, немолодой мужчина, протягивает мне руку.

– Юрий Степанович Воронов! А вы – Александр Николаевич Елизов. Верно?

– Да, это я...

– Кирилл Сергеевич мне о вас звонил. И написал очень подробно, даже в превосходных степенях. Вам повезло. У него добиться похвалы – задача трудная.

– Я не добивался специально. Само как-то получилось... Когда с Ваней работал.

– Про Ваню он отдельно написал. Там был архисложный случай. Но ему показалось, что вы – именно тот человек, который справится. Надо сказать, у Кирилла Сергеевича глаз – алмаз. Практически он не ошибается никогда. Жаль, что сидит в этом Булуне. Давно бы здесь профессором стал! Короче, Саша, давайте, я буду вас звать так, когда мы тет-а-тет, пойдёмте, вы мне покажете, на что способны.

Входим в палату.

– Будьте добры, встаньте, – просит Юрий Степанович одного из больных. Тот медленно встаёт. – Александр Николаевич, осмотрите его и скажите, что вы нашли.

Смущаясь, подхожу и, не касаясь, провожу руками вдоль тела стоящего пациента.

В области шеи, а потом между лопатками пальцы начинают крючить. Очень сильно крючит. Дальше вроде ничего. Провожу ещё... Всё повторяется. Но теперь пальцы на шее

будто что-то колет. Поворачиваю его к себе лицом. В области желудка вижу тёмное пятно. Желудок... Вожу рукой... Те же ощущения... Может, и здесь язва? Похоже, что так...

– Ну что? – несколько нетерпеливо спрашивает Юрий Степанович.

– Видимо, остеохондроз шейного и грудного отделов позвоночника. Шейные позвонки скорее всего с так называемыми шипами. Всё зажато! Думаю, что боли сильные.

– Да уж, – хмыкает пациент. – Ночей не сплю! Голову по полчаса устраиваю!

– И видимо, язва желудка. Или двенадцатиперстной кишки... Скорее, желудка!

Последнее вызывает у Юрия Степановича откровенное удивление. Конечно! Ведь отделение неврологическое! Не больница в Булуне, где лечат в одном месте всё и сразу.

– Ты лучше скажи, как эту язву вывести! Специалисты... – ворчит больной. – Что она есть, я уже сам два года знаю.

– Подумать надо, – неуверенно говорю я, хотя удачный опыт вроде есть.

Вернувшись в кабинет заведующего отделением сажусь на диван и жду вердикта. Воронов садится напротив и долго молча меня рассматривает.

– Да, – наконец улыбается он, – Кирилл опять прав. С вами, Саша, и рентгена не надо. Определили вы всё правильно. Правда, про язву я действительно не знал, не наш профиль.

Вы сказали, что подумаете, как его лечить. Вот и подумайте! Завтра обсудим, коллега, – и протягивает мне руку. – Значит, жду. В шесть. Устроит?

– Я приду, – говорю уверенно, ведь уже понял – моя жизнь круто меняется!

...С утра думаю, как буду работать с моим первым здесь пациентом. Вроде какой-то опыт уже есть, но слова Кирилла Сергеевича о вечном сомнении в правильности выбранного метода не дают мне покоя.

– Шеф! Ты сегодня опять не в своей тарелке! – ворчит Димка, заметив, что я долго пялюсь на рычаг подвески и ничего с ним не делаю. – Отойди, сам разберусь! Философствовать о смысле жизни брательника лучше над движком в соседнем боксе. Вали!

Послушно иду в соседний бокс. Парням я рассказал про разрыв с Ванькой. То, что можно было. Они меня, похоже, поняли. Не знаю, может, зря стал своим личным трясти? Но мне так не хватает человека рядом! А к Даше будто что-то не пускает...

В шесть вечера вхожу в кабинет заведующим. Воронов меня ждёт.

– Здравствуйте, Саша! Ну как? Придумали?

– Так, кое-что... Думаю, что надо несколькими сеансами массажа позвонки разогреть, а потом осторожно начать их разрабатывать, то есть двигать. Это чтобы если не убрать совсем, то по крайней мере уменьшить защемлённости. Их

ведь у него много. Вообще-то мне в Булуне уже приходилось такое делать. И с язвой у меня там тоже был опыт.

– Вот и прекрасно! – профессор похлопывает меня по плечу. – А про вашу работу по вправлению позвонков Кирилл мне расписал в красках. Уверен – сможете.

– А рентген больного можно посмотреть? – Смотрю долго. Многое мне знакомо. Убеждаюсь, что не ошибся. – Ну вроде ясно...

– Тогда вот вам ваш халат. Идите и работайте! Свой стол в ординаторской у вас тоже будет. Но попозже, когда войдёте в штат.

Илья Анатольевич впускает меня в квартиру.

– Здравствуйте! Вот, приехал...

– Здравствуй, путешественник! Идём в кабинет... – там он, как обычно, располагается в своём кресле, а я сажусь на диван. – Ну рассказывай! Уверен, что тебе есть чем похвастать, – Мастер по-доброму усмехается.

Не знаю, чем хвастаться, но понемногу рассказываю про свою работу в больнице в Булуне, потом – как стал работать в больнице Медицинской академии.

– То есть ты собрался идти в медицину, – задумчиво говорит Илья Анатольевич. – Что ж... Одобряю! Может быть, это и есть то, что у тебя будет получаться лучше, чем у других. Только постарайся получить ещё и медицинское образование.

– Я в общем-то уже созрел для этого.

– Большому кораблю – большое плаванье. Желаю тебе успехов, Саша. И всё-таки нам с тобой очень бы стоило ещё позаниматься. Ты должен всё время отдавать себе отчёт в том, что стоишь только в самом начале познания огромной науки, если хочешь, о запредельном. Я бы даже сказал, что это вообще целая философия. То, чему я тебя успел научить за наши встречи, это ещё азы, да и то не все. Конечно, ты очень многое пробуешь сам, возможно, даже развивая знания в этой области, но многих фундаментальных вещей ещё не знаешь. Согласись, открывать то, что уже кем-то открыто, – напрасная трата времени. Учти это, пожалуйста. И помни: есть некий старик Кох, который может тебе пригодиться. Короче, надо учиться дальше!

– Я буду учиться! По выходным... Можно?

– Конечно же, можно! Я сам очень хочу, чтобы ты продолжил.

Летаю от своего автосервиса в больницу. Короче, всё как в Булуне. Мой пациент терпеливо сносит мою работу. Иногда кричит. Уже прошла неделя, а он мне похвастался, что стал спать хорошо, потому что болей почти нет. Чёрт его знает! Может, от моей работы, может, от физиотерапии...

Сегодня пятнадцатое августа, Ванькин день рождения. Сегодня ему двадцать один... Дома перед ужином ставлю на стол бутылку водки. Достая одну из наших рюмок и пью за

его здоровье. Мне почему-то кажется, что только так я могу его поздравить. Пусть у него будет всё хорошо! Он, конечно, повзрослеет и многое поймёт сам. Зачем я буду судить молодого пацана! А вот я... Пойму ли я? Хотя тоже – хорош! Вернулся, а так и не позвонил Даше. Стыдно приходится к ней после такого долгого перерыва.

В комнате мебель я переставил. Ванькин аудиоцентр убрал в стенной шкаф и купил свой. Кое-какие его записи переписал, чтобы тоже иметь свои. Надо давить воспоминания. С постоянным одиночеством уже свыкся. Стимулирует к работе! А когда отвлекаюсь от неё, родимой, внутри тошно. Может, в церковь сходить? Говорят, полегчает...

В церкви полумрак, лики святых угодников кажутся строгими, а глаза пронзительными. Будто все они стремятся заглянуть мне в самую душу. Не зная, к какой иконе надо идти со свечкой, которую я купил при входе, останавливаюсь почти в центре. Пространство храма божьего странно воздействует на меня. Я буквально физически ощущаю, как что-то во мне устремляется ввысь. Может, моё сознание?

– Господи! Прости мне мои грехи! Будь милостив, прости... Научи меня, грешного, как жить дальше. Помоги мне в делах моих праведных. Помоги научиться освобождать людей от страданий, – шевелю губами, повторяя свои просьбы. Делаю несколько шагов вперёд и останавливаюсь у иконы Божьей матери с младенцем. Зажигаю свечу, ставлю... Поднимаю глаза к её лику и вздрагиваю. Вместо лика Божьей

матери я вижу лицо... Даши. Холодок пробегает по спине. Неловко крещусь и поспешно ухожу. Что это было?

...Приехал на кладбище. Стою у могил Ванькиной бабушки и нашего с ним отца. Я сюда приехал, чтобы в первую очередь положить цветы от Ваньки. Сам отца не помню, мне было полтора года, когда он ушёл, но мать не говорила о нём плохо. Да и не уйди он от нас, не было бы Ваньки на свете... Пусть земля им всем будет пухом!

Едва вечером приезжаю в больницу, заотделением приглашает меня в кабинет.

– Скажите, Саша, вы собираетесь получать медицинское образование?

– Я думал об этом. Хотел бы. Только на вечернем мне учиться будет невозможно так как я работаю вечерами здесь. А днём зарабатываю на жизнь в своём автосервисе... – и рассказываю, как он у меня появился, как там работаю и заканчиваю словами: – Так что если у вас будут проблемы с машиной, готов сделать всё бесплатно.

– Ну ладно... К этому мы, возможно, ещё вернёмся, – Воронов задумчиво смотрит на меня. – Проблемы действительно есть, но пока поговорим про вас. Судя по вашим способностям, вы умеете учиться, а главное, учитесь легко.

– Военмех я закончил за четыре года вместо шести. Много сдавал экстерном.

– Это замечательно! Именно такой вариант я и хотел вам предложить. Согласны?

– Конечно! А какая специализация? Можно для начала врач общей практики...

– Ого! Только для начала!

– А там посмотрим. Может, потом ещё на что-то решусь, – улыбаюсь я.

– Вот и отлично! Только сначала я хочу вас познакомить с нашим ректором. Вернее, это он хочет с вами познакомиться.

В ректорском кабинете тоже седой, тоже сухощавый, но в отличие от Кирилла Сергеевича с большой залысиной человек крепко жмёт мне руку. Воронов стоит рядом.

– Вот, Сергей Петрович, как я тебе говорил, Саша уже успешно практикует! – он по сути представляет меня. – Не зря его Кирилл рекомендовал!

– Кстати, Юра, он мне о нём тоже написал. Правда, официально рекомендуя, через канцелярию, – ректор посмеивается и, уже обращаясь ко мне, шутливо замечает: – Так что, молодой человек, вся ваша подноготная нам известна от нашего агента в Булуне!

– Спасибо Кириллу Сергеевичу. Он мне как отец стал...

– Замечательный человек! – тихо произносит Сергей Петрович. – Ну а вами, Александр Николаевич, мы просто обязаны заняться! И заняться всерьёз!

– Я готов! Хоть с сегодняшнего дня!

Возможно, это звучит пылко, и поэтому оба пожилых врача по-доброму смеются.

– Саша... Можно, я вас тоже так буду называть? – между тем продолжает ректор. – Что вы скажете об этом?

Он подаёт мне программу обучения студентов по курсу «Врач общей практики». Пробегаю её глазами. Ох-х... Спасибо Кириллу Сергеевичу! Почти треть из указанных предметов я уже изучал самостоятельно или в Булуне под его руководством!

– Знаете... Кирилл Сергеевич, когда рекомендовал мне литературу, наверное, исходил из этой программы, – бормочу я и, взяв карандаш, начинаю отмечать предметы. – Вот это, это, это... И это! Короче, вот эти помеченные предметы я уже изучал самостоятельно или с ним. Наверное, через месяц смогу уже что-то из них сдать.

– Да... – видимо, слегка опешив, произносит Сергей Петрович. – Продолжаю удивляться. Ай да Кирилл! Ну что ж! Пишите заявление с просьбой принять у вас вступительные экзамены на заочный факультет нашей академии. Думаю, школьный курс биологии и всё прочее вы за две недели повторите и сдать сможете. Ну и принесите ваш инженерный диплом, обязательно с вкладышем. Наверное, кое-что из ваших прежних стараний мы сумеем вам перезачесть. А после зачисления сразу пишите на моё имя заявление о сдаче экстерном. Юра, – теперь он обращается уже к Воронову, – ты помогай, если что.

– Конечно! Саша, может, вам эти две недели не ходить в больницу?

– Нет! У меня есть пациенты, они мне верят, – отвечаю я поспешно и замечаю, что при этом оба врача переглядываются. – Я не имею права обмануть их надежды.

– Да, Юра... – ректор вздыхает. – Вот мы с тобой всю дорогу лоботрясов всяких учим, учим... Всё пытаемся их врачами сделать, ответственность им привить... Саша, вы ко мне заходите, не стесняйтесь! Вот мой мобильный. Мне было бы очень интересно с вами ещё поговорить на темы ваших позвоночных успехов.

* * *

Едва выдался свободный вечер, сразу стало как-то мерзопакостно на душе.

Вспоминаю Лену и Павла, которые почти перед отлётом в Булун, такие весёлые и счастливые, приезжали к нам на работу. Димка теперь часто общается со своим командиром. А весёлые и счастливые они потому, что вместе даже когда порознь. Не напрашиваться же в гости, чтобы снова выплакивать Лене свою беду? Недостойно!

А Даша? Она сказала, что она у меня есть. Но не буду же я ей всё рассказывать, как когда-то Лене в электричке! Да и стоит ли выговариваться кому бы то ни было? Жизнь меня учит сдержанности, умению преодолевать всё самому. И спасибо ей за это!

Нет! Всё-таки я должен позвонить Даше. Набираю номер

телефона.

– Привет...

– Ой, здравствуй, Саша! Очень рада тебя слышать! Ты давно приехал?

– Даш... Врать тебе не могу... Почти три месяца назад... – и жду приговора.

– Ох, Сашка... – она вздыхает. – Как тебе не стыдно! А ведь я беспокоилась.

– Прости. Мне было очень плохо. Мы с Ванькой сильно поссорились. Короче, он остался там...

– Ты сильно переживаешь? – это звучит так сочувственно!

– Сейчас уже меньше... Я остался один. В том своём состоянии я не мог приползти к тебе за... пониманием.

– Ты забыл, что я у тебя есть и с удовольствием встречусь с тобой в любом твоём состоянии. И судя по тому, что ты позвонил...

– Да. Я хотел бы встретиться.

– Понимаешь, – и возникает некоторая заминка, – в моей жизни произошли... очень большие перемены...

– Ты вышла замуж? – перебиваю я.

Очевидно, это звучит с сильным беспокойством потому, что Даша улыбается. Я это чувствую!

– Нет, Саша, замуж я не вышла и, чтобы сразу решить твои сомнения, нового мужчину не завела. Но теперь я тоже очень нужна одному человеку и поэтому у меня совсем нет времени. Ты это должен понять.

– Мне это понятно, но не понятно, что это за человек. Что-нибудь с отцом?

– Папа – как всегда... Пьёт так же, к сожалению. Он сейчас на работе в вечер.

Опять повисает пауза. Понимаю, что она чего-то недоговаривает. Становится тревожно, и я решаюсь.

– Даш... Можно, я к тебе сейчас приеду?

– Я не знаю...

– Короче, я выезжаю, – перебиваю уже во второй раз.

Действительно, я созрел до мысли, что хочу её увидеть. Мой расчёт прост – она, если я приеду, не сможет меня не пустить, тем более отца нет дома.

– Ну ладно... – будто выдавливают... М-да...

Даша живёт довольно далеко от меня. Хорошо, что сейчас уже половина десятого вечера и ежедневные питерские пробки пошли на убыль. Так что больше еду, чем стою. Пытаюсь разобраться в своей голове и ловлю себя на том, что в висках стучит: «Новая жизнь, новая жизнь...» Можно подумать, что по железной дороге еду, так хорошо это легло бы на стук колёс поезда! Все сопли должны остаться в прошлом! Ванька, который теперь уже не мой, – это перевёрнутая страница моей жизни. С переворотом этой страницы в забытьё должно уйти и всё хорошее, и всё плохое, что было с ним связано.

«А ведь хорошего-то было куда больше», – снова просыпается скрипучий голос из глубины сознания.

– Больше, меньше... Теперь это уже неважно! Всё прошло!

«А что для тебя важно?» Вот ведь... Не понимается!

– Для меня важно настоящее и будущее! – старательно за-
тыкаю треклятый голос.

«Но ведь без прошлого и того, что воспитано там, нет будущего. А Ванька, сам того не зная, много хорошего в тебе воспитал».

– Вот и постараюсь быть не хуже...

Дверь на мой звонок распахивается сразу, будто Даша ждала около неё. Стою и не знаю, что сказать, как сейчас себя вести. И опять вспоминаю Ваньку! Так же я стоял перед ним тогда, у его дома, в самом начале...

– Вот... Я приехал... – Господи! Это и тогда звучало так же!

– Сашка! Милый! – Даша берёт меня за плечи, сама прижимается ко мне и тихонечко, шёпотом: – А я тебя ждала...

Тоже прижимаю её к себе, но это какое-то отчаяние с моей стороны. Я же за неё цепляюсь так же, как раньше Ванька за меня!

– Ладно, пошли на кухню, я кофе сделаю, – решает наконец она и идёт первой.

Под её суету с кофеваркой начинаю рассказывать про Булун, про Ваньку, про эти три месяца со дня возвращения.

– Значит, ты снова учишься, – со странным выражением говорит Даша, наливая мне кофе. В её фразе есть и грусть,

и уважение.

– Да, я учусь. И знаешь, мне это очень интересно!

Хочу ещё что-то сказать, но рядом в комнате вдруг начинает плакать... ребёнок!

– Ну вот... Разбудили, – бормочет хозяйка, вскакивает и бежит туда.

Невольно тоже встаю и иду за ней. Вид Даши, укачивающей на руках маленький свёрток, обливает меня холодным душем. Не это ли я видел тогда в церкви? Предсказание? Да, это было предсказание мне о том, какой я её увижу.

Она осторожно кладёт ребёнка в кроватку, берёт меня за руку и тянет из комнаты.

– Вот... Пришлось тебя познакомить с Сергеем Александровичем. Вернее, это он захотел, чтобы ты с ним познакомился.

– Не понял... – ошарашенно бормочу я.

– Это твой сын, Сашенька. Сергей Александрович. Помнишь, я тебя сюда зазвала? А потом говорила, что занята и отказывалась от свиданий...

Машинально киваю.

– Я очень хотела ребёнка только от тебя, и рада, что родился именно мальчик.

– Дашка, – выдыхаю я, вскакиваю, становлюсь перед ней на колени и прижимаю к себе. – Дашка... Прости меня...

– Не за что, Саша. Мне не за что тебя прощать. Я всё сделала своими собственными руками и очень благодарна тебе

за всё.

При этом очень ласково приглаживает мои волосы и целует.

– Я хочу, чтобы мы были вместе, – шёпотом признаюсь я.

После обретения сына, моего Серёжки, я словно по-новому взглянул на мир. Неужели для меня действительно открывается новая жизнь?

– Дорогой мой Сашенька, – прерывает поток моих мыслей Даша, – это, к сожалению, невозможно. Папа после рождения Серёжи видеть его отца не хочет. Он – человек, воспитанный в старых правилах, и считает, что у нас всё не по-людски. Папу, как ты понимаешь, я не брошу. Кроме того, я, как и ты, сильный человек, привыкший всё решать самостоятельно и за себя, и за других. В этом отдаю себе полный отчёт. Представляешь, какая у нас будет вулканическая жизнь и чем она закончится? Ты же не позволишь мне что-то решать за тебя! А у меня это в крови. Так что давай оставим всё, как оно есть.

– Дашка... Но ведь у Серёжи должен быть отец! – пытаюсь я возражать.

Теперь мы сидим у противоположных сторон кухонного столика, как высокие договаривающиеся стороны. Я держу её руки в своих.

– А у него и будет отец. Ты же будешь нас навещать?

– Конечно, буду! Только навещать – это одно, а жить рядом с отцом – другое.

– Повторяю, давай оставим всё как есть... Сашка. Ты должен понять, что это для блага Серёжи, меня и тебя... Да-да! И для твоего блага! Поверь, всё должно остаться вот так... По крайней мере, пока.

Ощущаю, что Дашина уверенность поколеблена, и это вселяет надежду.

– Понимаешь, Сашенька, – продолжает она, – я прекрасно осознаю, что ты совершенно незаурядный человек. Я не лгу тебе. Твои успехи в медицине, а я знаю только их, совершенно очевидно об этом говорят. Ты сейчас начал учиться снова. Это трудно. Очень трудно! Я ведь вынуждена была приостановить свою учебу на вечернем после рождения Серёжи. А тебе знания по медицине и диплом необходимы для твоего будущего. А я в него очень верю, – и улыбается такой милой, ласковой улыбкой. – Саша... Выучись! У тебя же днём работа, вечером больница, ночью учёба... А где же нам с Серёжей найти хоть какое-то свободное время у нашего папы?

Возразить мне нечего.

– Ну ты хоть деньги брать будешь? – с надеждой спрашиваю я.

– Если будешь давать, то я буду брать. Честно говоря, мы сейчас живём только на одну папину маленькую зарплату да на пособие, которое тоже очень маленькое.

– Слушай, а кем он работает?

– Он хороший инженер-радиотехник, но сейчас работает

простым сторожем.

– Понятно... Короче!

Вытаскиваю из куртки кошелёк и вытряхиваю его содержимое на кухонный стол. В кошельке оказалось около пяти тысяч.

– Так. Тысячу я оставляю себе на бензин и еду, а остальное забирай.

– Спасибо, Саша. Я хоть за квартиру смогу заплатить и за свет, – очень просто признаётся Даша.

– Но это же не последние! Через несколько дней я тебе ещё привезу!

– Саша, ты любишь слова «не парься»? Так вот – не парься! Я уверена в твоей порядочности и знаю, что ты нас не бросишь. И попусту тебя напрягать не хочу.

– Дашка, – начинаю её ласково тискать, – я даже ничего обещать не буду. Ты сама всё сказала.

– Ох, Сашенька, как бы я хотела, чтоб ты остался. Но папа должен скоро прийти...

– Ладно, я тогда поехал.

– Ты прости меня, – Даша утыкается мне носом в грудь. – Я говорила с тобой очень сурово, но поверь, я тебя люблю. Мне никого другого не надо...

У порога долго целуемся.

Я – студент-заочник Медицинской академии! Все вступительные экзамены прошли на «отлично»! Сам себе удивля-

юсь. Сразу же написал под диктовку Юрия Степановича заявление о сдаче предметов экстерном. И уже три сдал! Даша радуется вместе со мной. Требуется, чтобы после каждого экзамена я ей докладывал. Димке с Лёшкой я похвастал, что стал папой. Поздравляли. Даже на работе безобразия устроили, да так, что свою машину я потом загнал в бокс, а сам до дома добирался на маршрутке.

Из Булуна пришли вести. Звонил Андрей. Ванька живет со Светой. Работать пристроился в больницу к Кириллу Сергеевичу, санитаром. Только, как сказал Андрей, в глазах огня нет. Говорит, понурый он какой-то. Думаю ли о нём? Врать-то кому? Конечно, думаю. Может, не так часто и подолгу, как раньше, но не могу я его выбросить из головы, да и не хочу! Он всегда говорил о том, что он мужчина. А мужчина не только принимает решения, но и умеет нести за них ответственность. А что до его свободы – это слишком трудное состояние. Его нужно не только выстрадать, но ещё и выдержать. Но всё равно – это мой младший братишка, о котором я должен заботиться и думать.

Пришло письмо от Кирилла Сергеевича в ответ на мой ему доклад о своих делах.

«Дорогой Саша! Был очень рад получить от тебя письмо вообще, а такое – в особенности. Бесконечно рад твоим успехам. Поздравляю тебя с поступлением в мой родной институт, теперь академию. Держись за Юру и Сергея. Они порядочные, душевные люди и хорошие врачи». И так далее... А

потом про Ваньку:

«Ваню я взял к себе в больницу санитаром. Увы, эта женщина скоро его загрызёт совсем. Он мне поплакался про их отношения. Она ведь гораздо старше его!

Работает он хорошо. Старается учиться, но хватка, к сожалению, пока не твоя. Может, ему надо больше внимания. Вспоминает тебя. Говорит, что очень обидел, и кается».

Чувствовал я, что ему будет плохо со Светой! Эх, Ванька... Глупенький ты мой...

...Перед поездкой к своему семейству выбираю в магазине для Серёжки коляску. Делаю это с таким удовольствием! Даша сама мне её не заказывала, но я знаю, что коляски у него пока ещё нет. Вот, кажется, эта... Должна быть удобной и маме, и сыну. Пару погремушек ещё туда кинем... Для развлечения! Ну, поехали к кассе!

– Вот! Серёжкин личный транспорт! – и затаскиваю коляску в квартиру.

На Дашином лице радостное удивление.

– Ой, Саша! Ты сам догадался! А я всё боялась просить. Теперь хоть на улицу выходить сможем. А то всё на балконе да на балконе... Спасибо тебе!

Обнимает меня и целует. А мне так приятно, что я оказался полезным!

– Ты знаешь... – хитренько произносит она, – а из тебя со временем может получиться неплохой папашка. Но ты не расслабляйся! Это только – со временем!

* * *

– Слушай, шеф! – Димка сбивчиво говорит в трубку. – Можно, я завтра на работу не приду? У меня с мелким что-то совсем плохо. В садике, понимаешь, простудили... Температура зашкаливает. Аж тридцать девять и шесть! И дышит тяжело...

– Жаропонижающее давали? – спрашиваю я, понимая, что говорю, как доктор.

– Не можем никак его заставить. И укол сделать сами не можем. Звонили в «Неотложку», а те сказали, что все на выезде и завтра придёт участковый врач.

Понимаю, что от меня сейчас зависит многое, может быть, даже и жизнь пятилетнего Вовки.

– Я сейчас приеду. Только по дороге заскочу в аптеку. А ты свою там подготовь. Куда ехать? Я ведь у тебя ещё не был на новой квартире.

Димка только полгода как разменял свою коммуналку. Он мне ближе, чем Лёха, и знает про мои медицинские устремления.

...Поднимаюсь по лестнице на четвёртый этаж. Звоню.

– Привет. Извини, что тебя всполошили, – бурчит хозяин, открывая мне дверь.

– Твоя в курсе? – вместо приветствия спрашиваю я.

– Да, я её уболтал.

Скинув кроссовки, иду мыть руки. В сумке у меня уже есть всё необходимое – и жаропонижающее, и шприцы. Даже фонендоскоп, а проще трубку, я взял с собой. Спасибо Кириллу Сергеевичу, что подарил в Булуне свой.

Димкина жена Катя сидит рядом с сыном.

– Здорово, – осторожно здороваюсь я с ней, зная, что она меня за что-то недолюбливает. – Разреши-ка мне тут присесть...

Молча уступает своё место.

– Ну привет, Вовка-морковка, – и улыбаюсь пацану.

– Привет... – он вдруг открывает глаза и тоже мне улыбается.

– А ведь даже глаз не открывал, – тихо произносит мать за моей спиной.

– Ты, Вовка, лежи спокойно, а я тебя немножко посмотрю. Хорошо?

– Хорошо... А это не больно?

– Нет, конечно! Я только руками немного повожу над тобой...

Специально не хочу сначала слушать его, чтобы голова не сбивала ощущений рук. По мере своей практики я стал понимать, что сначала руки, а потом уже всё остальное от традиционной медицины. Пальцы крючит как раз над лёгкими, и дышит мальчик уж очень тяжело. Вижу тёмное пятно именно в этом месте. Точнее, где-то справа... И на горле...

– Теперь давай-ка я послушаю, что там у тебя внутри, –

и достаю трубку.

Долго слушаю. Действительно, справа хрипы и дыхание очень тяжёлое.

– Давай горлышко посмотрим?

– Давай... А ты не будешь мне ложку совать?

– Не буду.

– Честно?

– Честно-честно! Если хорошо рот откроешь, – и обращаюсь к Димке, прошу: – Фонарь какой-нибудь дай.

Приносит...

– Открой рот...

Вовка старательно открывает рот и я свечу туда фонариком...

– Ну всё. Закрывай. И кто тут у нас сосульки ел?

– Я не ел... Только одну. Пососал немножко...

– Вот у тебя горло и заболело. Верно?

– Ага... – сокрушённо соглашается он.

– Пойдёмте на кухню, – зову я родителей. Послушно идут. – Ну что... Воспаление лёгких справа плюс ангина. Вот вам и температура. И поэтому он не хочет глотать таблетки. Больно.

– А что делать? – Катя смотрит мне в глаза.

– Сейчас я сделаю ему жаропонижающее, а потом будет видно... – и начинаю готовить укол.

В комнате сажусь на край кровати.

– Так, Вовка, придётся тебе сделать укол. Ты не бойся, это

будет не больно.

– Неправда. Укол – всегда больно... – мальчишка вздыхает.

– Спорим, что будет не больно?

– А на что? – по-деловому интересуется он.

– Ну если будет больно, я тебе подарю маленький бинокль.

Который приближает.

– Не обманешь?

– Дядя Саша никогда не обманывает, – отец приходит мне на помощь.

– Ладно... Согласен...

– А ты, если не будет больно, пообещаешь, что больше сосулек сосать и есть снег не будешь. Хорошо?

– Согласен... – Вовка опять вздыхает и сам ложится на живот.

Смазываю спиртом и резко колю. Мальчик лежит совсем тихо, будто сосредоточившись на ощущениях. Выдергиваю иглу и опять протираю спиртом.

– А укол? – удивлённо спрашивает он.

– Что теперь ты обещал сделать? – смеюсь и показываю ему пустой шприц.

– Не буду есть снег и сосать сосульки, – и улыбается.

– А бинокль я тебе всё же подарю, – решаю я. – За смелость! Папа его привезёт.

Мне хочется сделать ему приятное и тем самым добавить хорошего настроения.

– Катя, заверни его в одеяло. Я поношу его на руках.

На её лице удивление, но она подчиняется беспрекословно.

Эта идея родилась у меня только что. Я понял, что мне помогают! Если буду носить мальчика на руках, то втяну его в своё здоровое поле и с болезнью мы будем бороться вместе. Беру Вовку на руки и, покачивая, начинаю ходить по комнате.

– Дядь Саша... Ты меня, как маленького, носишь, – шепчет он, обнимая за шею.

– Не как маленького, а как больного. Давай вместе говорить: болезнь, уйди... уйди... уйди...

Хожу, держа мальчика, и мы вместе шепчем. Родители стоят тут же и пялятся на меня. Делаю им головой знак – пошли вон!

Уходят... Вовка уже спит у меня на руках, а я всё ношу его и молюсь об исцелении. Прошло больше часа, и хоть я мужик сильный, но даже у меня руки уже отваливаются.

– Саша, – шёпотом зовет меня Димка, – давай я его поношу.

– Не мешай. Я его не просто ношу. Я лечу его своим полем. Иди отсюда.

Я не могу сейчас прекратить это действие, поскольку понимаю, что должен почувствовать, когда могу положить мальчика на кровать. А я пока этого не чувствую, хотя дышать он стал лучше. Касаюсь губами его лба. Да и температура спала.

Даже вспотел...

– Родители... – тихо зову я.

Приходят оба.

– Катя, переодень... И измерь температуру. Димк... Сделай мне кофе!

– Давно уже собирался, – улыбается он. – Пошли.

Жадно глотаю горячий кофе.

– Сашка... Если всё обойдётся – я твой должник!

– Иди ты! Я хоть и не давал клятву Гиппократу, но больного оставить не могу. Вот сейчас поплюю и снова поношу его.

– Может, спать? Ты вообще оставайся! Куда ты в три часа ночи поедешь?

– Ладно. Ты, пожалуй, прав. Хорошо... Я к Вовке. Возвращаюсь в комнату. Беру снова мальчика на руки. Опять ношу его, меряя комнату из конца в конец. И вот что-то будто меня отпускает. Вовка сладко спит на руках и дышит спокойно. Сколько времени там? Полчетвёртого... Осторожно укладываю его на кровать. Беру трубку, слушаю...

– Ну что? – нетерпеливо спрашивает Катя сзади меня.

– Неплохо... Сама не видишь?

– Боюсь поверить, – устало признаётся она.

В первый раз вижу, чтобы она в моём присутствии улыбнулась.

– Саша, иди... Я тебе постелил, – зовет Димка. – Давай ложись!

Утро. Подхожу и, стараясь не разбудить Вовку, начинаю

его слушать.

– Ну? – шёпотом спрашивает Димка из-за моей спины.

– Всё гораздо лучше. Слышишь? Он почти нормально дышит. Прямо спящему, делаю Вовке ещё один укол жаропонижающего.

Вечером очередной раз завёз Даше деньги.

– Сашка, так ты ещё и педиатр? – она весело удивляется, выслушав мой рассказ. – Надо будет взять на заметку! Ты так его и носил три часа?

– Конечно. Я же парень здоровый.

– То есть ты хочешь сказать, что Серёжу тебе доверять можно?

Не пойму, она иронизирует или говорит серьёзно.

– Ну не знаю... Если на руки, то мне даже страшно. Такие нежные косточки, и я со своими лапами...

У Даши такая улыбка! Садится мне на колени и прижимает мою голову к груди.

– Горе ты мое... И счастье... Одновременно!

Обнимаю её, но думаю о другом.

– Слушай... Мне действительно надо по педиатрии что-нибудь почитать. У них же, кажется, процессы немного по-другому протекают. Мало ли что!

– Господи! Он и тут про свою медицину! Ну когда ты станешь нормальным?

– Сказать? Никогда... Тебя это устраивает?

Девять вечера. Метёт... Ранняя зима в этом году. И снег, и мороз... И сосульки... А ещё ведь только середина ноября. Еду домой из больницы. Двигаюсь медленно, осторожничаю на своей летней резине. Давно пора было машине сменить обувь, но так со своей занятостью и не собрался. Прохожие, сторбившись, спешают кто куда...

Странную фигуру проехал. Очень похожа на Ванькину. Только куртка не похожа. Да и паренёк мне показался совсем неустойчивым. Непохоже на Ваньку. Тот много не употребляет. Да и откуда ему быть в Питере? Он ведь сейчас в Булуе. Горшки в больнице выносит. Программист хренов...

Что-то в последнее время совсем пусто и тоскливо в квартире. Домой возвращаться не хочется. Да, собственно, я сюда прихожу только ночевать. Работы выше крыши. Днём в боксах, вечером в больнице... Учусь либо на работе, в свободное время, либо езжу в читальный зал академии. Там достаточно уютно. Время проходит как-то незаметно, и это проще. С Дашей вижу раз в неделю. А дома я остаюсь совсем один.

Понимаю Кирилла Сергеевича, который махнул из Питера, чтобы не окунаться каждый день в воспоминания. А моя квартира пропитана воспоминаниями о Ваньке! Не случайно я сделал попытку сойтись с Дашей на одной жилплощади.

Хотел убить прошлое! Но она мне очень деликатно в этом отказала. Что ж! Это её право, и этот отказ, конечно, не повлияет на моё к ней отношение.

Как только у меня начинаются воспоминания, сразу приходят мысли всякие, и тогда я задаю себе вопрос: хочу ли я возврата нашей общей с Ванькой жизни? Хочу! И после Дашиного отказа я с особой остротой осознал, что он мне нужен! Единственный родной человек на этой земле. Мой братишка... Но не могу же я препятствовать ему в попытке стать нормальным мужиком. Пусть он обретёт новую жизнь! А я, как сильный человек, уж как-нибудь разберусь. Тем более теперь у меня есть Серёжка.

Почему-то вздрагиваю от неожиданности, услышав звонок телефона.

– Сашка! Привет! – голос Андрея из Булуна в трубке слышен прекрасно.

– Здорово, Андрюха! Как дела?

– Отлично, доктор мой дорогой! – судя по всему, он уже слегка принял.

– Значит, ходишь нормально?

– Как раньше! Ну, до этого случая. Но слушай... Я про твоего брата. Он тут месяц из запоя не вылезал, после того как его Светка выгнала. Она же, сука, его практически голым на улицу выставила из-за своего нового мужика. Ну Ваня стал жить у Кирилла в больнице. Ты же знаешь, он там санитаром... Потом запил по-чёрному. Кирилл тебе не со-

общал, потому что сам в отпуск подался в Крым. Он же лет пять в отпуске не был, еле выгнали! Так вот... Ваня пил, пил, а три дня назад пропал! Нету его тут! Правда, говорят, его видели на аэродроме, когда Ил-76 прилетал, ну который вас тогда привозил. Ты бы поискал... Кирилл вернулся и тоже волнуется!

– Ох, Андрюха... Ну и новости! С ума можно сойти! Спасибо тебе! Буду искать! Прямо сейчас же попробую найти тех летунов, ну а дальше – как карта ляжет. Бывай!

– Счастливо тебе! Сообщи нам, если найдёшь. Волнуемся из-за него, засранца!

Половина двенадцатого ночи. Не дожидаясь разговора с экипажем, съездил на квартиру к Ваньке. Там дверь закрыта, окна тёмные. Ладно! Спать пора ложиться. Если усну, конечно. Завтра поеду искать летунов. Иду на кухню покурить. Что же с Ванькой? Душа не на месте. В последнее время, когда курю, всё смотрю с высоты своего одиннадцатого этажа на наш двор. Вот и сейчас... Снег метёт... Уже который день! На детской площадке, на скамейке, полулежит какой-то мужик. В свете фонаря, да ещё и снег белый, я вижу его хорошо. Да он, кажется, ещё и пьёт! Точно! Прямо из горла. Упал на скамейку. Бутылка валяется... Рука висит. Значит, заснул... А градусов-то сколько? Ох, ничего себе! Минус пятнадцать! Он же замёрзнет! Помрёт ведь, бедолага. Если я хоть немного врач, то должен вмешаться и не допустить этого! Надеваю куртку, ботинки...

Снег хрустит под ногами. Вот и скамейка. Ужас... Ванька! Лежит в нелепой позе на скамейке, в какой-то старой, совсем лёгкой куртке. Без шапки... Рядом пустая бутылка из-под водки. А не в этой ли куртке я видел тогда паренька с нетвёрдой походкой? Трясу его... Жив ли? Да он без сознания! Снегом тру ему лицо, бью по щекам...

Замычал... Слава богу, очнулся! Хватаю его в охапку. Ох, ну и вонища! Да он, похоже, ещё и обложился! Ладно! Дома разберусь. Чёртов лифт! Еле ползёт... Затаскиваю Ваньку в квартиру и сразу же в ванную. Пока набирается вода, снимаю с него одежду. Да... Обложился по полной программе. Ну это постираем потом. Опускаю тело в ванну.

– М-м... Не н-надо больше... Не хочу-у... – мычит, не открывая глаз.

– А мне плевать, хочешь ты или не хочешь, – машинально говорю я, и он приоткрывает глаза...

– Сашка... – выдыхает, узнав меня, и сразу его голова падает на плечо.

Остальное происходит молча. Обмываю душем, вытираю и несу на кровать. Укладываю и накрываю. Ёшкин кот! У него неслабая температура! Нахожу в аптечке градусник. Сую ему под мышку. Вожу руками... Ох, как кричит! Как раз в районе лёгких! Очень похоже на то, как тогда с маленьким Вовкой. Ого! Тридцать девять и пять! Беда... Да и дышит он судорожно. Хватаю медицинскую трубку. Спасибо Кириллу Сергеевичу, второй раз она меня выручает! Слу-

шаю дыхание. Сплошной хрип! Неужели воспаление? Где-то у меня было жаропонижающее...

Пытаюсь скормить Ваньке лошадиную дозу. Сердце у него здоровое, выдержит! Главное сейчас – сбить температуру. Он ещё и сопротивляется!

– Ну-ка быстро рот открыл!

– Не н-надо...

– Сейчас как уделаю, так сразу узнаешь – надо или не надо. Рот открыл!

Ссыпаю в рот Ваньке три растолчённые таблетки аспирина.

Жадно глотает воду, вцепившись в стакан. Хорошо... Будет чем потеть.

– Всё! Спать! Если что – зови. Я на кухне или в ванной.

Закрывает глаза, и у него текут слёзы...

– Я сказал – спать, а не рыдать! Идиот...

В ванной начинаю разбираться с Ванькиными шмотками. Что это в кармане куртки? Паспорт... Запечатанный конверт... Ещё какая-то бумажка... Ключи... Одни... Вторые... Наверное, ещё и от его квартиры. Замываю трусы и штаны. Теперь всё в стиралку!

Прихожу на кухню, предварительно заглянув к Ваньке в комнату и убедившись, что он спит, закуриваю и разворачиваю бумажку.

Гм... «Того, кто меня найдёт, прошу доставить письмо по адресу...» Дальше вижу свой адрес. Ясно. Что ж, письмо

нашло адресата. Что значит – «меня найдёт»? Неужели он опять... Вскрываю конверт.

«Дорогой мой, единственный Сашенька!

Я не прошу меня простить. Вряд ли это возможно, после того что произошло. Только прошу не вспоминать про меня плохо.

Я совсем запутался в своей жизни и в результате остался совсем один. Знаю, что очень виноват перед тобой, что поступил, как последняя сволочь и скотина. Поверь, я всё осознал и сейчас свершаю над собой свой собственный суд. Я всё рассчитал! Всё бабушкино снотворное, а поверх бутылка водки. Это сработает.

И всё-таки прости меня за всё! Я ещё раз повторю, что ты был для меня единственным близким, родным мне человеком, а я этого не смог, не сумел оценить.

Прощай! Прошу, похорони меня рядом с бабушкой и родителями.

Был и есть – твой Ванюха».

Вскакиваю. Его же надо спасать! Срочно! Желудок надо промыть!

Дежурная в «Скорой», слава богу, озадачилась, услышав про снотворное и водку.

– Только врач будет без бригады. Бригада с другим врачом. Придётся помочь.

– Да, конечно, помогу! – рявкаю я в трубку.

Бегу на кухню, хватаю кастрюлю, наливаю воду прямо из-

под крана, добавляю горячей, чтобы была тёплой. Беру чашку и несу всё в комнату.

– Ваня, Ванька! Подъём! – трясую его изо всех сил.

– М-м... – замычал...

Усаживаю на кровати и подношу чашку с водой к губам.

– Пей! Пей, я сказал!

Сжимает губы, засранец! Зажимаю ему нос. Ага! Открыл-таки рот! Заставляю его пить. Так... Одна чашка... Теперь вторая...

Звонок в дверь. Бегу открывать. «Скорая помощь» приехала...

– Я уже две чашки ему спойл, – докладываю сразу.

– Мало! – говорит пожилая женщина-врач и, отодвигая меня, идёт к Ваньке.

Совместными усилиями заливаем в него, наверно, литра два. Потом наклоняем над тазом, врач что-то суёт ему в глотку. Блюёт... Кажется, успели...

– Повторяем! – следует команда.

Всё снова... Ох-х... Ещё раз... Ещё...

– Теперь кишечник промываем! – и врачаха снова открывает свой саквояж...

Тащу Ваньку в туалет после клизмы. Сидит, качается... Придерживаю его.

– Кажется, всё... – устало говорит врач. – Кстати, у него температура.

– Тридцать девять и пять. У него воспаление лёгких.

– Да, воспаление... – соглашается она, прослушав Ваньку. – Везём в больницу?

– Может, сейчас не надо, после...

– Пожалуй, вы правы... А вы что, врач?

– Немножко... Работаю в больнице академии, в неврологии. У вас жаропонижающее для инъекции есть?

– Есть, – она достаёт ампулу и шприц.

Заправляю шприц, слегка поворачиваю Ваньку и делаю укол.

– Да вы – профессионал! – улыбается врачиха. – К нам пойти не хотите?

– У меня там больные. Они меня ждут и поэтому не пойдут.

– Ваша правда. Вот вам до утра... – и даёт мне ещё две ампулы и два шприца.

– Доктор, что вы посоветуете для него из антибиотиков после всех этих процедур? – решаюсь спросить я.

Она пишет рецепт.

– От души желаю вам успеха! Дайте мне номер вашего телефона, я позже позвоню, как у вас дела. Меня зовут Анастасия Ивановна, а вас?

– Саша. Просто Саша. Спасибо вам! – улыбнуться явно не получается. Устал и переволновался. – Записывайте...

– До свидания, Саша! Может, вы ещё не всё знаете, но подход у вас совершенно профессиональный, – она крепко пожимает мне руку. Закрываю за ней дверь.

– Сашка... – вдруг подаёт голос Ванька.

– Чего тебе? Спи давай!

– Зачем ты всё это сделал? – у него снова слёзы. – Ты же прочитал моё письмо!

– Тебя, идиота, не спросил! Ты был такой, что спрашивать было некого. Спи!

Стелю себе на кресле. Чёрт! Надо позвонить Андрею. Люди там беспокоятся. Встаю, иду к телефону и докладываю, что Ванька у меня. Об остальном молчу.

Захожу в комнату. Спит... Прислушиваюсь к его дыханию. Очень тяжёлое. Ладно. Надо ложиться спать. На работу завтра не пойду. Парни справятся. Ваньку же оставлять одного ни в коем случае нельзя. Да и в аптеку с утра бежать надо. Ох-х... Устал я сегодня... Кресло придвигаю поближе к тахте, чтобы слушать и не проспать чего-нибудь.

* * *

Утро. Вваливаюсь в квартиру после аптеки и магазина. Надо больному сварить куриный бульон, чтобы попил, поэтому для простоты взял окорочка...

Заглядываю в комнату. Ванька полусидит на кровати. Глаза бешеные! Как-то странно блестят. Весь раскраснелся... Одеяло сброшено.

– Сашка, а где мои лыжи? – беспокойно спрашивает он.

– Какие лыжи? – пока не понимаю я.

– Ну те... Те! Мы же их потеряли!

Понятно... У него бред, и бред-то нехороший. Видно, что сильный жар. А вообще-то бред когда-нибудь бывает хорошим? Что-то я уже совсем...

– Вань... Не потеряли мы их. Я их в стеной шкаф убрал. Ложись... Ложись...

Осторожно его укладываю и снова накрываю.

– Бабушке скажи, что я не приду на обед... – бормочет он, но укладывается.

– Скажу обязательно! Ложись...

Плохи дела! Дыхание у него по-прежнему хриплое и тяжёлое. Грудь аж ходуном ходит. Надо срочно вводить антибиотик и жаропонижающее.

Сделав уколы, щупаю Ванькин лоб, потом пульс, сую ему градусник под мышку, а сам иду на кухню. В голове почему-то стоит цифра сорок. Наваждение какое-то...

Так... Бульон поставил... Можно покурить. Затягиваюсь... Чёрт! Надо посмотреть Ванькину температуру. Ох, ничего себе! Сорок и одна десятая. Обалденная температура... И я, кажется, её увидел! Похоже, пора начинать применять свои способности. Но как? Так же, как и в случае с язвой? А может, как с Димкиным сыном? А-а, чем чёрт не шутит!

Всё-таки нужно проконсультироваться с Кириллом Сергеевичем. А почему не с Юрием Степановичем? Нет. Он невропатолог.

А Кирилл Сергеевич может всё. Беру телефон. Сейчас по булунскому времени его дома нет. Набираю кабинет главврача.

– Понятно... – глухо произносит он, выслушав мой отчёт обо всём происшедшем, исключая, конечно, попытку суицида. – В целом, правильно. Не думал ты, что можешь и себя использовать?

– Думал. Только сначала решил с вами проконсультироваться.

– Спасибо. Считаю, что любое воспаление тебе должно покориться. Только здесь, видимо, надо воздействовать не точно, как с язвой, а как-то по-другому. Но это уже твоя епархия, и я не могу тебе подсказать. Придётся думать самому, как с его позвонком.

– Понял. Вот сижу на кухне, варю ему бульон и думаю.

– Ну и хорошо. Потом мне всё расскажешь.

Кладу трубку и подхожу к Ваньке. Уснул... Всё-таки лучше использовать тот же метод, что и с Димкиным сыном, то есть втянуть в своё здоровое поле. Где-то я читал, что деревенские знахари иногда так поступали, прижимали больного к себе.

Трясу его за плечо.

– Просыпайся... Надо поесть. Я бульон сварил.

Усаживаю в подушки. Да... Так и не вспотел. Плохо... И по-прежнему дышит очень тяжело. А чего я хотел? Чтоб так, от одного укола, и сразу? Приношу чашку с бульоном. По-

глядывая на меня, хлебает. Взгляд совсем потухший.

– Опять из-за меня корячишься? – и криво усмехается. – Незачем всё это...

Мне вдруг становится ясно, что Ванька совсем не борется с болезнью! Сейчас он мне не союзник, а скорее противник. И первое, что мне надо сделать, это преодолеть его нежелание жить. Надо убрать стресс! Успокоить его.

– Ты давай лучше пей. Увы, это не водка, но зато, наверно, съедобно.

– Пожалуй... – и хлебает дальше.

– Ещё принести?

– Если не влом...

Приношу. Пьёт... Опорожнил вторую чашку.

– Ох... Хватит... Спасибо...

Укладываю его снова. Кладу руку на лоб. Тридцать девять... Лучше, но надо проверить. Делаю очередные уколы и ставлю градусник. Да... Тридцать девять и одна.

– Мне немножко холодно стало... – слышу я виноватое бормотанье.

– Я тебя сейчас согрею, – и начинаю раздеваться. – Двигайся!

– Ты чего? Спать будешь?

– С тобой поспишь, пожалуй. Давай двигайся! Собой греть тебя буду.

Ложусь к Ваньке под одеяло и прижимаю к себе. Ох-х... Как мне этого не хватало – вот так его прижимать...

– Можно, я тебя обниму? – шепчет он мне, как всегда, в ухо.

– Нужно!

Обнимает и сам тоже старается прижаться.

– Тепло?

– Угу... Саш... Прости меня, если сможешь... Я сам себя осудил за своё скотство.

– Иди в задницу! Во-первых, я не могу тебя не простить, ведь ты – мой единственный родной человек на свете, и я тебя очень люблю, – так же шёпотом говорю я. – И во-вторых, осудил-то ты не себя, а нас обоих. Мы же братья!

– И всё-таки... – начинает шмыгать носом. – После всего, что было, у меня язык не поворачивается сказать, как я тебя люблю...

– Ладно... Потом скажешь, если захочешь. А пока заткнись и спи.

– Хорошо бы... А мысли куда деть?

– Тебе сказать или сам догадаешься? В то место, которым ты думаешь!

– Сашка... Я люблю тебя, брата моего дорогого... Не могу понять, как я смог так поступить. Как это получилось?! Мне так стыдно... Наваждение было какое-то...

– Ты заткнёшься или нет? – не выдерживаю я. – Ты мне мешаешь тебя лечить! Именно лечить моим здоровым полем!

Ванька глубоко вздыхает и закашливается. Приподнимаю

его, чтобы прокашлялся. Хорошо хоть кашлять стал. Может, ещё и пропотеет. Укладываю его.

– Ну спи...

Большой больной ребёнок...

Мозги включаю на всю катушку. Опять молюсь. «Болезнь, уйди... Воспаление, прекратись...» Представляю, что моё сильное поле поглощает Ваньку и разрушает воспаление, которое я вижу как большое тёмное пятно на представляемом Ванькином силуэте. Как я убиваю это пятно! А оно не убивается... Правда, дыхание стало лучше. Всего полчаса прошло, надо ещё. Только что-то я устал сильно. И глаза слипаются...

Просыпаюсь от телефонного звонка. Чёрт возьми! Я уснул! Идиот безмозглый! Это вместо целенаправленного воздействия! Ванька спит. Дышит, кажется, лучше.

Встаю и топаю на кухню к телефону.

– Саша, здравствуйте! Это Анастасия Ивановна. Как у вас дела?

– Здравствуйте. Докладываю. Температуру немного сбил. Сейчас тридцать девять.

– Да, это лучше, но особенно жаропонижающим не увлекайтесь. Лучше два-три раза в сутки. И антибиотик – по схеме.

– Спасибо! Я его бульоном покормил.

– Вот это хорошо, что бульоном. Ему сейчас лучше жидкое давать. Ладно, воюйте! Я ещё позвоню позже.

Возвращаюсь и ложусь к Ваньке.

Снова. «Болезнь, уйди... Воспаление, прекратись...» и так далее. Уже три часа мы с ним так лежим. Рукой проверяю температуру. Тридцать восемь и пять... Неплохо. Осторожно встаю, теплее укутываю Ваньку, одеваюсь и иду на кухню. Быстро набираю номер Даши. Сегодня я должен был приехать к ней и привезти матпомощь.

– Слушай... У меня опять всё не слава богу. Ванька вернулся из Булуна с сильнейшим воспалением лёгких. Температура, бредит... Я не могу его оставить одного. Сегодня даже на работу не ходил. Я постараюсь приехать к вам послезавтра. Хорошо?

– Саша, ты же знаешь, я тебя рада видеть в любое время и независимо от того, с чем ты ко мне приезжаешь. Ты хоть это-то понимаешь? Приезжай, когда сможешь. Не волнуйся, мы проживём. Тебя мне только жалко. Мы все на тебе висим, а ты из сил выбиваешься.

– Прекрати! Тоже мне, Ванька номер два! Тоже всё переживает. Выдюжу!

В комнате слышу шевеление.

– Саш... – тихонько зовёт Ванька.

Подхожу к нему. Взгляд вроде нормальный. Румянец есть небольшой, но дышит гораздо легче. Что так повлияло – антибиотик или моя работа, я не знаю.

– Саш, сядь рядом... А ты... Мы с тобой... Ты... сможешь быть, как раньше?

Хороший вопрос. Я и сам себе на него ответить не могу!
Надо выкручиваться.

– У тебя что, снова бред? Идиот... Я тебя люблю, очень люблю! Две руки охватывают мою шею, а щека прижимается к моей.

Тоже его обнимаю...

– Ладно! Сейчас кормить тебя буду, – бурчу я и встаю.

– Кормить? – радостно переспрашивает он. – Знаешь, я действительно идиот, – говорит задумчиво, даже очень серьёзно, только глаза хитро поблёскивают. – Зачем нужно было зря тратить столько снотворного, водку... Просто дать тебе неделю-другую готовить – и цель достигнута! Вот и могилка моя... Ты бульон-то солил? Повар!

Сразу успокаиваюсь – раз подкальывает, значит, дела не так уж плохи. Но всё-таки что стало причиной достаточно быстрого улучшения?

Однако бульон действительно бессольный...

* * *

Воронов, которому я позвонил, чтобы отпроситься на вечер, мне выговаривает:

– Вы, Саша, меня удивили. Я считаю неправильным, если буду узнавать о ваших проблемах через Булун. Почему вы сразу мне не позвонили? Я ведь тоже врач как-никак!

– Юрий Степанович, простите... Я не думал, что вы смо-

жете найти время...

– Он, видите ли, не думал! – кипятится завождением. – Давайте ваш адрес. Я должен сам осмотреть вашего больного брата. Вы его слушали?

– Конечно. Хрипы, тяжёлое дыхание. Теперь кашель начался...

– Короче, давайте адрес! Я глубоко уважаю и люблю Кирилла, но считаю его неисправимым романтиком. Да и по телефону не лечат. Слушаю вас. Давайте адрес!

...Профессор долго слушает Ваньку. Простукивает... Вот этого я пока не умею.

– Что ж... Действительно, сильное воспаление. Что там с температурой?

– Тридцать восемь, – рапортую я, предварительно положив руку на Ванькин лоб.

– Саша, давайте без ваших штук! Всё слишком серьёзно. Ставьте градусник! Так... Антибиотик правильный... Жаропонижающее когда последний раз кололи?

– В два. С того времени температура держится на одном уровне.

– Ну это мы сейчас посмотрим... Давайте градусник. Гм... Тридцать восемь и одна, – Юрий Степанович как-то странно смотрит на меня. – Ну, знаете... Так и с ума недолго... – и наконец-то улыбается. – Ну а что делали ещё?

– Своим полем лечил... Лёг и прижал его к себе. Так знахари раньше делали!

– Знахарь вы эдакий! – усмехается Воронов. – Но, похоже, именно это и улучшило ситуацию. Три уколами антибиотика вряд ли можно было добиться такого прогресса. Чёрт возьми! А ведь Кирилл опять оказался прав! Но если что – сразу звоните мне. Свой мобильный я вам оставил. Кстати, у вас когда мобильный появится?

– Да не заработал я пока...

– Ладно, заработаете! Ну, счастливо, братья... Да! Сергею Петровичу я всё обязательно расскажу. Он следит за вашими успехами. Семь предметов за три месяца на «отлично», включая вступительные экзамены, его порадовали.

Закрываю за ним дверь и возвращаюсь в комнату.

– Саш... А кто такой Сергей Петрович? – спрашивает Ванька.

– Ректор Медицинской академии, где я сейчас учусь. Кстати, надо будет позвонить и перенести экзамен.

– Зачем? Из-за меня не успеваешь подготовиться?

– Я готов, но тебя оставить не могу.

– Глупости. Не бойся, не помру. А кто такой Юрий Степанович?

– Профессор. Завотделением в больнице, где я работаю вечерами.

– Вот... Солидного человека побеспокоил, – братишка виновато сопит.

– Не парься. Он сам захотел прийти.

После ужина и уколов собираюсь спать. Ванька двигается

на тахте, и я ложусь...

– Саш... Поговори со мной немного. Если не сильно устал, конечно...

Понимаю, что братишка сам даёт мне возможность снять его стресс. Значит, многое будет зависеть от меня, от того, что я сейчас скажу. Но мне именно сейчас так не хочется вести душеспасительные беседы! Устал я!

– Вань, ты думаешь, что в данный момент это актуально?

– Думаю, да... Саш... Понимаю, что ты после всего... не сможешь общаться со мной, как раньше, но... и я не могу, когда... ты установил отношения «врач – пациент»!

– А какие же отношения могут быть с тобой сейчас, когда ты очень серьёзно болен? Врач, а я в данный момент – врач, не должен сюсюкать с больным.

– Саш... Но сейчас от тебя исходит не ласка, как тогда, а... сухая прохлада.

Ого! Чует кошка! А с другой стороны... Ну и пусть, что он виноват! Но это же моё! Этому самому «моему» сейчас плохо, и поэтому ему так нужна моя ласка. А я чего? Обиделся, видите ли... Не стыдно?

– Вань, ну это издержки твоего состояния, – я пытаюсь выкрутиться.

– Нет, Саша... Это издержки другого... – и отворачивается.

– Так... Ну всё... Я с тобой! И буду с тобой, – обнимаю Ваньку, прижимаю к себе. – Спи! А я лечить тебя буду. Тебе

тепло?

– С тобой – да. Без тебя холодно... – вторит он мне двусмыслицей.

Уверен, что его попытка суицида была во многом спровоцирована алкоголем, а сейчас он окончательно протрезвел. Даже голова, кажется, стала работать нормально.

Похоже, успокоившийся Ванька заснул. Ну слава богу! Надеюсь, теперь с болезнью мы будем бороться вместе. Вон как сладко посапывает! Даже хрипов особых в дыхании я сейчас не слышу. Чёрт! Не прослушал его перед сном. Ладно! Чего тут руками всплёскивать – раньше думать надо было. Обнимаю и начинаю свои заклинания «Болезнь, уйди... Воспаление, прекратись...» Кажется, на Ванькином фантоме, который я создаю своим воображением, тёмное пятно существенно уменьшилось.

Среди ночи просыпаюсь. Мысли, которые так и шастают в моей бедной голове, не дают спать. Осторожно встаю, подтыкаю под братишку одеяло и иду на кухню курить.

Ванька энергетически слаб. Не сейчас, а вообще. Эти его суицидальные порывы... Они говорят в первую очередь о его нестабильной психике, подверженной влияниям воздействий извне. А не связана ли эта нестабильность с низкой энергетикой?

Действительно – человек, имеющий сильную энергетику, способен ею делиться, даже бессознательно, без какого-либо ущерба для себя. И это бессознательное «спонсирование»

даёт человеку ощущение уверенности, самодостаточности. Он уверен, что может преодолеть возникающие проблемы, а значит – спокойно смотрит в будущее. Энергетически слабый человек, попадая в более сильное энергетическое поле, ощущает его воздействие, и когда это воздействие агрессивно, ему становится тревожно, а значит – неудобно. Если же сильное поле, наоборот, располагает к своим воздействиям, такой человек сам тянется к источнику силы, бессознательно стараясь что-то для себя «ухватить».

Сразу же встаёт вопрос – что первично, а что вторично? Что является определяющим – энергетика или физическое и психическое здоровье? Можно ли, «накачав» энергией человека, изменить его реакции, а следовательно, поведение? Можно ли вообще увеличить энергетику человека? Если можно, то до какого уровня? Сколько энергии, приобретённой со стороны, человек может удержать? Или он, как сосуд, вбирает в себя энергию, пока не заполнится его ёмкость? И вообще, что такое человеческая энергетика? От чего она зависит? Может, эта ёмкость у каждого своя, данная от природы?

В общем, одни вопросы... Сможет ли на них мне дать ответ Илья Анатольевич? Это ведь, наверное, ещё неизвестные мне части той самой теории. Хотя я рассуждал сейчас скорее как инженер, а не как философ или лекарь.

И всё-таки Ванька со своей слабой энергетикой... Интересно, можно ли это поправить? Надо будет с ним поэкспе-

риментировать. То есть измерить его поле в разных его физических и психических состояниях. Уф-ф... Устал думать. Надо ложиться.

Возвращаюсь в комнату и залезаю к Ваньке под одеяло.

– Сашка... Ты где был? – на мгновение проснувшись, сонно бормочет он.

– Курил на кухне, – касаюсь губами его лба. Тридцать семь и восемь. Сносно...

– Сашка мой... – и прижимается.

Это хорошо. Будем лечить дальше. Обнимаю его. «Болезнь, уйди, уйди...»

* * *

Утром после всех процедур звоню Юрию Степановичу и докладываю обстановку.

– Понял, Саша. То, что температура упала ниже тридцати восьми, – это хороший сигнал. Вы мерили рукой или градусником?

– Градусником, – и улыбаюсь. – Всё не верите моим методам?

– Стараюсь верить, но старая школа не даёт, – по-моему, он тоже улыбается. – Кстати, о методах. Ваш Синяев сегодня спал нормально. Я специально попросил дежурную сестру проверить.

Синяев – мой пациент, со спиной и шеей которого я сей-

час работаю. И мне очень приятно слышать о нём хорошие новости.

– Сегодня вечером приеду и проведу ещё сеанс.

– Ну, Саша... Тут я вам не начальник, – тихо говорит зав-отделением. – Но если действительно Ванино здоровье позволит, то ещё сеанс был бы кстати.

Когда я начал работать, на отделении меня встретили не скажу, что плохо, но и не скажу, что хорошо. Не всем понравились мои методы лечения. Многие называют их химерами, хотя и не могут отрицать результатов. По сути, в моей жизни после армии это первый большой коллектив, в котором мне приходится находиться. Поэтому я, видимо, оказался не готов ко всяким не очень приятным проявлениям жизни любого коллектива. Имею в виду всякие сплетни и слухи.

Приехал в больницу специально, чтобы провести сеанс с Синяевым. Охранник на входе в хлам простужен. Глаза красные, нос распух... Показываю ему пропуск. Кивает.

– Ну-ка сядьте! – приказываю я, и он послушно садится. Делаю разные движения, которые мне подсказывает интуиция, вернее – кто-то сверху. Грею полем. Ну вот... Вроде всю энергетическую дрянь убрал.

– Теперь полегчает, – говорю удовлетворённо и, видя его недоверчивый взгляд, добавляю: – Не сомневайтесь! Полегчает!

– Спасибо, – хрипит он.

Захожу в ординаторскую.

– А... Храбрый прогульщик прибыл! – приветствует меня дежурный невролог, пышный мужчина лет сорока, Борис Васильевич. – Ну привет! – внимательно смотрит на меня и делает заключение: – Лицо вроде не помятое, глаза не красные, перегара нет. Что, так плохо погулял?

– Не понял...

– Нет, я понимаю – дело молодое! – он хихикает и хлопает меня по плечу. – Ладно, мы тут всё понимаем. У каждого по молодости загулы были.

– Да я был не в загуле...

– Ладно-ладно... Здесь все свои. Все всё понимают, – и масляно улыбается.

Всё ясно. Кто-то пустил сплетню, и публика её восприняла на «ура». Очевидно, следствие большой любви коллег.

– Ну ладно, я к Синяеву, – бросаю я, не желая оправдываться. Надеваю халат и выхожу из ординаторской.

– Молодец! – звучит мне вслед. – Грехи надо замаливать!

– Здравствуйте, Саша! – приветствует меня пожилая медсестра, тоже Вера, как и в Булуне, но Тимофеевна. – У вас что-нибудь случилось?

Она смотрит на меня с явным сочувствием, поэтому, понимая, что Воронов, конечно, никому не докладывал про визит к нам с Ванькой, решаю ей объяснить.

– Вера Тимофеевна, у моего младшего брата очень сильное воспаление лёгких. Даже Юрий Степанович приезжал. Вот два дня я... был при нём.

– Вот сволочи! – это говорится явно от души. – А Алсан про вас такого наплёл!

Всё понятно. Она с потрохами сдала мне одного из врачей, Альберта Александровича, которого все зовут сокращённо Алсан. Это большой вальяжный мужик с алыми, будто жирными, толстыми губами. У нас с ним сразу возникла взаимная антипатия. Терпеть не могу обсуждений всяких сальностей! А он, как я понял, бабник-теоретик.

– Уже знаю, – устало говорю я. – Да бог с ним! И Бог ему судья.

После сеанса с Синяевым сижу прямо на посту у Веры Тимофеевны и, обжигаясь, хлебаю растворимый кофе. Очень приятно, что она сама пригласила и приготовила.

– Вы не расстраивайтесь, Саша, – тихонько воркует медсестра, одновременно делая пометки о процедурах в историях болезни. – Люди всякие бывают. Хороших, конечно, больше... А сплетню пустить – дело нехитрое и неумное. Ум человека определяется вовсе не полученным им образованием. В наше время образование получить несложно. Ум человека в его душе. Поверьте мне, немолодой женщине. Всякого повидала.

Вот так! Взяла и подписала приговор Алсану. И правильно.

Из больницы заезжаю к Даше.

– Привет, как вы тут с Серёжкой?

– Да у нас всё нормально. А вот ты совсем осунулся, скоро

прозрачным станешь.

– Так тем лучше! Буду к вам приходить незаметно, и твой отец меня не увидит.

Василий Семёнович сегодня в вечер, и у меня есть возможность пообщаться с ребёнком. Держу его на руках и переживаю такие мгновения! Он чего-то гукает, трогает пальчиком выдающуюся часть моего лица, короче, нос. Балдею...

– Ладно, нам спать пора. Не разгуливай его.

Передаю Серёжку в Дашины руки, и тут его личико сморщивается... Заплакал...

– Видишь – признал батьку! – смеюсь я, а Даша делает знаки, мол – сваливай! – Ну ладно... Я пошёл, – говорю уже шёпотом и двигаюсь к двери.

Обернувшись, ловлю Дашин взгляд. А в нём такая нежность!

Ванька меня встречает полусидя, глядя в экран телевизора.

– Привет! Извини, задержался...

– Привет! Ты не волнуйся, я слегка похулиганил... Короче, сам поел, – виновато признаётся он. – Там бульон оставался.

– Ты что, вставал с постели?

– Ну, Саш... Прости. Есть захотелось.

– Надавать бы тебе... – беззлобно ругаюсь я, понимая, что если бы не заезжал к Даше и Серёжке, то успел бы. А вообще-то, если есть захотел, это хороший признак. Короче, я

опять сам виноват. – Ладно, дай свой лоб.

Наклоняюсь и касаюсь Ванькиного лба губами, чтобы проверить температуру. Так... Похоже, тридцать семь и пять. Тут же две руки обнимают меня за шею и щека прижимается к моей. Эта ласка растапливает, и я позволяю ему немного себя удерживать.

– Во-первых, держи градусник. Во-вторых – не подлизывайся. Уколы я всё равно тебе сделаю.

– Не прокатило... – братишка деланно вздыхает и отпускает руки.

Готовлю шприцы, поглядывая на часы. Пора вынимать градусник. Угу... Убеждаюсь, что губами измерил правильно.

– Сколько? – нетерпеливо интересуется Ванька.

– Тридцать семь и пять. Поворачивайся тем местом, где у тебя мозги! – и делаю укол. – Другим полушарием!

Фыркает и поворачивается другим боком. Делаю второй.

– Саш... А ты послезавтра на экзамен пойдёшь? – следует осторожный вопрос.

– Чтобы ты опять болтался по квартире?

– Ну я не буду. Иди на экзамен, если готов, конечно.

– Ладно. Посмотрю на твоё самочувствие. Кашель как? Давай я тебя послушаю.

– Кашля почти нет, – и в этот момент закашливается.

Поднимаю его в сидячее положение и достаю трубку. Можно со спины послушать.

Хрипы ещё есть, да и дыхание трудное... Увы, за два дня серьёзное воспаление лёгких не вылечить. Слишком уверились в собственных силах, Александр Николаевич!

Экзамен я сдал. Тоже на «отлично». Ванька чувствует себя гораздо лучше. И дыхание вроде наладилось. Правда, по квартире ходить я ему пока не разрешаю. Слаб ещё. Я даже на работе стал появляться. Но в больнице пока через день, с разрешения Юрия Степановича. Отношения у нас с Ванькой всё же какие-то странные. Не получается у меня вести себя с ним так же, как до нашего отъезда в Булун. А с другой стороны, чем я недоволен? Он правильно тогда сказал – это теперь уже не тот влюблённый в меня мальчик. Этого мальчика, слава богу, больше нет. Есть мужчина! И с этим я не только обязан считаться, но и должен этому радоваться. А самое главное, я должен теперь выстраивать с ним новые, по-настоящему братские отношения.

* * *

Не могу спать! Завидую Ваньке. Сопит себе... Осторожно встаю и, иду курить.

Ванька действительно – большой ребёнок. Но всё же у меня не получается относиться к нему по-прежнему. Кто в этом виноват? Он? Я? Не знаю. И меня это мучает. А что значит «по-прежнему»? Может, как раз этого сейчас и не на-

до? Убежден, его «ориентация» не была естественной. Это было искусственно привнесено в его жизнь обстоятельствами внешнего мира. Например, одиночеством. Невостребованностью, что ли... А сейчас он мучительно и для себя, и для меня выздоравливает от своей «голубизны».

Да, я хочу возврата нашей прежней дружной жизни, наполненной добротой и заботой. И в новых условиях я тем более должен дать ему ласку старшего брата, любящего родного человека. Что же случилось со мной в этот момент? Обида, сидящая где-то далеко внутри? Да, я с заботой и старанием его выхаживаю и поставлю на ноги, конечно! Но меня всё время грызёт воспоминание о бешеных и ненавидящих глазах там, в Булуне. Получается, страхуюсь от возможного повторения такого потрясения, я отодвинул братишку от себя подальше? И в этом я... виноват! Он прав... «Врач – пациент». Сухая прохлада... Ведь я этим причиняю ему боль.

Раздаются шлёпающие шаги...

– Ты чего не спишь? – входит Ванька, закутанный в одеяло. – Три часа ночи!

– А ты чего встал? Я же тебе запретил вставать!

– За тобой пришёл! Пошли спать!

– Завтра я всё равно на работу не пойду, только в больницу вечером. Отосплюсь, – бурчу недовольно. – И вообще, иди спать. Дай мне подумать, разобраться... во всём.

– Давай вместе... разбираться. Я же знаю, о чём ты думаешь! Готов выслушать всё, что бы ты мне ни сказал. Я это

заслужил... Но, Саш... Я не хочу, чтобы из-за меня ты ещё и не спал. Уже четвёртую ночь здесь сидишь! Сам куришь и меня соблазняешь, – он вымученно улыбается, садится на табурет с другой стороны стола, распахивает свои глазищи, и... я опять тону. А взгляд такой грустный!

Молчу, потому что не готов к такому разговору, несмотря на то что действительно несколько ночей думаю обо всём, что с нами произошло.

– Что ты на меня уставился? – не выдерживаю я наконец. – И вообще, тебе лежать надо, а не по квартире болтаться. Пошли! Говорить можно и лёжа.

– А я думал, ты мне покурить разрешишь.

– Хрен тебе! Давай в кровать! Я сейчас иду.

Лежим рядом. Ванькина голова, как всегда, на моём плече.

– Вот так – другое дело, – улыбается он.

– В Булуне ты же как-то обходился? – не подумав, бросаю я. Повисает пауза. Понимаю, что брякнул не то, и прижимаю его к себе.

– Ванюха, прости меня...

– Ладно... Проехали... – отвечает глухо. – Не стоило бы этого трогать.

– Ты всё ещё её любишь?

– Нет... После всего... Мне очень стыдно, Сашка. Я очень люблю тебя, моего дорогого брата... – он сначала молчит, будто о чём-то думая, потом издаёт мучительный вздох. –

Можно, я тебе всё расскажу?

– Нужно!

– Так вот... Ты же знаешь, кто я такой... Я не знал женщины. А Света говорила, что со мной поняла, что такое любовь и что наконец у неё проснулось настоящее чувство. Она говорила, что хочет быть со мной и что, когда я полез за ней в ту трещину, это было добрым знаком для нас обоих. Много чего говорила...

– И про меня говорила... – подсказываю, желая проверить возникшую мысль.

– Да... И про тебя. Знаешь... Сначала она про тебя ничего не говорила. Но после того, как у нас всё произошло... Ну ты понимаешь... Это на второй день случилось. Она спросила меня, хорошо ли мне было с ней. Ты же понимаешь... Я – человек совсем неискущённый, не то что ты... Мне действительно было с ней очень хорошо. Прости, но в те минуты я вообще о тебе забыл. Купался в новых для себя ощущениях! Я ей признался, что это мой первый раз. Она меня пожалела, сказав, что такой сильный человек, как брат, наверняка меня подавляет, что я нахожусь под твоим влиянием... Говорила, что мне надо совершать самостоятельные поступки, не оглядываясь на тебя. Сашка! Она так ласкала! У меня остатки мозгов отключились. Потом предложила жить вместе. Сказала, что давно мечтала быть с таким мужчиной, как я... Она называла меня мужчиной!

Отмечаю, что моя мысль уже нашла своё подтверждение.

– Понимаешь... Как ты говоришь, я повесил сопли, – продолжает Ванька. – Она заставила меня смотреть на всё, и в том числе на тебя, своими глазами. Возможно, я был ослеплён своей... Хочется сказать – любовью, ведь только потом я понял: это была просто влюблённость неискущённого мальчика. Отдавая должное за моё выздоровление, она тем не менее выставила тебя таким монстром! А я, скотина, фактически в это поверил.

– Да... Твои глаза тогда были такими ненавидящими! Не могу их забыть.

– Саш... Ну не надо... Лучше избежь меня до полусмерти! Я помню каждое слово, которое тогда тебе сказал. Прости, но в тот момент мне хотелось сделать тебе побольнее.

– Тебе это удалось, – я хмыкаю и не удерживаюсь от подкола: – Другой бы на моём месте давно бы уже нашёл верёвку и крюк. Будь я послабее, это бы и сделал.

Очевидно, словесная оплеуха оказалась слишком крепка. Ванька замолкает, и его голова на моём плече начинает вздрагивать.

Понимаю, что переборщил. Крепче его обнимаю, поворачиваюсь и целую в лоб.

– Ну Ванюха... Ну прости меня...

– Да ладно... – он откровенно всхлипывает. – Я сам не знаю, что тогда со мной происходило. Это был не я. Вернее, именно я стал монстром. Я же тебя предал!

– Ну а как вы расстались? – задаю я нечестный вопрос,

поскольку кое-что знаю.

– Всё банально. Где-то через два месяца нашей совместной жизни мы начали ссориться. Первый раз это произошло из-за Кольки. Это её сын. Такой классный парень! Ему три года. Мы с ним сразу поладили. Он так любил со мной играть! С работы приду, а я в больнице у Кирилла Сергеевича санитаром работал, за день набегаюсь, ноги гудят, а Колька мне уже свои игрушки тащит. Повожусь с ним – и всё как рукой снимет. Так вот, первый раз из-за него поругались. Света его ударила, а я пожалел, прижал к себе, и её это взбесило. Потом ещё, ещё... Она всё настаивала, чтобы мы с ней ко мне в Питер переехали. А я, будто кто-то меня хранил, отказывался. И из-за этого были ссоры... А потом появился Витя... и она мне велела, чтобы я забирал свои шмотки и катился...

– Понятно...

– Ты, Сашка, умный... Объясни мне тогда, как могло так получиться?

– Объясню. Только сперва пойду на кухню покурю.

– Я с тобой! – это опять звучит по-детски, как тогда, давно, когда он объявился.

– Во! Видел? – и скручиваю ему под нос фигу.

– Саш... Я даже согласен на два лишних укола, – Ванька грустно смеётся. И мне приятно, что он смеётся. Эти перепады настроения... Пацан! Совсем пацан!

– Ладно, чёрт с тобой! Только завернись в одеяло.

На кухне закуриваю. Ванька, шевеля ноздрями, старается вдохнуть дым от моей сигареты. Пусть. Главное, чтобы сам не курил, по крайней мере, пока не поправится.

– Саш... Ну объясни...

– Что ж тут объяснять... Заколдовала она тебя! Она – обычная ведьма.

– Сашка, ты смеёшься надо мной!

– Ванюха, я говорю совершенно серьёзно. У нее очень сильное биополе, гораздо сильнее твоего. И она тебя подавила. А когда поняла, что использовать тебя в качестве средства передвижения в Питер у неё не получилось, ты стал ей неинтересен.

– Наверное, ты прав. По крайней мере, в отношении средства передвижения.

– Понимаешь... Есть категория людей, которые всегда в поиске. В поиске слабых для их дальнейшего использования. Я это понял буквально с первой встречи с ней. Такие люди, и она тоже из их числа, сразу чувствуют того, кто сильнее, и объявляют этому человеку негласную войну. И она мне её объявила. Полем боя стал ты...

– Так что получается, что она победила? Ну раз всё так...

– Получается, что да. Хотя если ей не удалось тебя использовать для переезда в Питер, то не совсем. Наверняка было так: сначала она подавила твою волю лаской, потом начался процесс внушения, поощрения и так далее. Её могло бы извинить то, что большинство таких людей делают эти ве-

щи неосознанно, это их стиль жизни. Они, как правило, эгоцентрики, то есть искренне считают, что остальные должны жить только для них. Но в твоём случае она изначально знала, что ей от тебя надо, и шла прямо к своей цели.

– Обалдеть, – бормочет Ванька. – Ты её видел всего пару раз, а рассказал о ней так, будто знаешь всю свою жизнь. Ты настолько точно её охарактеризовал!

– Ванюха, это всё из курса психологии, который я прочёл месяц назад.

– Сашка... Родной мой... Ты такую ношу с меня снял! – в его голосе звучит горечь. – Вернее, одну снял, а другую положил. Ты меня пытаешься оправдать... Зачем?

– А ты не сильно радуйся. Я про тебя ещё не всё сказал, ну и про себя тоже. Ты в этой ситуации, будучи тепличным растением, человеком, которого я сам избаловал в своей теплице, глядя на прелести не познанной тобой женщины, распустил сопли и, ни о чём не думая, пошёл у неё на поводу. Как осёл за морковкой. Так ведь?

– Так... – Ванька съёживается внутри одеяла. – Именно так!

– А я, увлёкшись медициной, то есть тем, что мне интересно, напрочь тебя забросил. Тоже хорош... Не нашёл времени вытащить тебя из ямы, куда Света тебя утянула. А когда спохватился, то было поздно. Ты уже был в её полной власти. Так что и моя вина в этом тоже есть, и она достаточно велика. Поэтому мы квиты! Ладно, пошли в кровать.

– Что бы я без тебя делал в этой жизни... – бормочет он укладываясь.

– Больше бы думал, – отрезаю я.

– Саш... Скажи... Я тебя тогдашнего... ну прежнего... совсем потерял?

Такая постановка вопроса ставит меня в тупик.

– Знаешь... Сейчас настала моя очередь рассказывать, а уж потом ты сам, вернее, мы вместе решим, прежний я или не прежний. Хорошо?

– Хорошо... – очень напряжённо выговаривает Ванька.

– Я начну с главного. У тебя есть племянник. Зовут его Серёжа. Ему полгода.

– У тебя появился сын!

Не могу не посмотреть на его реакцию. У него счастливое лицо!

– Сашка! Это же здорово! Знаешь, после того как я повозился с маленьким Колькой, я понял: дети – это прекрасно!

– Ты это серьёзно говоришь? – я реально опешил от того, что вижу и слышу.

– Абсолютно! Ты удивишься, но я так этому рад! Меня всегда грызло, что, занимаясь только мной, ты не имеешь семьи и детей, – смущённо говорит он и добавляет: – Я же понимаю, что моя реакция тогда, в спортзале, на твою подругу у тебя отложилась...

Однако... Он сказал то, о чём я думал.

– Мы с Дашей познакомились, когда ты был в Булуне пер-

вый раз. Я ничего тебе не говорил, потому что не знал, как ты на всё это отреагируешь, действительно памятуя мою историю с Ниной. Прости меня... Она родила, когда мы были в Булуне второй раз.

– Она тебя любит?

– Да. Но жить со мной пока не хочет. Говорит, мы с ней оба сильные люди, и дальше – про возможность вулканической жизни таких людей на одной площади.

– А ты её? – совсем напряжённо спрашивает Ванька.

– Люблю. Только понимаешь... Ты мне снился, даже когда тебя не было рядом. И сейчас снишься! А её во сне я видел, может, раз-другой... Я тебе ответил?

Он сосредоточенно молчит, и я не знаю, как это толковать. И вдруг...

– Саш... Ты не жалеешь, что когда-то со мной связался? Только честно!

– Ты действительно идиот, Ванюха. Идиот с куриными мозгами, – сгребая его в охапку. – Братишка... У нас с тобой всё на генетическом уровне. Пуповина какая-то...

– Сашка, я тебя очень люблю, – бормочет он. – Ты мне покажешь племянника?

– Обязательно. Пусть он познакомится со своим дядькой.

– Саш... А мы сейчас вместе? Это так?

– Это так. Мы вместе, и мы с тобой – семья.

– Тогда прошу тебя: забудь про мои глаза там, в Булуне! Ты – мое всё! Больше у меня никого нет, да и вряд ли будет.

– И ты моё всё... Это правда. А будет или не будет... Жизнь долгая. А сейчас давай-ка, «мое всё», на горшок и спать! А я перекурю – и тоже.

* * *

Сам себе хвастаюсь: почитав литературу, правильно определил необходимые витамины, которые должны сопутствовать антибиотикам. Анастасия Ивановна, которой я звонил, согласилась с моим выбором. Сейчас делаю Ваньке очередную порцию уколов.

– Ты меня уже всего исколол, – ворчит он, подставляя нужные места. – Как я потом сидеть-то буду?

– Я же тебе грелку даю, чтоб там всё рассасывалось. Так что терпи. Ещё пара дней, и, наверное, всё закончится. Отвезу тебя...

– На кладбище? – перебивая меня, радостно спрашивает братишка.

Ну вот... Как только стало легче, он не упускает возможности меня подколоть.

– Идиот! На рентген я собрался тебя везти. В свою академию.

Я действительно попросил Юрия Степановича договориться с пульмонологией насчёт рентгена и общего осмотра Ваньки специалистом.

– А, я понял! – и сияет. – Таким путём ты хочешь прове-

ритель, есть ли у меня мозги. Давай. Просветили, а там – пусто! Во класс! И с меня взятки гладки!

– Иди ты!

– Извини... Не могу... Я в бессрочном отпуске и вообще сменил профессию, – блаженно улыбается, понимая, что сегодня все его шутки проходят на «раз».

Махнув рукой, иду подогреть ужин. Появляется Ванька, завёрнутый в одеяло.

– Саш, ну давай я чего-нибудь поделаю. Что ты всё сам да сам...

– Самое лучшее, что ты можешь сделать, – это лечь обратно в кровать.

– Я нормально себя чувствую. Ты же сказал, что хрипов не слышишь.

– Это я сказал. А надо, чтобы тебя ещё посмотрел пульмонолог.

– Пульмо... кто?

– Пульмонолог. Это, если можно так сказать, лёгочник.

Да... Видно, братишку сегодня так просто не унять. Стоит с заумно-хитрым видом.

– Понял. Значит, лор – это ушник, окулист – это глазник, пульмонолог – это лёгочник, гинеколог... Саш... А как гинеколог по-русски будет? – звучит невинно.

– Ты сам уйдёшь, или тебе дать пинка в твою исколотую жопу?

– Ухожу, ухожу... – пятясь к двери, он хихикает.

– Правильно делаешь, что пятишься, – мне уже самому стало весело. – А то смотри... Шприцы у меня здесь, на кухне.

– Всех жоп не переколешь! – гордо восклицает Ванька и скрывается в комнате.

Какое-то время всё спокойно.

– Саш... – раздаётся из комнаты. – Тебе кто твою бухгалтерию сейчас делает?

– Угадай с трёх раз, – отзываюсь я.

– Тут и угадывать не надо. Давай-ка, неси всё мне. Займись.

Это просто отдушина! Если братишка этим займётся, то у меня освободится время.

– Спасибо тебе, Ванюха! – кричу из кухни. – Ты даже не представляешь, насколько ты меня выручишь. Мне ведь надо ещё очень много учить и сдавать.

– Представляю, – со вздохом отвечает он. – Потому и предложил.

После нашего ночного разговора Ванька повеселел. Я это вижу и очень рад тому, что он потихоньку становится прежним.

Мы в пульмонологии больницы академии.

– Когда, говорите, у него началось воспаление? – спрашивает заведующий этим отделением, тоже профессор, просматривая заключение рентгенолога.

– Недели две назад.

– Странно... – бормочет заводителем, снова прослушав Ваньку. – У него всё чисто... Ну-ка, подышите интенсивно.

Он дышит полной грудью.

– М-да... Постойте... – профессор внимательно смотрит на меня. – Это что, вы тот самый... Александр Елизов? Ну мне говорили... И Сергей Петрович говорил как-то...

Вид у него такой озадаченный, что мне становится весело.

– Не знаю... Наверно, тот самый, – не могу подавить улыбку.

– Ну вы ещё у нас в академии на экстернате. Да?

– Да. Сдаю потихоньку.

Завотделением наконец улыбается и протягивает руку.

– Меня зовут Николай Васильевич. Поздравляю, коллега. Ваш больной – не больной. Я, конечно, слышан, но все эти методы... И всё-таки поздравляю!

На всём пути обратно к машине Ванька странно молчит и всё поглядывает на меня.

– Что ты смотришь? Скажи что-нибудь! – не выдерживаю я.

– Уважуха... – произносит он. – В какой-то степени я даже завидую.

– А ты почаще болей, так я на тебе ещё лучше натренируюсь.

– Нет, Сашка... Я завидую, потому что мне тоже очень хо-

чется заниматься тем, что мне интересно. Не зря же я учил-ся! Только где работу найти?

– Так ищи! Теперь ты здоров и можешь этим заняться. Только завтра мы с тобой одеваться поедem. Ты же у меня опять раздетый, а тебе нельзя мёрзнуть.

– Понял... – и заявляет ехидно: – Настанет и мой час. Ты посмотри, как сам-то ходишь. Чуть ли не бомж. Устроюсь, заработаю и тоже буду тебя таскать за шмотками.

– А я не возражаю.

– Слушай, а давай сегодня отпразднуем?

– Ну тогда едем в супермаркет!

...Сидим с Ванькой на кухне и празднуем.

– Ну, за твоё возвращение, хоть и запоздало... – и поднимаю «нашу» рюмку.

– Угу... – он неуверенно кивает. – Только я сам ещё не понял, вернулся ли, а если вернулся, то куда и кем? Знаешь, когда я болел, а ты, бедняга, пытался один поспеть по всем делам, оставляя меня одного, мне оставалось только лежать и думать. Думать о нас с тобой... Понимаешь, мы оба за это небольшое время стали совсем другими! Мы изменились, Сашка. И наверное, к сожалению, возврата к прежнему состоянию быть не может! Тогда, давно... ты окружил меня такой заботой, таким теплом, что действительно стал мне всеми утраченными родственниками в одном лице. Чисто подсознательно я воспринимал тебя как любящую няньку, что ли... Ты меня тогда просто упаковал в ласку и тепло. Я каж-

дый момент чувствовал тебя рядом, даже если ты был где-то. Но я же всё это сам и сломал там, в Булуне... – это говорится очень взвешенно и с нотками горечи.

– Ты хотел бы вернуться к тому состоянию?

– Не знаю... – Ванька поднимает на меня глаза. – То состояние требовало от меня меньшего. Сейчас же всё по-взрослому. Но это и справедливо! Так и должно быть! И вместе с тем, Сашка, мне порой хочется прижаться к тебе и так стоять, стоять... Я так жажду твоего тепла!

Надо же! Прозвучало именно слово «жажду»...

– Оно от тебя никуда не делось и не денется, хотя и я тоже изменился. Теперь есть Даша, есть мой сын... Может, тебя именно это смущает?

Задавая этот вопрос, ощущаю в себе некоторый напряг.

– Как ты мог такое подумать? – звучит укоризненно. – Я готов всем пожертвовать ради твоего душевного комфорта и покоя. Ты это заслужил. Я в этом убеждён!

Чокаемся и пьём. Какое-то время сидим молча. Ясно, что все эти вопросы Ваньку грызут давно и он не может найти на них ответы. А я тоже их не знаю.

– Саш, – нарушает он это молчание, – я снова спрошу тебя о том же. Скажи мне честно, ты сможешь быть со мной прежним?

– Тебе это действительно необходимо? – отвечаю я вопросом на вопрос.

Задумывается, и молчание длится долго. Понимаю, что

это наверняка последние брызги его прошлой жизни. Убеждён в необратимости происшедших в нём изменений!

– Я тебя очень люблю, Ванюха, как самого близкого мне человека, – не дождавшись ответа, прекращаю паузу. – Это совсем не потому, что ты мой брат, а потому, что это – ты! Ты же сам сказал, что мы с тобой изменились. Давай принимать это как данность. И твоя выходка в Булуне здесь совсем ни при чём. Свету можно даже поблагодарить. Она повернула тебя на правильные рельсы, открыв по сути новый мир. Согласен?

Он молча задумчиво кивает.

– Ты действительно вернулся. Вернулся, потому что ты тоже... «моё всё». Ты должен знать, что я люблю тебя и никогда не позволю ничему плохому с тобой случиться. Это я тебе говорю как старший в тандеме.

– Понял, – опять кивает и продолжает: – Но и ты должен знать, что и я очень тебя люблю и никогда не позволю ничему плохому с тобой случиться. Говорю тебе это как младший в тандеме. Я за тебя отвечаю не меньше, чем ты за меня. Так и знай! – делает паузу и с улыбкой меняет тему: – Короче, когда ты мне племянника покажешь?

– Как с Дашей договорюсь...

– Если честно, то я этого жду с нетерпением, – и опять меняет тему, подводя своеобразную черту: – Ты обратил внимание, что мясо я сделал совсем по-другому?

– Не знаю... Мне очень нравится.

– На тебя только продукты переводить. По-моему, даже если тебя кормить каждый день одним и тем же, ты этого не заметишь, – звучит ехидное замечание.

Теперь, когда братишка пришёл в норму, я наконец могу спокойно заняться другими делами. Пришлось снова составлять на работе рваный график, поскольку начались практические занятия по травматологии. Этому по книжкам не научишься и экстерном не сдашь. Интересная штука! Например, те же кости, которыми я раньше занимался на интуитивном уровне. Теперь я учусь их совмещать после перелома и ставить гипс. Ещё много другого – и тоже интересно. Причём интересного настолько, что я упрямил преподавателя задержаться со мной и закидал его разными вопросами. По-моему, это его даже порадовало. Всё-таки заниматься тет-а-тет куда приятнее и полезнее, нежели в толпе.

А насчёт Ваньки... Сейчас главное – помочь ему встать на ноги. Если он почувствует себя сколько-нибудь значимым в этой жизни, то сразу должна измениться его самооценка, а значит, возможно, и энергетика. Забавно... Это даже похоже на эксперимент.

Захожу в квартиру. На кухне вовсю шкворчит, ведь Ванька там воцарился снова.

– Ну, чего у тебя? – интересуюсь из прихожей.

– Да опять непруха! – ворчит он. – Обошёл три фирмы, и везде вежливый отказ.

– Слушай, Ванюха, а может, тебе начать готовиться в университет? Голова у тебя варит, надо высшее получать!

– Сашка... Дорогой ты мой... – подходит и заглядывает мне в глаза. – Я больше от тебя жертв не приму. Стыдно мне! Понимаешь?

– Ну какие там жертвы... – даже не знаю, что ему ответить.

– А такие! Ты что, будешь вкалывать на пяти работах и тянуть взрослого обалдуя? Не забыл случаем, что у тебя теперь есть Даша и Серёжа?

– На всех хватит, не волнуйся, – бурчу я.

– Нет, Сашка... Я буду учиться вечером, а днём буду работать! Я найду работу!

* * *

– Саша, – заведением останавливает меня в коридоре. – Сергей Петрович хочет с вами встретиться и поговорить о ваших успехах.

– Да какие там успехи! – машу я рукой.

– Вы неправы. Если поставить опыт на двух пациентах, где одного оставить контрольным, то есть лечить его традиционно, а другого будете лечить вы, сроки и качество исцеления будут в вашу пользу. Я исподволь сравнивал.

– Юрий Степанович! Теперь я отвечаю вам как представитель точных наук, то есть как инженер. Опыт, о котором вы

говорите, в любом случае будет, если хотите, нестрогим. Разные организмы, разное течение болезни. Для большей строгости вам пришлось бы взять двух клонов.

– Знаете, Саша, вы рассуждаете, как учёный, – он говорит задумчиво, – Может, поэтому мне с вами и интересно. Но всё-таки найдите время и позвоните ректору.

А что я, собственно, сделал в этой больнице? Если честно признаться, то у Кирилла Сергеевича мне было интереснее, потому что там были разные случаи и обстановка была доброжелательная. Здесь я тоже работаю увлечённо, и кажется, мои пациенты относятся ко мне очень тепло, но не могу понять, чего тут не хватает. За почти пять месяцев работы я всерьёз попользовал только шестерых. Остальные были как-то не так... Правда, результаты, наверное, неплохие. Даже тот самый охранник, которому я лечил простуду, долго жал мне руку и говорил, что практически сразу поправился. Но всё равно...

В кабинете Сергей Петрович предлагает сесть за отдельный стол.

– Это чтобы мы не разговаривали как начальник с подчинённым, – поясняет он. – Должен вам сказать, Саша, что я распорядился докладывать мне о ваших делах. Поэтому наслышан. Всё на «отлично» – это прекрасно! Мне даже рассказали, как вы мучили вопросами вашего преподавателя по травматологии.

– Извините... Мне было очень интересно.

– Так это же и хорошо! Повторяю: если хотя бы половине наших студентов было интересно так, как вам, у нас были бы лучшие в мире врачи. Короче – так держать! Кстати, на Николая Васильевича вы тоже произвели впечатление.

– В пульмонологии?

– Да. Не хотите поменять специализацию? – ректор, шутя, хитро прищуривается.

– Знаете, если я пациенту для лечения буду предлагать спать с собой в обнимку, то думаю, меня неправильно поймут.

Сначала смеёмся вместе, а потом Сергей Петрович становится серьёзным.

– А вот с этого места прошу поподробнее.

Рассказываю, как лечил Ваньку своим полем, лёжа с ним рядом. Рассказываю про маленького Вовку. Про свои умозаключения на эту тему.

– Слушайте, опять вы меня удивляете. А Ваня – это тот, о ком писал Кирилл?

– Да, это он, мой сводный брат по отцу.

– Ну и как он сейчас себя чувствует?

– По здоровью – нормально. Снова гантели стал таскать, а вот с его настроением – проблема. На работу устроиться не может. Он программист. Колледж закончил. Хочет поступать в университет на вечерний. Думаю, из него толк выйдет. Серьёзный парень.

– Серьёзный, говорите... А на работу устроиться не мо-

жет. Ну и времена нынче! – ректор вздыхает и неожиданно бросает: – А давайте его к нам, в академию? – и видя мой непонимающий взгляд, объясняет: – Мы начали создавать у себя корпоративную сеть, и ваш Ваня может пригодиться. Устроит это его? Зарплаты ведь у нас не ах...

– Конечно, устроит! Ему бы хоть зацепиться!

Меня охватывает радостный энтузиазм, оттого что есть возможность пристроить Ваньку. И не просто пристроить, а дать ему возможность поучаствовать в деле с самого начала. Более чем уверен, что потом у него всё получится. Может, я опять в будущее заглядываю? Ведь моя уверенность, как мне кажется, проистекает не от головы...

Влетаю в квартиру.

– Вань! Ванюха! У тебя есть работа!

– С чего это вдруг ты так решил? – недоверчиво спрашивает он из кухни.

– На! – я протягиваю ему листок бумаги, где написано, куда и к кому Ваньке надо завтра подойти в академии. – Сам ректор написал! У них там корпоративная сеть создаётся. Так что ты сможешь с самого начала...

Коротко рассказываю Ваньке про встречу с Сергеем Петровичем.

– Сашка... Спасибо! Всё! Завтра с утра бегу туда! – поднимает на меня глаза и так ехидненько заявляет: – Теперь по очереди на кухне дежурить будем... А?

– Тебе же хуже, если я снова займусь готовкой! – отвечаю

ему в тон.

– А вот об этом я не подумал... Я же гурман! – смеётся братишка.

Вместе с Дашей и Серёжкой гуляем. Я качу коляску, а Даша держит меня под руку.

– Ой, Сашка... Хорошо-то как! – и прижимается к моему плечу.

– И мне очень хорошо.

– Ваня-то как? Устроился?

Мне приятно, что она проявляет интерес к Ваньке. Я о нём ей много рассказывал. Даже про его неудачный роман в Булуне.

– Да. Уже целых четыре дня работает. Аж светится весь! Вечерами там сидит. Ему сейчас всё в охотку. Истосковался.

– Я очень рада и за него, и за тебя. Ещё одну проблему тебе удалось разрулить.

– Дай бог, не последнюю. Без проблем жизнь пресна и тосклива.

– Я тоже так думаю, но большого количества проблем тебе не желаю. Вообще займись наконец собой! Отощал, осунулся... Если ты мне своего брата представишь, я ему накажу, чтобы за тобой следил, – со своей замечательной улыбкой говорит Даша.

– А ведь Ванька всё просит ему племянника показать. Разрешешь?

– Я не против. Как-нибудь приезжайте вместе. Заодно и познакомишь меня.

...Сегодня суббота, мой день дежурства по кухне. Ваньки не видно и не слышно. Вернее, слышно только, как клавиши компьютера щёлкают. Заглядываю в комнату и вижу затылок и слегка ссутулившуюся фигуру. Балдею от вида работающего братишки. Он резко переменился. Энергия бьёт ключом. Таскает работу домой и сидит вечерами. Парень ловит кайф от востребованности. Моя бухгалтерия аккуратно лежит стопочкой на том же столе, где он работает. Подхожу и забираю документы, чтобы заняться самому.

– Так! А ну-ка положил на место! – тихо приказывает Ванька, не отрываясь от клавиатуры.

– Ванюха, у тебя же нет времени, – оправдываюсь я.

– А вот это уже я сам разберусь! Понял? Я сказал, что буду тебе в этом помогать – значит, буду. Давай, давай... Клади назад! – он сам берёт бумаги из моих рук и кладёт на место. – Кстати, обедать когда будем?

Я понимаю, что попал. Это действительно мой брат. Те же гены. Он тоже умеет командовать, когда это нужно. С этим надо считаться. А вообще-то это здорово!

За обедом рассказываю Ваньке про гуляние с Серёжкой и про приглашение Даши.

– Ну как? Съездим?

– Отлично! Только без подарков не поеду. Надо обязательно что-нибудь купить.

Даша гуляет с Серёжкой подальше от своих окон, чтобы отец не увидел нашей встречи. Он до сих пор меня видеть не хочет. Не знаю, как выстраивать с ним отношения.

Подходим. Она медленно катит коляску.

– Привет! – я слегка обнимаю её и целую.

– Здравствуйте... – осторожно здоровается Ванька.

– Ой, здравствуйте! – Даша улыбается и, увидев в его руках цветы, которые выбирал он сам, всплёскивает руками. – Спасибо!

– Тут вот Серёже ещё... – смущённо бормочет братишка, показывая свёрток.

– Ну и подари племяннику! Сам! – предлагает она.

Вынув из полиэтиленового мешка, он протягивает Серёжке ярко-красную погремушку, которую долго и придирчиво выбирал, всё мне объясняя про китайские вредные игрушки, которые дети суют в рот. Требовал сертификат... Дальше происходит невероятное. Серёжка, отдав должное погремушке, улыбается и тянет к нему обе ручонки!

– Он что? – оторопело оборачивается Ванька к Даше.

– Просит, чтобы ты взял его на руки. Я такого ещё не видел. Он улыбается!

Она, видимо, тоже озадачена Серёжкиным поведением. У меня на руках сын сидит спокойно, но сам не просится. А чтоб он улыбался, я вообще вижу в первый раз.

– Давай, если ребёнок просит! – подсказываю я.

Братишка осторожно вынимает малыша из коляски и бе-

рёт на руки. Серёжка тут же начинает трогать за воротник Ванькину куртку, мочку его уха, тычет пальчиком в нос.

– Бы!.. Бы!.. – повторяет он при этом.

– Что бы это могло значить? – спрашиваю я Дашу.

– Думаю, что Ваня ему понравился больше, чем мы с тобой, – с улыбкой объясняет она. – А если человек ребёнку сразу понравился, то это ему лучшая характеристика.

Ванька, наверное, этого и не слышит, потому что всюду занимается племянником. Даёт ему подержать свой палец, целует в нос... Короче, они довольны друг другом.

Едем обратно, домой. Ванька сосредоточенно молчит, сидя на правом сиденье.

– Ты чего погрустнел? – интересуюсь я.

– Классный у вас сын. Так бы всю жизнь и таскал его на руках. Я даже Светиново Кольку вспомнил. Так мне приятно с детишками возиться!

– Так сделай своего.

– Сашка... Ты же всё знаешь! Когда ещё у меня кто-нибудь... случится... – он грустно вздыхает. – Ну как я определю, что не ошибся? Я уже понял: вероятно, есть женщины, которые не созданы для семьи. Света, например. А Даша... Она совсем другая!

– Откуда ты знаешь? Ты же её видел только час, да и то всё время с Серёжкой занимался. Кстати, ты точно ему очень понравился.

– Насчёт Даши я сразу всё понял. А Серёжка... Я уже его

люблю. Ты меня иногда бери с собой, если можно...

– А чего ж нельзя! Можем и вместе ездить.

– Знаешь, как мне хочется иметь сына или дочку... Чувствовать ручонку, которая держит твой палец. Держать за эту ручку, когда дитё топаёт рядом. Знать, что, когда ты придёшь с работы, на тебя влезут и будут играть с тобой в лошадки...

Теперь молчу я, ведь мне это тоже недоступно. Даша не хочет, чтобы мы жили вместе. Да и Ванька как же? Да, разбередил братишка своими мечтаниями...

Сегодня наступит Новый год.

К Даше и Серёжке мы с Ванькой уже съездили и поздравили. Я был в роли пассажира. Ох и натерпелся! Старался не показывать своих впечатлений от его езды, чтобы он не закомплексовал. Подарили подарки, шампанское. Дома позвонили Кириллу Сергеевичу в Булун и тоже поздравили. Сейчас трудимся на кухне. Командует, конечно, братишка.

– Ты можешь резать мельче? Это же салат, а не суп! Ох, Сашка... Сколько тебя учить? Если бы ты так постигал свою медицину, то я бы тебя к больным на пушечный выстрел не подпустил! Ты – кухонный коновал! Понял?

– Согласен быть коновалом, но только на кухне. Так что терпи! Перед курантами поднимаем рюмки с водкой.

– Ну, Ванюха... Ещё один год прошёл. И снова... трудный.

– Да уж, – со вздохом соглашается он. – Саш, давай не будем вспоминать то плохое, что было в этом году. Хорошо?

– Вообще-то я и не вспоминаю.

Хрустальные рюмки приятно звенят...

– А вот когда шампанское из стекла будем пить, то звук будет, как у морских камушков под водой, – задумчиво улыбается Ванька. – Родители меня возили в детстве. Пока живы были... Жаль, в этом году я так и не приезжал на кладбище.

– Я там был. От тебя цветы положил.

– Сашка... – он выдыхает, замолкает и только смотрит на меня своими глазищами. Грудь у него ходит ходуном – вот-вот разрыдается. Подхожу к нему и обнимаю...

Под куранты открываю шампанское.

– Ну, Ванюха, с Новым годом!

– С Новым годом, Сашка! Пусть в этом году Бог убережёт нас от потрясений!

– Точно. Не хотелось бы... повторений, – ворчливо соглашаюсь я, хотя и понимаю, что жизнь штука такая, что никогда не знаешь, где она тебя с размаха припечатает к какой-нибудь стенке.

* * *

Странный у меня пациент. Вроде лечу ему позвоночник, но вижу тёмное пятно в районе лёгких. Оно совсем не такое, как я привык видеть при всякого рода воспалениях, и именно это пятно втягивает мои пальцы, мои руки... Чуть не всего меня самого. Ещё даже и холод оттуда... Дышит он плохо,

и цвет его лица какой-то землистый. Так устаю после него! Сил никаких нет. Пытаюсь восстановиться, как это делаю обычно, и не получается! Что-то тут не то. Даже страшновато. И интуитивных подсказок я никаких не ощущаю, кроме неосознанного страха.

Еле еду. О-ох... Будто что-то навалилось. Скорее бы наш двор. Надо парковаться. Не могу... Иначе, чувствую, до дома не доберусь. Ага... Сигнализация... Что же лифт так ползёт... Такая тяжесть... И холод... Как ватный весь... Ноги подгибаются. Скорее бы... наш одиннадцатый этаж... О-ох... Нажимаю кнопку звонка. Ключи достать сил нет.

– Сашка! – Ваньку вижу как в тумане.

– Ваню... ха... О-ох-х... Плохо...

Пол летит на меня... Видно, братишка меня всё-таки поймал...

– Сашка... Что с тобой? Скажи хоть слово!

Сказал бы, если б мог. Только язык будто примёрз. Он тянет меня в комнату. Проваливаюсь... Темнота... Душно!

...Открываю глаза. Сквозь пелену вижу Ваньку. Холодно...

– Сашка... Ну скажи что-нибудь...

– Холодно...

– Ты же не дышал почти совсем! Белый весь... Что с тобой? Ну скажи же!

– Плохо... мне... Очень...

Опять наваливается такая тяжесть! И себя я не чувствую.

– Плохо... Помираю я, похоже... Ухожу...

Свой шёпот слышу будто со стороны. Такой безразличный...

– А вот хрен тебе! – неожиданно зло выкрикивает братишка. – Не отпущу! Ты меня спросил?! Не отпущу! Понял? – наваливает на меня всё, что можно. Приоткрыв глаза, я вижу, что он стоит в растерянности. – Я сам буду тебя греть!

Лезет под все покрывающие шмотки ко мне. Так, прижал... Он тёплый... Опять куда-то проваливаюсь. Темно... Ничего не вижу. Что же со мной? Как мне тяжело! И холодно... Надо соображать. О-ох... Думай, голова, думай... Похоже, заигрался я с энергетикой. Это не совпадение... с этим больным... Так там же рак! Точно! Мои руки так втягивало... И невозможно было накачать... Пытаюсь открыть глаза. Всё плывёт...

– Сашка... Что я могу сделать? – братишка заглядывает мне в глаза и вдруг решительно: – Я буду звонить Юрию Степановичу! Где его телефон?

– В книжке... – и опять проваливаюсь.

...Рука на лбу. Какие веки тяжёлые...

– Саша... Что с вами? Что чувствуете? – кажется, это Воронов. Запах какого-то лекарства. Видимо, уколы...

– Холодно... Темно...

– Ваня, наполняйте все пластиковые бутылки, какие есть, горячей водой и обкладывайте его. Быстро! Пульса почти нет. Надо ещё адреналин колоть!

Теплее стало...

– Юрий Степанович... Коха надо сюда... – бормочу я. – Илью... Анатольевича... Коха... Телефон в книжке...

Опять проваливаюсь...

– Саша, ты меня слышишь? – звучит знакомый скрипучий старческий голос.

– Да... – и опять проваливаюсь. Пытаюсь открыть глаза. Не могу...

– Вот до чего себя довёл... – доносится до меня. – А силища-то какая у него! И всё поле в дырах. Не уберётся... Хорошо, я того отключил. Ведь так и вытягивал...

Что-то странное со мной творится. Будто летаю... Теплее стало...

– Знаете, Юрий Степанович, он, не умея почти ничего, до многого дошёл сам. Но силища какая! Без подготовки всё... Вот и образовался ток к больному. Хвост целый!

Значит, при онкологии они тянут из лекаря... по этому хвосту... Надо учесть. Может, и другие болезни?

– Ваня, давайте ему много пить. У него будет жажда. Вон губы какие сухие.

Пытаюсь открыть глаза, ведь мне уже стало легче. Туман... Силуэты...

– Смотрите, Илья Анатольевич! Глаза открыл! А ведь вы сказали, что поставили запрет! И порозовел слегка. А то, как труп, был зелёный, – слышу голос Воронова.

– Я же говорю – силища. Саша! Ты нас видишь?

– Почти... – шепчу я, пытаюсь рассмотреть силуэты.

Юрий Степанович и Илья Анатольевич... Руками водит...

– Здравствуйте... – шепчу я. – Спасибо...

– Одним «спасибом» не отделаешься, – ворчит Кох, продолжая водить руками. – Уже сутки над тобой колдую. Да и все мы тут... Вон, Ваня всего четыре часа спал за это время. Всё твое роскошное поле в дырках! Выучиться надо было сначала, юноша, а потом уже... Да ладно... Вот когда встанешь, придётся снова ко мне на уроки ездить. Чтобы по крайней мере знал, как защищаться, чтоб на себя не брать.

– Ну-ка, Саша, давайте я вас послушаю и пульс посмотрю, – Воронов садится на край тахты и начинает тыкать в меня фонендоскопом, потом щупает пульс. Почему-то у меня в голове возникают две цифры – девять и пять...

– Девяносто пять... – шепчу я.

– Да... Девяносто пять, – несколько оторопело говорит Юрий Степанович. – А откуда... Ах да! Опять вы со своим...

– Я же говорю – силища! – с каким-то вкусом произносит Кох. – Даже в таком состоянии...

– Ну сердце вроде пошло нормально. Правда, частит...

– Это от слабости, – комментирует Илья Анатольевич и обращается ко мне: – Саша, не надо мне сопротивляться. Посмотри мне в глаза, и потом ты будешь спать крепко и хорошо, – он оборачивается к Ваньке. – Ваня, вы ложитесь или садитесь рядом, спать вам сегодня, наверное, опять не при-

дётся. Надо наблюдать и слушать. Проснётся – дадите попить. Есть пока не давать! Я сейчас поеду домой, отдохну, но завтра, а вернее, уже сегодня, если будет нужно, приеду опять. Юрий Степанович, вы меня отвезёте?

– Конечно, Илья Анатольевич!

– Саша, смотри сюда!

Смотрю на Коха и вижу тёмное пятно в левом подреберье.

– У вас что-то с поджелудочной? – тем же шёпотом спрашиваю я.

– Саша! Я пришёл сюда не на диагностику! – взрывается он. – И смотреть я просил мне в глаза, а не на меня! Про панкреатит я и сам знаю. И то, что ты это даже сейчас видишь, конечно, прекрасно, но у тебя не будет никакого будущего, если ты сам не будешь лечиться, в том числе и от своих глупостей! Ясно?

– Ясно... – я вздыхаю, пытаюсь улыбнуться.

– Смотри мне в глаза. Ты лежишь на песчаном пляже... Светит яркое солнце, и ты чувствуешь, как его энергия вливается в тебя... Наполняет тебя...

Смотрю в глаза Коху. Веки тяжелеют...

– Ваня, от вас зависит всё! То, что он сейчас такой, не должно успокаивать. Всё может вернуться. Делайте всё, как я сказал. Традиционная медицина тут не поможет. В случае чего – мой телефон знаете...

Проваливаюсь, но совсем не так, как перед этим. Так хочется спать... ...Просыпаюсь. Ванька сидит рядом. Два глаза

внимательно смотрят на меня.

– Проснулся, – выдыхает братишка и вскакивает. – Давай попей... – приподнимает мою голову одной рукой, а другой подносит стакан с соком. – Твой любимый...

Пить действительно хочется. Пью жадно.

– Сколько я спал?

– Всего пять часов. Сейчас почти десять утра.

– Почему ты не на работе?

– А ты не понял? Глупеешь прямо на глазах, – едко заявляет Ванька.

Мои губы сами растягиваются в улыбке.

– Наклонись, – прошу я, понимая, что наконец-то говорю почти нормально. – Ниже... Ещё ниже... – обнимаю...

– Сашка... Я так за тебя испугался, – жалобно говорит братишка, ложится рядом и тоже обнимает. – Боялся, что ты умрёшь. Ты был зелёный! И губы синие...

– Куда же я от тебя денусь... Кто же, если не я, скажет тебе, что ты идиот?

– Никто... – и... он целует меня в лоб. – Давай спи!

– Ты тоже.

– Фигушки тебе! Я следить за тобой буду, как Илья Анатольевич велел.

– Спи! Ничего со мной больше не случится.

– Заткнись и спи!

– Затыкаюсь... – я улыбаюсь. Мои прежние слова, сказанные во время Ванькиной болезни, ко мне же и вернулись.

Просыпаюсь. Вроде голова стала на место. И вижу отчётливее.

– Сашка... Хочешь пить? – Ванька наклоняется надо мной.

– Хочу встать.

– Фиг тебе! Зачем?

– А ты потом кровать сушить будешь? – ехидно отвечаю я вопросом и командую: – Давай помоги...

– Ну ладно... А вообще могу надеть тебе подгузник. Один ещё от меня остался.

– Иди ты... вместе с подгузником, – беззлобно ругаюсь я и пытаюсь встать сам.

– С подгузником – это извращение, – догадывается Ванька о смысле недоговорённой фразы. – Обопрись на меня...

Идём от сортира обратно. На кровать почти падаю. Слабость страшная. Смотрю на братишку. Синие круги под глазами. Сколько же он не спит? Сутки? Двое? Больше!

– Тебе надо поспать, Ванюха...

– Ничего. Я засну, а ты мне тут коньки отбросишь... – ворчит он.

– Теперь уже не отброшу.

– Нет уж! Илья Анатольевич велел – значит, нельзя! – сказал, как отрезал.

Понятно. Добром не удастся. Придётся идти на хитрость. Вдруг получится? Как это Кох со мной проделал? В глаза смотреть... Но надо осторожно, чтоб не догадался.

– Ладно, – говорю я примирительно. – Давай рядом ляжем. Хоть полежишь.

Послушно ложится рядом. Поворачиваюсь и внимательно смотрю ему в глаза.

– Родной мой, – шепчу я, стараясь не отпустить взгляда. – Спи, мой хороший... Всё теперь будет хорошо. Спи спокойно. Спи, ну пожалуйста...

Ванькины глаза медленно закрываются. Получилось! Пусть отдохнёт.

А теперь можно заняться собой. Как это Кох там говорил... Песчаный пляж... Яркое солнце... Его энергия вливается в меня... Больше... Больше... Ох... Спать хочется...

Жёстко послал Ваньку на работу, хоть и понимаю, что у него неприятностей не будет. Через Юрия Степановича он передал начальнику про причину своего отсутствия.

Слабость обалденная! Тело ватное, и когда надо встать, делаю это с трудом. Вот – лежу, накачиваю себя энергией и думаю. Братишка поехал на работу на моей машине. После того как он сам привёз сюда Илью Анатольевича, у него появилась уверенность в себе. Лишь бы не было самоуверенности. Да и вообще, не зря же парень права получал!

Понимаю Ваньку, который во время болезни лежал и думал. Это так здорово, когда никуда не нужно торопиться. Мысли текут спокойно...

Ванька... Как он испугался, бедняга, когда мне поплоче-

ло. Испугался, что я его покину и... перейду в лучший из миров. А ведь когда мы оплакиваем ушедших от нас дорогих людей, мы на самом деле оплакиваем не их, а самих себя. Нам жалко себя. Мы не думаем о том, что этим людям в том, другом мире будет наверняка лучше, чем в нашем беспокойном здешнем. Тогда, в первый момент, мы теряемся и не знаем, как нам без них жить. То есть фактически оплакиваем своё внезапно наступившее сиротство. Это потому, что любой из нас по сути своей – эгоист, в большей или меньшей степени. Так и Ванька... А как я могу его бросить? Как я могу бросить дорогого мне человека, за жизнь и судьбу которого я принял на себя ответственность, когда он действительно осиротел.

Братишка мой... За эти годы я прикипел к нему, можно сказать. Нам достаточно просто обнять друг друга, чтобы понимать, что мы вместе. А как он поощряет мои отношения с Дашей! Слава богу! Он стал другим, нормальным. Это же прекрасно!

Щёлкает замок входной двери. Появляется Ванька.

– Что-то ты рано, – подаю я голос с тахты.

– Меня отпустили. Пришлось, правда, взять кое-какую работу домой. Ну как ты?

– Слабость... Если честно, только до сортира и обратно. На большее сил нет.

– Я тебе покажу – большее! – он шутливо грозит мне кулаком. – Теперь ты у меня в руках. Теперь я командую! Сей-

час вот тебя кормить буду. Небось проголодался?

Забавно так! Ванька освоился с ролью сиделки и, видимо, страшно этим гордится.

– Спасибо тебе, Ванюха. Мне так приятна твоя забота.

– То ли ещё будет! – он польщённо улыбается.

Пацан... Это я любя.

Братишка сидит и работает. Работает он очень увлечённо. Молодец! Лёжа на тахте, наблюдаю. Глаза слипаются... В сон тянет – значит, так и нужно. Буду спать.

Просыпаюсь. Ванька по-прежнему сидит за столом. Сколько я спал? Два часа. Чёрт возьми! Я же должен был поехать к Даше. Съездил... А деньги-то ей нужны!

– Вань, слушай... Мог бы ты съездить к моим? Деньги нужно отвезти. Ты вообще как сегодня до работы доехал?

– Нормально. Только один раз забыл на четвёртую перейти. Так и ехал весь квартал на третьей. У светофора спохватился.

– Ничего, придёт со временем. Так съезди, пожалуйста...

Ванька уехал к Даше. Хоть это сделаем.

Звонит телефон. Хорошо, он его около меня оставил!

– Ну как ты, Саша? – звучит в трубке голос Ильи Анатольевича.

– Слабость сильная. Ходить почти не могу.

– Ничего, через пару дней ты должен восстановиться. Следующий раз будешь знать, как к онкологическим соваться.

– Неужели это совсем бессмысленно? – задаю я интересу-

ющий меня вопрос.

– Практически. Мы при встрече с тобой об этом поговорим. Вот поднимешься – чтоб снова раз в неделю приходил ко мне. Понял?

– Понял, – и благодарно вздыхаю.

Опять звонок! Дорвались они там, что ли? Наверное, Воронов.

– Здравствуйте, Саша. Как самочувствие?

Точно – он!

– Здравствуйте, Юрий Степанович. Хреновато. Только до туалета добираюсь.

– Ну а сердце, пульс?

– Пульс семьдесят, сердце ровное, – докладываю я, прислушиваясь к собственным процессам.

– Ясно... А вашего пациента я выписал. Там действительно онкология четвертой степени. Вы, да и никто другой по нашей специальности ему помочь не сможет. У него все лёгкие поражены. Вот так! Делайте выводы.

– Юрий Степанович, там у Ваньки неприятностей из-за этих трёх дней не будет?

– Я специально связался с его начальником. Между прочим, без вас догадался, – добавляет он язвительно. – Могу вас поздравить – о вашем брате все говорят только очень хорошо. Сказали, что парень с мозгами и усердием. Это, наверное, у вас фамильное.

Опять звонок! «Даша звонит...» – проносится в голове.

Беру трубку.

– Сашенька, здравствуй, – слышу я действительно голос Даши и понимаю, что дважды предсказал себе абонента. – Доигрался ты всё-таки со своей энергетикой! Ваня мне рассказал, как тебя откачивали.

– Ничего... Вон, великие врачи себе чуму и оспу прививали.

– Он ещё шутит! – возмущается она. – Ты за нас с Серёжей отвечаешь. Ты про это помни, пожалуйста, когда следующий раз экспериментировать захочешь.

– Ты всё-таки меня извини. Я постараюсь приехать через неделю. Думаю, что тогда уже поправлюсь.

– Ладно, поправляйся! Ещё хотела сказать: у тебя отличный брат. Ваня очень внимательный и добрый парень. И ещё очень заботливый.

– Это у нас семейное.

Ванька приезжает сияющий.

– Ой, Сашка! Серёга такой классный мальчишка! Опять меня за нос трогал. Сказать что-то всё хочет! Я ему говорю, скажи – дядя, а он – то бы, то ги...

Так приятно, что ему нравится мой сын. Надо его женить. Вот отец золотой будет!

...Хожу по квартире. Слабость ещё чувствуется, конечно. Хорошая у меня была встряска! Надо делать выводы. Моя энергетика, конечно, восстанавливается, но как-то слишком медленно. Правда, сегодня только четвёртый день после мо-

его приключения. А у Ваньки-то, как стал работать, и настроение поднялось, и энергия ощутимо выросла. Я ведь, не привлекая внимания, измерил его поле. Значит ли это, что от душевного состояния зависит и энергетика? Вот когда у человека хорошее настроение, то он говорит: «Летаю, как на крыльях». Мне, естественно, тоже знакомо это состояние. И ведь всё тогда удаётся! Получается, что если человек стимулирует у себя хорошее настроение, то он стимулирует свою энергетику. А хорошее настроение нам создают приятные для нас события... Значит, надо их самим себе создавать! И вообще надо во всём искать позитив! В любом плохом есть что-то хорошее. Надо только найти это хорошее и на нём сконцентрироваться. То есть – «Улыбайтесь, господа!» Но ведь тогда все станут обычными янки. Эти как раз скалятся всегда, но я что-то не слышал про такие их супервозможности.

Уф-ф... Устал я от этой смеси психологии с философией. Спать хочется... Надо приводить себя в порядок, пока не началась сессия. Хорош я буду в таком состоянии!

* * *

Моя сессия завершилась. Поскольку экзамены я сдаю в семестре, то в сессионное время выполнял практические задания. Например – резал трупы в анатомичке. Любопытное занятие. Уверен, ни одна, даже очень хорошо иллюстриро-

ванная книга по анатомии не сможет сравниться с анатомическим театром. Правда, запашок... Ещё всякие химические опыты, которые теоретически не сделаешь. Все труды мне зачили, как первые два курса.

Возвращаясь домой, неизменно вижу Ванькин затылок. Смотрю и радуюсь его увлечённости. Ещё и какую-то халтуру нашёл для поддержки штанов. В общем – молодец!

– Саша, из-за эпидемии гриппа в ночь с пятницы на субботу некому дежурить по отделению. Вы бы не могли помочь? – просит Воронов и добавляет: – Вы ведь после сессии теперь уже официально студент третьего курса. Почти врач.

– Могу, конечно! – я соглашаюсь, хотя и не представляю, как справлюсь.

...Собираюсь на ночное дежурство.

– Ванюха, сегодня ты будешь ночевать один. Я дежурю в больнице, – сообщаю Ванькиной спине.

– Да? Ладно... – и дальше молотит по клавиатуре компьютера.

Вот так... Настолько увлечён, что наверняка даже не заметил, как я ушёл.

Я первый раз так поздно вечером на отделении. Днём бываю в палатах, делаю то, что нужно, а тут мне кажется, что надо пройти и посмотреть на всех больных.

– Саша, вы не волнуйтесь, работы, думаю, будет не очень много. Ночами в основном всё бывает спокойно. У нас всё-таки неврология! В основном плановые прибывают, ну ещё

инсультники... И то всё днём, – успокаивает меня Вера Тимофеевна, которая сегодня дежурит со мной. Она вообще относится ко мне как мать.

Провожу самостоятельный обход. Стараюсь говорить с каждым и всем желаю спокойной ночи. В одиннадцатой палате старушка просит что-нибудь от головной боли.

– А давайте мы попробуем обойтись без таблеток, – и кладу ей руку на лоб...

Почему я это сделал, сам не очень понимаю. Пальцы крочит... Видно, давление прыгнуло. Руки сами движутся. Чувствую, что оно понижается... Во-от... Ещё немного...

– Ну как? Легче стало?

– Да, доктор... Спасибо!

– Спокойной всем ночи! Пусть вам снится только хорошее, – и выхожу.

Кажется, сделал сам не знаю что... Но об этом мне как-то говорил Илья Анатольевич. Неужели получился неожиданный сеанс коллективного гипноза?

Сажу в ординаторской и смотрю истории болезни наших пациентов. Юрий Степанович уже выделил мне здесь стол. Беру в руки историю Селезнёва. Остеохондроз шейных позвонков. Есть рентген. Да... Защемление... Надо будет попробовать.

– Саш... Извини, я приехал...

Поднимаю глаза... Ванька!

– Я подумал, что тебе надо будет что-то поесть. Там охран-

ник хороший попался. Объяснил, что я твой брат, а ты его, оказывается, лечил... Вот, привёз бутерброды.

Чувствую огромную нежность к братишке и стыд. А я-то подумал, что он даже не заметил, как я ушёл.

– Ванюха... Спасибо! – обнимаю его за шею.

– Кто ещё о тебе позаботится, – бормочет он, как всегда, мне в плечо.

– Да уж... Давай-ка, ложись здесь на диване. Серьёзно! Я ещё посижу, читаю.

– Хочешь, я подежурю, а ты поспишь? Что-то надо будет – я разбужу.

– Нет уж. Дежурство есть дежурство. Ложись. А я пройду, посмотрю... Халат надень на всякий случай.

...Уже половина третьего.

– Саша, почему вы не спите? – удивляется Вера Тимофеевна.

– Хочу посмотреть, как больные спят.

– Я уже забыла, когда у нас такое было, – удивляется она и тепло мне улыбается.

Тихонько захожу в каждую палату. Вроде всё хорошо... Похоже, я их всех действительно загипнотизировал. Наверное, это не здорово, но пусть люди сладко поспят. Выхожу из палаты. Навстречу быстро идут Ванька в белом халате и ещё тётка какая-то.

– Александр Николаевич! Я из приёмного, – с места в карьер начинает она. – Там привезли мужчину... У него нога...

А я кардиолог. Мне сказали, что вы можете...

– Так есть же дежурный травматолог?

– Да пьяный он! Не добудиться! – возмущённо шепчет она.

– Ладно, давайте посмотрю... – бормочу, ещё не зная, смогу ли помочь. – Вера Тимофеевна, я в приёмный, там надо посмотреть пациента.

– Хорошо. А я пока чаю согрею.

Сбегаю по лестнице на первый этаж. Ванька следом. На каталке мужик лет пятидесяти, с седым ёжиком на голове. Вид respectable. Нога... Только бы не перелом!

– Ну где же врачи? – громко возмущается он.

– Вот, я привела доктора, – тётка-кардиолог показывает на меня.

– Снимок дайте, – сразу прошу я.

– Этот юнец – доктор! Ещё не хватало! Я не кролик подопытный! Студент, небось? – продолжает громко возмущаться пострадавший.

Кардиолог явно смущена и чувствует себя неудобно в этой ситуации, а я разглядываю снимок прямо на лампе в смотровой. Слава богу! Только вывих! Можно вправить.

– Хватит орать! – жёстко говорю неожиданному пациенту. – У вас вывих, который я вам сейчас вправлю. Будет немного больно. Ванюха, поддержи ногу. Здесь и здесь...

– Понял... – и берётся правильно.

– Ребята, вы чего? Пусть завтра специалист...

Пальцы как-то сами нашли нужные места, и осталось только слегка дёрнуть.

– Уй! ...твою мать... О-ох...

– Тихо! Ванюха, отпусти, – и ощупываю сустав. Кажется, всё на месте. Мужик на меня таращится и молчит. – Вези его на рентген. Надо проверить. А вы сопроводите.

Тётка-кардиолог кивает. Увозят. Вот и я пригодился на дежурстве...

– Александр Николаевич! Вот, посмотрите... – кардиолог протягивает мне снимок. – Кажется, всё в порядке...

Смотрю. Да, действительно всё встало на место.

– Вот и всё! – обращаюсь я к пациенту. – Теперь гипс и в палату!

– Как в палату? Мне надо домой! – неожиданно начинает волноваться он. – У меня там ребёнок один!

– Сколько лет ребёнку?

– Сыну шестнадцать.

– Ничего, он уже взрослый. А вам надо будет полежать, пока сустав не восстановится, – отрезаю я.

– Да не могу я тут... – и осекается. – Сын у меня... не ходит. А матери его уже два года как нет. Мы с ним... одни...

Повисает тишина. Что же делать?

– Так... Вас как зовут?

– Сергей Александрович. Простите меня, Александр Николаевич... Я был неправ... – неожиданно смущённо говорит он.

– Ничего, мы привыкли, – отвечает кардиолог и вопросительно смотрит на меня.

Понимаю, что решение надо принимать мне.

– Значит, так, Сергей Александрович! Я сейчас проведу терапию, какую могу. А утром, когда моё дежурство закончится, мы отвезём вас домой.

– Ладно... Что уж делать...

Сижу и упорно работаю с суставом. Конечно, до конца я его восстановить не смогу, но чтобы без гипса, а лишь с давящей повязкой – можно попробовать.

– Вань, сходи к Вере Тимофеевне, скажи, что я работаю в приёмном. И будь там. Если что-то экстренное – прибегай за мной.

– Угу! – Ванька кивает и испаряется.

– Хороший у вас ассистент, – одобрительно бурчит пациент.

– Это не ассистент, это мой брат. Поесть мне на дежурство принёс, – объясняю я.

Работаю с суставом, и даже спать не хочется. Сергей Александрович иногда постанывает. Вот, вроде получилось, но надо проверить. Сам качу каталку в рентгенкабинет.

– Саша! Ты нас сегодня затрахал! – смеётся рентгенолог Раиса Васильевна. – Теперь иди вон! А то твоё мужское достоинство пострадает и детей у тебя не будет!

– Ухожу, ухожу... – подыгрываю я ей. Так хочется сказать: «А у меня уже есть!»

Новое фото сделано. Каталку с пациентом вытолкал в коридор. Ждём снимка.

– Сашенька! Ты просто чудесник! – выскакивает рентгенолог. – Сустав почти как новенький! Вам повезло. Благодарите! – это она моему пациенту.

– Ну вот... – посмотрев снимок, киваю. – Спасибо, Раиса Васильевна!

Едем обратно в смотровую.

– Сергей Александрович, спать вам придётся тут. Если я подниму вас на отделение, то завтра вам не выбраться, – объясняю я.

– Подчиняюсь, – с готовностью соглашается он. – Готов спать на каталке.

– Вот и хорошо! – и решаю попробовать, как с Ванькой. – Смотрите мне в глаза. Вы будете спать до девяти утра. Спите спокойно... Раз... Два... Три...

И зачем-то щёлкаю пальцами, давая отбивку. Глаза закрываются. Ну и хорошо...

В ординаторской Ванька посапывает, сидя за моим столом, уткнувшись в руки. Беру его на руки и отношу на диван.

– Сашка... Ложись сам... – бормочет он, но тут же засыпает. Бутерброды так и не съели.

...Утро. Подъезжаем к воротам коттеджа. Сергей Александрович на заднем сиденье.

– Парни, открывайте! Это я! – командует он, открыв окно.

Въезжаем. Охранники подхватывают его на руки и несут

В дом.

– Александр Николаевич и Ваня, давайте за мной! – зовёт хозяин.

Идём. В гостиной его сажают на роскошный кожаный диван.

– Садитесь, садитесь! Сейчас завтракать будем! – весело приглашает он и кричит: – Виктория! Готовь нам завтрак!

В дверях появляется дородная тётка и окидывает нас взглядом, видимо, считая количество персон.

– Сколько я вам должен? – задаёт вопрос мой пациент и вынимает кошелёк.

– Нисколько. Просто будьте здоровы.

– Нет, так нельзя! Вы меня выручили в тяжелой ситуации! Я так не умею.

– Пустое! Расскажите, если хотите, что с вашим сыном.

– Невесёлая история. Он хоккеем занимался. Упал на чужую клюшку спиной. Вот теперь лежит... Ноги отнялись. Кого я только к нему не приглашал!

– Сашка! Это же... – встречает Ванька.

– Я могу осмотреть вашего сына. Определённый опыт есть...

Сергей Александрович смотрит на меня несколько обалдело.

– Понимаете, – братишка улыбается, – два года назад я тоже не ходил. Ноги отнялись, когда меня спиной ударило. Вот, Саша меня... отремонтировал...

– Александр Николаевич... Вы что, можете?

– Не знаю. Надо посмотреть. Снимки есть?

– Конечно! Виктория! – тётка влывает снова. – Найди, пожалуйста, снимки Юры. Ну рентгены!

– Так сначала завтрак или рентгены? – недовольно спрашивает она.

– Рентгены, – отвечаю я, и видимо, это звучит так, что она сразу идёт искать.

Рассматриваю снимки. Память у меня хорошая. Ну точь-в-точь, как у Ваньки! Такое же смещение и, конечно, такое же защемление.

– Ну, что скажете? – в голосе отца звучит нетерпение.

– Попробую. Можно его осмотреть?

– Виктория! Где костыли?

– Ну сколько можно! Так вы завтрака вообще не дождётесь, – ворчит она, но костыли приносит.

Вдвоём с Ванькой ставим пациента на костыли и, страхуя, медленно идём по дому.

– Вот и мой Юра! – представляет нам Сергей Александрович парнишку в инвалидной коляске.

– Привет! – я протягиваю ему руку.

– Здравствуйте! – улыбка у него совсем детская.

– Давай-ка я тебя осмотрю. Согласен?

– Зачем? Всё равно... Достали уже...

– Значит, так. Если ты хочешь ходить, то я тебя должен осмотреть, – строго говорю я. – Вань, давай его положим на

кровать.

Осторожно берём парня и укладываем на кровать на живот. Братишка так же осторожно снимает с Юры штаны и задирает футболку. Ноги, конечно, уже синеватые...

Отец грузно садится на стул. Он только молча смотрит.

– Что-нибудь чувствуешь? – спрашиваю я, трогая икры.

– Не-а! – почти весело отвечает Юра.

– А тут? – поднимаюсь я руками выше.

– Не-а!

Наконец мои руки доходят до провалившегося позвонка. О-ох, как пальцы крючит! Так и втягивает! Ясно, что после бессонной ночи тут делать нечего, но завтра...

– Вань, штаны, футболку на место и давай его снова посадим, – теперь мы сидим все вчетвером. – Значит, так... В-первых, ты должен верить, что будешь ходить. Ясно?

– Ясно... – чуть слышно отвечает Юра. – А когда я смогу... ходить?

– Ты будешь ходить! Но когда – зависит от того, как мы вместе будем работать. Теперь во-вторых! Мои указания выполнять в точности! И без самодеятельности!

– Юра, посмотри на меня! – и братишка спокойно делает «пистолетик» на одной ноге. – Два года назад я, как ты сейчас, лежал и не чувствовал ног. Понял? – Парень заворожённо смотрит и кивает. – Это сделал он, Александр Николаевич! – Ванька показывает на меня. – Так что ходить будешь!

– Вы завтракать сегодня будете наконец? – в дверях воз-

никает Виктория.

– Пойдёмте! – Сергей Александрович с трудом встаёт. – Юра, ты завтракал?

– Да, папа! Ты потом ко мне придёшь?

– Конечно, сынок!

В гостиной садимся за стол.

– Александр Николаевич... – начинает отец Юры.

– Давайте просто Саша и на «ты», – прерываю я его. – Работа предстоит долгая, поэтому не надо церемоний. Вот завтра, в воскресенье, постараемся вправить позвонок...

– Ну хорошо. И всё-таки сколько я тебе буду должен?

– Сергей Александрович, я не хочу говорить о деньгах, – это у меня звучит резковато. – В своей жизни, я убеждён, надо помогать там, где это нужно. Здесь – нужно!

– Саша, ты какое-то ископаемое! – сердито произносит он. – У нас сейчас, к сожалению, всё продается и всё покупается.

– Значит, не всё. Я от души хочу, чтобы Юра пошёл. Это – правда! И ещё. Важен не процесс, а результат! Можно, я поем?

– Конечно! Ребята, может, вы отдохнуть хотите? Так я это сейчас организую!

– Нет, спасибо, мы с Ваней поедим и поедем домой. Мне вечером ещё в больницу надо заехать, – я вру, но мне неудобно пользоваться гостеприимством хозяина.

Да... Сразу видно, что его огорчает наш отказ. Кажется,

он неплохой мужик.

Едем домой. Засыпаю! Ванька явно всё понимает и пытается меня разговорить.

– Приятно, когда тебя везёт обыкновенный гений! – елеяно произносит он.

– Будешь издеваться – обыкновенный гений поедет по-рожняком! – фыркаю я.

– Нет, Сашка, ты действительно гений, кудесник или ещё что-нибудь в таком же духе. Я перед тобой преклоняюсь. Честно!

– Ладно, прекрати меня восхвалять.

Паркуюсь во дворе с одной мечтой – скорее бы в койку! Входим в квартиру.

– Всё, Ванюха! Я ложусь и отрубаяюсь!

– Я сейчас тебе постелю! – с готовностью вызывается он.

– Да ладно! Я сам.

– Знаешь, господин доктор, – братишка ехидно ухмыляется, – я хоть и не медик, но уверен, что идиотизм наверняка распространяется воздушно-капельным путем. Ты идиот, Сашка! Это же так приятно – постелить постель брату, которого очень любишь и хочешь о нём заботиться, – это звучит уже грустно, и мне становится стыдно.

– Ну, Вань... Ну прости идиота! Я не сообразил. Прости...

– Ладно. Не парься. Давай ложись, – он подталкивает меня к только что расстеленной постели. – Ты спи, а я своей халтурой пока займусь.

– Лёг бы тоже, – бормочу я, устраиваясь под одеялом.

– Нет уж! Надо работать! Должен же я догонять великих!

– Не было бы лениво, я бы сейчас встал и дал тебе по шее...

– Щаз! Да здравствует лень-матушка! – и хихикает, уже роясь в своих бумагах.

...Открываю глаза. Уже вечер. Ванька сидит за столом перед компьютером в нашем халате. Горит настольная лампа. Его кудлатая шевелюра так романтично выглядит! Любуюсь! Мой Ванька... Мой любимый братишка! Это тот человек, который одним своим присутствием даёт мне тепло и уют.

* * *

Воскресенье. Что-то с устатку мы слишком разоспались! Вчера долго сидели. Ванька над своими делами, а я над медицинской литературой.

– Ванюха, подъём! – командую ему. – Уже два часа! Надо ехать к Юре.

– Всё, всё, всё... Сейчас встаю... – бормочет, натягивая одеяло.

– Подъём! – и я его сдёргиваю.

– Изверг ты... – открывая глаза, Ванька улыбается. – Ты диктатор и деспот.

– За что ж такие похвалы?

– Потому что сам не спишь и другим не даёшь. Я знаю!

Ты из тех, кому плохо, когда другим хорошо!

– Сейчас тебе будет хуже! Я за водой пошёл! – обещаю грозно.

– Напугал ежа голым задом! Сам же в луже спать будешь! – он ржёт. – Ну ладно... Так и быть! Уступая многочисленным пожеланиям...

...После выяснения у ворот, кто мы и что мы, и доклада охраны хозяину, подъезжаю к крыльцу. Сергей Александрович сам выходит на костылях встречать!

– Здравствуйте! Ну как нога? – сразу интересуюсь я.

– Здравствуй, Саша, здравствуй, Ваня. Вот, хожу чуть-чуть... Пойдёмте в дом.

– Значит, так... Сначала я посмотрю вашу ногу, а потом мы пойдём к Юре.

Работаю с ногой хозяина прямо в его гостиной. Пациент только слегка морщится.

– Ничего. Немного поболит, но зато раньше ходить будете, – объясняю я между делом. – Наступаете слегка?

– Ну как ты велел – немного на пятку...

– Теперь можно на полную стопу, но слегка! Вот, учись... Может, когда-нибудь пригодится... – бормочу я, обращаясь к Ваньке, заметив, что он внимательно наблюдает. – Всё, Сергей Александрович. Достаточно.

– Саша, а мне можно будет присутствовать, когда ты Юрой будешь заниматься?

– Конечно! Секретов нет. Ванюха, а ты будешь помогать.

Где снимок? – и снова долго смотрю снимок. Да... Ванька был тогда гораздо тоньше, чем Юра сейчас, поэтому, чтобы заставить позвонок выйти, придётся приложить немало усилий. – Ну пойдёмте...

Входим в Юрину комнату. Рукопожатия... и светлая улыбка. Ясно, что для парня любое общение – праздник.

– Значит, Юра, – начинаю я, садясь рядом, – сегодня мы попробуем поставить твой позвонок на место. Ты, наверное, знаешь, что он во время падения провалился и защемил нерв. Поэтому у тебя нет чувствительности в ногах и они не двигаются.

– Понимаю, – он внимательно смотрит на меня.

– Я положу тебя животом себе на колени и буду работать. Мы все должны молить Бога, чтобы тебе стало больно. Именно больно! Понимаешь, когда позвонок становится на место и отпускает нерв – наступает боль. Это признак того, что всё получилось. Твоя задача – сконцентрироваться на своих ощущениях, чтобы ты мог отвечать мне на вопросы, если я их буду задавать.

– Хорошо, я постараюсь.

– Не постараюсь, а сделаю! Должно быть только так. Всё! Начинаем!

Ванька снимает с Юры штаны и футболку. Разуваюсь и ставлю ногу на кровать.

Очень осторожно укладываем тело животом мне на бедро. Ух ты-ы... Лунка даже невооруженным глазом видна в

таком положении! Начинаю работать. Метод у меня был продуман, ещё когда я лечил Ваньку. После разогрева специальным массажем вокруг нужно сделать резкое движение вверх с нажатием двух соседних позвонков, чтобы нужный вышел. Долго грею, щупаю, даже прислушиваюсь. Причём прислушиваюсь сам не знаю к чему, может, даже к себе. И ловлю себя на том, что, как и в тот раз, молюсь. Пациент только посапывает, лёжа фактически головой вниз.

– Ванюха, руки сюда и сюда!

– Есть! – как-то по-военному отвечает он и кладёт руки.

– Будешь сильно нажимать. На счёт три...

Пальцы опять будто сами выбирают нужные точки...

– Раз... Два... Три!

– Аух-х! – вскрикивает Юра и счастливо бормочет: – Мне было больно...

– Вот и отлично! Ванюха, кладём его на спину. Только очень осторожно!

Как хрустальную вазу, кладём парня на спину на кровать. Сразу накатывает такая усталость! Так хочется спать... Даже ноги подкашиваются. Делаю несколько шагов назад и опираюсь о стенку. По ней спиной сползаю в положение на корточках. Уф...

– Так, Юра, неделю, а может быть, и больше ты обязан лежать только на спине.

– Понятно...

– Вань... Возьми что-нибудь острое и проведи по ногам.

По одной от паха до стопы, от ягодичцы тоже до стопы, а потом по самой ступне. То же с другой ногой. А ты, Юра, должен сказать, что ты чувствуешь. Понял?

– Ага, понял.

– Юр, что у тебя острое есть? – спрашивает Ванька.

– Сейчас иголку принесу, – слышу я голос Виктории. Значит, тоже смотрела! Как в театре... Глаза слипаются. Сил нет. Но я должен узнать результат. – Вот! Принесла!

– Только не коли, а просто проведи, – повторяю я на всякий случай.

– Щекотно! – заявляет Юра. – Немножко щекотно! Ой! Я чувствую! Папа, я чувствую! И здесь щекотно! Обалдеть!

– Теперь другую ногу! – приказываю, понимая, что сейчас отрублюсь.

– Ой! И здесь щекотно! Папа, и вторая тоже!

Всё! Проваливаюсь... Что-то покачивает меня... Меня несут!

– Отвалите, я сам... – пытаюсь сказать я. – Ну не мешок же я с картошкой!

– Саша... Ляжешь, поспишь, отдохнёшь... – это голос Сергей Александровича.

– Сашка, ты не сопротивляйся. Лучше поспи, – это Ванька... Братишка с охранником тащат меня к дивану. Укладывают...

Опять проваливаюсь.

Открываю глаза. Полумрак. Торшер в углу светит. Нико-

го... Встаю и иду к Юре. Нахожу его комнату. Лежит на спине и что-то читает. Сажусь на край ложа.

– Ну как?

– Классно! Даже попросил ноги накрыть одеялом. Замерзать стали! – он улыбается. – А вы как?

– Ничего... Устал, но это пройдёт. Я ещё хочу тебе сказать... Только на спине! Понимаешь – пока хрящики, которые между позвонками, не окрепли в правильном положении, нужно очень беречься. Здесь всё зависит только от тебя. Я буду приходить каждый день и делать тебе разные массажи. И ног, и спины...

– А Ваня с вами будет приходить? – вдруг спрашивает Юра.

– Будет, конечно! Может быть, он и один будет приходить делать тебе процедуры. Я ведь ещё и в больнице работаю, и там всякое может быть!

– Понимаю... Спасибо вам, Александр Николаевич! – он с жаром хватает мою руку. – Теперь я верю, что буду ходить!

– Вот и прекрасно. Скажи теперь, как до гостиной добраться?

– Направо по коридору. Александр Николаевич... А ведь я вам сначала не верил. Простите... Тут многих папа привозил...

Подхожу к гостиной. Там явно что-то едят и даже пьют. Слышу, что Ванька уже захмелел. Это я по его голосу определяю.

– Сергей Александрович, я на Сашку готов молиться. Это такой человечеще!

Ничего себе признания! Даже замедляю шаги.

– Да... Саша – волшебник! Я столько приглашал, деньги платил, а он... Это действительно чудо! Я чувствую себя таким должником...

Всё! Хватит!

– Давайте закончим славословия, – прерываю я их достаточно резко. – Можно, я поем немного?

– Ой! Сашка пришёл! – братишка расплывается в полупьяной улыбке.

– Сашенька, конечно! Садись! И вот... Есть хороший коньяк!

– Спасибо, Сергей Александрович, но я за рулём. Мне ещё этого пьяницу, – улыбаясь, показываю на Ваньку, – домой везти надо.

– Сашенька! Вас с Ваней отвезут!

– Но мне машина завтра нужна.

– Кто-нибудь сядет за руль твоей машины и вас отвезёт. Я скомандую! Виктория!

Появляется Виктория.

– Ну как вы? Отдохнули? – спрашивает она, теперь ласково мне улыбаясь.

– Да, спасибо.

– Виктория, позови сюда Михаила.

– Сейчас! – и сразу скрывается. Надо сказать, после удач-

ной процедуры с Юрой она сразу изменилась. Несмотря на габариты – летает!

Входит один из охранников. Он молод, но постарше меня.

– Миша, мы тут слегка отдохнём. Потом надо будет отвезти гостей на их машине. Вернёшься на такси. Я оплачу.

– Будет сделано, Сергей Александрович! – чётко отвечает охранник.

Смотрю Михаилу в лицо и понимаю, что мне что-то мешает. Точно! Вокруг переносицы я вижу, именно вижу тёмное пятно! Что же у нас там? Гайморова полость... В Булу-не в больнице я работал с пациентом с гайморитом! Там всё обошлось за два сеанса.

– Что, гайморит?

– Откуда вы... знаете?

– Я не знаю, я вижу! Сергей Александрович, можно, я тут...

– Да, да! Конечно!

– Садись! – команду охраннику.

Он, недоумённо посмотрев на меня, садится на стул. Подношу ладонь к его лицу и... будто тысяча мелких гвоздей впиваются в неё! Начинаю словно выдёргивать эти гвозди пучками и отбрасывать. В общем, всё, как с любым воспалением.

– Встань! – Основные действия я закончил, теперь надо поправить его поле. Конечно, нужной яйцеобразной формы нет... Сейчас будет... – Ну всё. Готово!

– Такая лёгкость! – удивляется Михаил. – Будто и на вахте не был! Спасибо!

– Вот, Миша, ты получил процедуру прямо на работе! – смеётся хозяин. – Ладно, иди. Саша, теперь-то ты можешь себе позволить выпить с пациентом?

– Теперь могу! Наливайте!

– Ваня! Да он, оказывается, живой человек! – Сергей Александрович наливает мне полную рюмку. – Давай, догоняй нас с Ваней! И закусывай, закусывай!

Коньяк действительно хороший. И ужин прекрасный.

– Саша, я снова возвращаюсь всё к той же теме. Ты сам себе цены не знаешь! Ты говорил, что важен не процесс, а результат. Результат есть, хоть и промежуточный – у Юры начали чувствовать ноги. Даже замёрзли!

– Я знаю. Говорил уже с ним. Только вы правильно сказали, что результат пока – промежуточный!

– Саша, пойми меня правильно! Я видел, какой ты был после Юры. Так обессилен, что тебя несли! Я должен тебе заплатить за твой очень нелёгкий труд!

Понимаю, что отец Юры – человек совестливый, но не могу я!

– Сергей Александрович, давайте вернёмся к этому разговору, когда Юра хотя бы встанет. Ладно? – пытаюсь я оттянуть неудобный для меня момент.

– Хорошо, ловлю тебя на слове! А в том, что Юра теперь встанет, после того что сам видел, я уже не сомневаюсь!

Подкатываем к нашей парадной. Ванька заснул на заднем диване.

– Михаил, спасибо! – я протягиваю руку. – Завтра я приеду и сеанс повторим.

– Это вам спасибо!

– Тогда – тебе, а не вам. Ванюха, приехали! Просыпайся, алкоголик хренов!

– Уже раскричался... – заспанный братишка улыбается и вылезает из машины.

Входим в квартиру.

– Сашка! – Ванька смотрит на меня восхищёнными глазами. – Ты действительно волшебник. Ты такое делаешь!..

– Иди в задницу... Ничего особенного. Мне почему-то всегда хочется помочь. Наверное, не зря всё же Кирилл Сергеевич уговорил меня пойти в медицинский.

– Да ты же доктор от Бога!

– Слушай... Я сказал, куда тебе надо идти? – интересуюсь я устало.

– По вашему приказанию, вашество, готов идти куда угодно! – он пытается изобразить изящный поклон. – А пока я пошёл стелить вам постель.

Как приятно наконец-то лечь! Блаженно вытягиваюсь... Море... Песок... Солнышко светит... и поливает, поливает меня энергией...

Ванька под моим руководством делает Юре массаж. Я один раз показал, теперь смотрю на процесс. Сергей Александрович сидит тут же на стуле. Ходит он уже прилично, но пока ещё с костылями.

– Ванюха, ты давай, не жалей ног. Чем сильнее будешь воздействовать, тем быстрее побежит кровь, а значит, тем быстрее пойдёт процесс восстановления. Понял?

– Понял... – пыхтит братишка, утирая пот со лба приготовленным полотенцем.

– Юра, тебе как? Не очень больно?

– Нет... Не сильно. Даже приятно после того, как они ничего не чувствовали.

Ноги Юры уже приобрели розовый цвет. Это хорошо.

– Так, Ванюха, отдохни. Уступи место старшему.

– Уф... Действительно устал. И как ты можешь так вот...

– Практика! – я сажусь на его место. – Так, Юра... Будем разрабатывать суставы. Ты два года ногами не двигал, суставы обленились, значит, их надо тоже разработать.

– Ты мне этого не делал, – удивлённо вскидывается Ванька.

– Во-первых, ты не лежал два года, а во-вторых, я додумался до этого только в Булуне. Смотри вот лучше!

Беру в руки Юрину ногу и осторожно начинаю сгибать в

суставах. Сначала в колене... Потом в голеностопе... Ещё... Ещё...

– Ванюха, учти: здесь максимальная нежность и внимание. Юра, если будет больно – говори сразу. Здесь боли быть не должно.

– Понял! – хором говорят оба.

– Вот, Сергей Александрович, какие у меня прилежные ученики! – смеюсь я.

Сегодня я к Юре ездил один, потому что Ванька сдаёт свою халтуру. Сейчас вернулся и вожусь на кухне. Хлопает входная дверь.

– Сдал халтуру? – подаю голос, не отходя от плиты.

– Угу! Ты-то как себя чувствуешь? Не устал после Юры?

– Раз ужин готовлю – значит, хорошо. Давай мой руки и иди есть.

– Когда я отучу тебя называть бесполезный перевод продуктов приготовлением еды? – язвит он и идёт в комнату. Там шуршит какая-то бумага. – Саш! Иди сюда!

Вхожу. Братишка стоит в отличной кожаной куртке на меху. Помню, я как-то раз в магазине увидел такую и подумал, что это замечательная вещь. Молодец, что купил! Следующей зимой не будет мёрзнуть.

– Ну как? – и ждёт моей оценки.

– Отлично! Ты молодец! Классная вещь! Только... Похоже, она тебе великовата, но ничего – наденешь под неё сви-

тер. Или плечи раскачаешь.

– Вот и прекрасно, – заявляет он, вылезая из куртки. – Ну-ка надень!

Надеваю. Так уютно!

– Вот и носи! Это я тебе купил. А то ходишь чёрт знает в чём! – с забавной гордостью говорит Ванька, застёгивая на мне молнию. – Специально взял на размер больше!

– Вань... Ты что... – у меня нет слов. Стою как истукан.

– Сашка, не будь эгоистом! Когда ты мне дарил, я видел, как ты светился, – и улыбается. – Теперь я тоже хочу! Понял?

– Понял... Но... Ну Вань... Ну зачем... Я же и сам могу, – мямлю, будучи не в силах сказать что-то ещё. – Спасибо... Я... Ну спасибо...

Притягиваю его к себе и снова чувствую, как непокорные волосы щекочат щёку.

– Сашка, я так рад, что она тебе понравилась! Пусть тебе будет тепло, – он поднимает на меня глаза. – И вообще, кто же, кроме меня, о тебе позаботится?!

Всё... Кажется, даже глаза помокрели, хотя братишка хитренько улыбается. Так и стою, прижимая его к себе.

– Ладно... Кто-то обещал накормить труженика, – бурчит он в меня. – Отпусти. И рюмки достань. Обмывать будем!

Сидим, обмываем и ужинаем.

– Саш... А тебе правда куртка понравилась?

– Очень! Я действительно о такой мечтал.

– Знаешь, я так рад! – Ванька действительно светится. –

И правда, дарить гораздо приятнее, чем получать подарки. Как хорошо, что я это понял.

Приехали к Даше. Надо передать ей подгузники для Серёжки и деньги. Сегодня её отец дома и поэтому, чтобы не раздражать папочку, пошёл Ванька. Сажу в машине и жду уже почти полчаса. Ну сколько можно там торчать!

Ванька выскакивает из парадной и прыгает в машину.

– Ох, Сашка, до чего Серёжка классный пацан! Так мы с ним поиграли! Ты извини, что долго ждать пришлось. Ну не мог же я повернуться и уйти, не потютюшкав его. Золото, а не мальчишка!

У меня просыпается чувство лёгкой досады, оттого что я не могу вот так же спокойно подняться в квартиру и поиграть со своим собственным сыном. Конечно, это хорошо видно на моём лице, потому что братишка, вздохнув, начинает успокаивать.

– Саш... Не расстраивайся! Я тебя очень хорошо понимаю. Уж если я по Коле скучаю, то чего говорить о тебе. Как-нибудь образуется это... Поверь...

– Мне остаётся только верить, – как-то горько это у меня прозвучало.

После обхода завотделением приглашает меня в кабинет. Интересно, что скажет?..

– Садитесь, Саша! Давайте с вами немного поговорим о

ваших делах.

Сажусь и пытаюсь понять, о каких это моих делах он хочет со мной говорить.

– Вы как-то так распределили своё время, что иногда с утра даже на обходах бываете. А раз вы больше здесь, то меньше там?

Согласно киваю, понимая, что он имеет в виду мою основную работу.

– Живёте-то с Ваней на что?

Молчу, не зная, как ответить.

– Я задал вопрос – на что вы живёте? – сурово спрашивает Юрий Степанович.

– Ну Ваня стал зарабатывать... Мой автосервис кое-какой доход приносит...

Он неодобрительно качает головой.

– Вы у нас на полставки врача-практиканта... И уже студент третьего курса, да и за третий курс уже успели кое-что сдать... – опять киваю. – Так! Пишите заявление о переводе на полную ставку. Это всё, что я пока могу для вас сделать. К сожалению, качество лечения на нашу зарплату не влияет. А вообще, господин Робин Гуд, с вашим талантом можно и зарабатывать на нём. Я не призываю вас обирать пациентов, назначая таксу, но ваши сеансы выходят за рамки оплачиваемых государством или страховкой услуг.

– Ну, во-первых, я ещё не до конца убеждён, что результат является следствием моего вмешательства в процесс, а не

следствием физиотерапии. Во-вторых, если я стану принимать вознаграждения, то мои коллеги по отделению совсем меня съедят. Они и так смотрят косо. А в-третьих, требовать со страждущих деньги – грех.

– Вы во всём правы, конечно, – задумчиво протягивает профессор. – Только с волками жить – по-волчьи выть...

– И самому становиться волком, – практически перебивая его, подвожу я итог.

– В старину по тому, как выглядел врач, люди оценивали его квалификацию. Потому что, если врач одет хорошо, ездит в хорошем экипаже – значит, он богат, а это значит, что у него много пациентов, а это, в свою очередь, значит, что он хороший врач.

Понимаю, что против такой логики возразить трудно, и молчу.

– Я хоть немного поколебал вас в вашей убеждённости?

– Да... Но только немного. И на пациентов больницы это не распространяется. А других у меня пока нет.

– Надеюсь, они у вас появятся. От души вам этого желаю. Дома, как всегда, вижу Ванькин затылок и слышу щёлканье клавиш компьютера.

– Вань... Оторвись немного, пожалуйста.

– Что, Саш? – он с неохотой оставляет свои занятия и обращивается ко мне.

– Сегодня Степаныч говорил со мной о нашем материальном положении.

– О чём? – его брови ползут вверх.

– Ну о том, что я теряю в заработке, из-за того что стал больше времени проводить в больнице.

– А-а... Ну так он прав. Но ведь теперь я тоже зарабатываю! Так что проживём!

– А что ты сам про всё это думаешь?

– Сам? – Ванька разворачивается ко мне вместе со стулом. – Знаешь, Сашка, ты – бессребреник. Может, именно поэтому тот, кто на самом-самом верху, относится к тебе благосклонно. Ты вот смотри, сколько теперь развелось разных так называемых целителей, всяких колдунов и прочих. Интересно бы узнать их статистику, если они, конечно, действительно лечат. Думаю, совсем не блестяще у них. А у тебя – сам вспомни! В Булуне сколько о тебе разговоров было. И всё с благодарностью! Ты там, если говорить о медицине, только Кириллу Сергеевичу по популярности уступаешь. Это ли не показатель?

Он говорит очень рассудительно, и с ним трудно не согласиться. А может, жизнь меня искушает устами Сергея Александровича и Юрия Степановича?

– Понимаешь, Ванюха, Степаныч сказал, что хороший внешний вид – это показатель успешности врача, а значит, показатель его квалификации.

– Ну тут он прав. Ты на себя посмотри. Ты когда наконец сменишь свои старые джинсы и прочее барахло? Меня одел, а сам? Поскольку ты в свои финансы меня не пускаешь, я

сделал вывод, что ты всё истратил на меня, а сам остался ни с чем.

Я понимаю, что Ванька сталкивает меня с неудобной темы на более простую.

– Нет, Вань... Разговор про возможности заработка на моих способностях.

– Ох, Сашка... Ну ты как клещами из меня вытягиваешь. Сказать честно?

– Конечно, честно! – я внутренне сжимаюсь: мне так бы не хотелось, чтобы он поддержал моих оппонентов.

– Согласен, что грех тянуть с больных. Но больные бывают разные. Есть очень состоятельные, как Сергей Александрович, а есть неимущие. В первом случае, я думаю, можно и взять. Причём столько, во сколько они сами оценят твои услуги, а во втором брать – преступление. Согласен? – и добавляет с невинной улыбкой: – А теперь обругай меня и скажи, что я – идиот.

– Ты – умница, Ванюха! – встаю, подхожу к нему и ласково треплю его лохмы.

– Вот тебе и пример. Я тоже кое-что заработал, – смеётся он.

* * *

Юра уже довольно сильно толкает мою руку во время «велосипеда». Ванька и Сергей Александрович наблюдают за

нашей работой.

– Ну как? – осторожно интересуется отец.

– Дня через два-три попробуем встать.

– Но это ни о чём не говорит, – с видом знатока встречается братишка. – Я только на четвёртый раз встал.

– Да хоть на десятый! Лишь бы встал, – каким-то непередаваемым тоном говорит Сергей Александрович.

– Встанет! Мы с Юрой в этом уверены. Верно? – обращаюсь я к пациенту.

– Обязательно! – раскрасневшийся от занятий Юра довольно блеснит глазами. – Мечтаю хоть по дому и на костылях, но походить. А то такая скукота!

– А что, тебе совсем нечем заняться? – спрашивает Ванька.

– Книжки перечитал. Игры на компьютере надоели...

– Ты что, не учишься? – удивляется братишка.

– Какой из него ученик... – вставляет слово отец.

– А это напрасно! – и, уловив в своём тоне жёсткость, смягчаю примером: – Ваня, пока лежал, а потом по квартире путешествовал, последний курс колледжа закончил.

– Пап... Я ведь тоже бы мог! – вскидывается Юра.

– Сынок, я подумаю... Посоветуюсь... – и это говорится уже с нотками вины.

Во время ужина, а нас всегда кормят, хозяин, обычно разговорчивый, больше молчит. Я уже понял причину и пытаюсь ввести разговор в конструктивное русло.

– Сергей Александрович, а если в Юриной школе взять задания, чтобы он мог заниматься? Ведь парень годы теряет!

– Эх, Саша, – он вздыхает, – Юрка-то даже когда в свою гимназию ходил, то особым рвением не отличался. Ему бы всё его хоккеей! А сейчас, когда он столько пропустил... Я не смогу ему помочь. Ведь сам тоже с науками не дружил, едва школу вытянул, да и бизнес мой сейчас время жрёт, как крокодил. Всё ведь надо!

Действительно, вечерами, когда или я, или Ванька приезжаем работать с Юриными ногами, хозяина, как правило, нет дома, и возвращается он иногда очень поздно.

– Ребята, мне вас, наверное, сам Господь Бог послал... Если я договорюсь, может, ты, Ваня, поможешь Юрке? – В тоне отца столько просьбы! – Если Сашу он побаивается, а это, Саша, именно так, то тебя он воспринимает как своего товарища.

– Я это заметил, – солидно соглашается Ванька. – И мне это очень приятно. Я готов! Давайте! Уверен, что у нас получится.

– Знаешь, Ванюха, думаю, что это посложнее, чем поставить человека на ноги. Надо, чтобы он сам захотел!

Третья попытка Юры встать на ноги.

Он долго настраивает себя, сильно толкается руками...

– Ну... Ну... Давай... Давай...

Ловит руками воздух, но я его подхватываю. Главное –

удержать вертикально.

– Распрямляй ноги, как в «велосипеде», – подсказываю, не давая ему завалиться.

Юра старается. Немного помогаю и... он почти стоит, удерживаемый мной.

– Отлично! Молодец! Теперь давай тихонько сядем, – и помогаю.

– Сынок! Ты молодец! – на глазах отца слёзы. Его можно понять. Он подскакивает, обнимает сына, целует его. – Сашенька! Спасибо тебе! Дорогой ты мой человечиче! Вот он, результат! – теперь он тискает меня... – Ванечка! И ты молодец! Спасибо!

– Сергей Александрович! Мы пока ещё только подходим к середине пути, – пытаюсь я остудить его порывы. – Вы завтра утром сможете это с Юрой повторить? А вечером двинемся дальше.

– Папа, давай завтра утром!

– Конечно, сынок! Ещё завтра я в твою гимназию съезжу.

Ваня согласился с тобой позаниматься.

– Правда? – Юра расцветает.

– Учти, я строгий учитель! – Ванька, шутя, супит брови.

– Я буду, буду стараться! – прекрасно поняв шутку, будущий подопечный сверкает белыми зубами...

Скосив взгляд, замечаю в дверном проёме Викторию. И она тут! Переживает...

Сегодня Дашиного отца нет дома, и я имею возможность повозиться с Серёжкой.

– И не надоела тебе такая жизнь? – с улыбкой спрашивает она. – Ваня здесь бывает чаще, чем ты.

– Ой, Дашка... Так всё это трудно, – и вздыхаю, укладывая сына в кроватку. – Не жизнь, а сплошная карусель какая-то...

– Я смотрю, ты и Ваню в эту карусель запустил. Поберёт бы брата.

– Знаешь, я думаю, что Ванька такой жизнью доволен. Главное —, он чувствует себя нужным, а поэтому – значимым. Видела бы ты, как он с Юрой занимается!

– Насчёт Юры я, честно говоря, не пойму. Ведь его отец – очень состоятельный человек, как ты говоришь. Мог бы для сына нанять репетиторов.

Меня даже передёргивает от её слов.

– Понимаешь, – подхожу к ней, беру за плечи и заглядываю в глаза, – нанятый репетитор почтенных лет – это одно, а Ванька, в котором Юра души не чаёт, – совсем другое. А значит, и результаты будут совсем другие.

– Не знаю. У меня другое мнение. Воспитывать вас надо... – она опять вздыхает.

– А вот если бы мы жили вместе... – начинаю я.

– Только не это! – вдруг достаточно резко перебивает Даша. – Я бы с ума сошла с тобой и твоими делами. Ваню хоть не порти. Пусть парень живёт нормальной жизнью.

Может, от усталости просыпается непонятное раздражение, и меня начинает нести.

– А что для тебя нормальная жизнь? Карманный муж, который ходит с записочкой в магазин и дома всегда на подхвате? Муж, за которого всё и всегда можно решить, а ему скамандовать, когда в душ, когда на дачу, когда можно и на футбол? Так?

Это звучит достаточно резко, и её глаза начинают опасно блестеть.

– Вот поэтому мы с тобой и не будем жить вместе!

– Да я бы от такой жизни повесился через неделю. Мужик должен делать дело, а не держаться за юбку! Ну всё. Извини, мне пора. Дела ждут! – я это говорю специально. Неожиданно нагрела меня сегодня моя Даша. Впервые за всё время нашего знакомства.

– Ну и иди!

За мной захлопывается дверь.

...Вваливаюсь в квартиру.

– Саш... Что-нибудь случилось? – осторожно спрашивает Ванька, видя, в каком состоянии я вернулся.

– Поссорились, – коротко отвечаю я.

– Да ты что? С Дашей? – у него изумлённый вид.

– Понимаешь... Я не могу и не хочу быть карманным мужиком, зависимым от взглядов своей жены. Я слишком самостоятельный и умный для этого. Понимаю, что сказал нескромно, но это так.

– Саш, а ты никогда не думал, что по-житейски умный мужчина всё может устроить так, что жена будет довольна, искренне считая, будто муж действует в струе её взглядов, а сам он будет делать то, что считает нужным?

Во завернул! И снова это же раздражение...

– Ты сам-то понял, что сказал? Философ доморощенный!
А чуть что, так...

– А что – чуть что? Ты уж договаривай! – топорщится Ванька.

– Сам знаешь.

– Конечно же, не знаю. Я же идиот! У нас только ты самый умный!

Похоже, и братишка обиделся. Что-то я сегодня разошёлся. Подхожу, беру его за плечи, прижимаю к себе.

– Прости, Ванюха! Я виноват... Не сердись, пожалуйста.

– Саш... Ты первый раз за всё время меня... попрекнул... – это говорится тихо, куда-то в меня. – Ты сам-то это понял? Я этого боялся больше всего на свете.

– Ванюха, прости... Сам не знаю, что сегодня со мной. Хочешь, на колени встану?

– Нет, Сашка... Не надо... – мы так и стоим, обнявшись и прижавшись друг к другу. – Ладно... Я пойду... работать.

Отпускаю его, понимая, что инцидент отнюдь не исчерпан. Иду на кухню и закуриваю. Так погано! Ванька шебуршит в комнате.

– Саш! Я спать ложусь. Ты ложишься?

Лезу к нему под одеяло.

– Наконец-то... – он ворчливо приветствует меня.

Какое-то время лежим молча.

– Ты спишь? – подаёт голос братишка.

– Нет...

– Поговорим?

– Да, конечно! – с радостью соглашаюсь я.

– Саш, вот ты просил тебя простить... Помнишь, что ты мне сказал, когда я тебя просил меня простить? Считай, что я тебе сказал то же самое. Родной мой... – он привстает на локте, заглядывая мне в глаза. – Не делай мне больно, пожалуйста.

– И всё-таки прости меня, – сгребая его в охапку и опять прижимаю к себе.

– Давно уже простил. Вижу, что ты сегодня сам не свой. Саш... Понимаешь... Мальчик взрослеет, наблюдает жизнь, сам в ней участвует, книги хорошие читает... Может, что-нибудь из того, что я говорю, если не шучу, конечно, тебе пригодится? Подумай, кто тебе ещё так скажет, как я?

– Ой, Ванюха... Конечно же, никто!

– Вот... Я же никогда не хочу тебя обидеть. Сегодня совершенно искренне хотел повернуть твою ситуацию другой стороной. Мне очень неприятно, что ты поссорился с Дашей. Мне кажется, она прекрасный человек и совсем не заслуживает плохих слов.

– Да я ничего такого ей не сказал. Мне не понравились

её слова, что Юру могли бы учить нанятые репетиторы, а не ты. Она сказала, что я тебя порчу. Ну а я сказал, что не собираюсь держаться за её юбку, а буду поступать так, как считаю нужным сам.

– Всего-то... – грустно иронизирует Ванька.

И я чувствую, что моих слов он не одобряет.

– Насчет Юры – это, конечно, неправильно. Никаких репетиторов! Я же вижу, как он со мной общается! У парня нет друзей. Мне он чем-то меня в прошлом напоминает. Отец всё время занят, да и возраст не даёт ему возможности до конца понять сына.

Я затаиваю дыхание. Это же и мои мысли о мальчишке, которого мне очень жалко.

– В этом я с тобой согласен, – продолжает братишка. – Но говорить Даше, что ты не собираешься держаться за её юбку, – это перебор явный.

– Ты не слышал всего. До этого я опять предложил ей жить вместе. Она сказала, что только не это.

– Понятно. Если следовать твоей теории, что во всём надо искать позитив, то позитивом для меня является то, что мы с тобой будем пока вместе, – грустно подытоживает Ванька. – А как же Серёжка?

– У знатоков нет ответа, – вздыхаю я.

– Ладно. Давай спать. Утро вечера мудренее... Спи, Сашка! Пусть тебе приснится хороший сон. И отпусти меня из своих тисков. А впрочем, не надо. Мне так уютнее.

Своей рассудительностью Ванька меня опять удивил. Действительно, мальчик повзрослел, а я и не заметил.

Во время очередного занятия с Ильёй Анатольевичем обсуждаем мои мысли об уровне энергетики у каждого человека.

– Видишь ли, Саша... Ты поставил очень сложные, я бы сказал – философские вопросы. Думаю, немногие давали себе труд об этом задуматься. Ты говоришь, что когда Ваня стал востребован, то у него всё, в том числе и поле, изменилось. Смотри – силой сознания мы можем себя наполнять энергией. Неважно, что это за энергия – солнца или космоса. По-разному называют, но суть одна. Здесь главное – что силой сознания! Когда Ваня почувствовал себя нужным, его сознание изменилось. Он обрёл себя так, как находят потерянную вещь. Стал думать не только о своей жизни, но и об окружающих, то есть о тебе, о том мальчике... Он уже даёт тебе умные советы! Это говорит о том, что у него появилась сильная, стабильная энергетика. Вот тебе возможный ответ на твой вопрос.

– Выходит, если я замкнусь в себе, уйду в пессимизм, то потеряю энергетику?

– Нет! Ты – это случай особый. Тебе это не грозит. Поверь мне. Да и не с твоим складом характера замыкаться в себе. Ты мне порой напоминаешь всадника, который нахлестывает себя вместо лошади. Хотя, может, в этом тоже что-

то есть...

* * *

Юра осторожно шагает с костылями. Сегодня мы впервые вышли за пределы его комнаты. Я иду рядом с ним, готовый поддержать, если вдруг начнёт падать.

– Александр Николаевич! Я... хожу! – на его лице такое счастье! И сразу: – Пойдёмте до папы дойдём!

– Хорошо... Только осторожно. Если устанешь, сразу садимся на первый же стул.

– Замётано! – повторяет он моё, а теперь уже и Ванькино любимое словечко.

Появление сына на костылях в гостиной повергает отца в шок.

– Юрка! Сынок! – он обнимает его, поворачивается ко мне и как смотрит!

Осторожно посадив Юру в кресло, Сергей Александрович подходит ко мне.

– Сашенька! Дорогой ты мой! Как я тебе благодарен! – тоже обнимает и шепчет на ухо. – Ну теперь ты уже не отвертишься. Любой труд должен быть оплачен!

– Но это же ещё опять промежуточный результат, – пытаюсь я сопротивляться.

– Не-ет уж. Сегодня ты так от меня не отвяжешься!

– Я пойду к себе, а вы разбирайтесь, – вмешивается Юра,

пытаясь встать. Подхожу и помогаю. Он делает несколько шагов и заявляет: – Я знаю, о чём говорит папа. Вы отказываетесь от денег, а сколько со мной мучаетесь! И вы, и Ваня. Это неправильно!

– Юра, ты ко мне как относишься?

– Очень хорошо. И папа тоже!

– Вот видишь! И я к вам всем отношусь очень хорошо. Вы мне уже как родные стали, а всё насчёт денег... Даже нехорошо как-то, – заканчиваю с укоризной в голосе.

– А подарок от нас с Юрой ты сможешь принять? – с улыбкой спрашивает Сергей Александрович.

– Ну подарок, наверное, смогу, – отвечаю я неуверенно.

– Вот я тебя и поймал! Ну что? Вручаем? – он оборачивается к сыну.

– Конечно, пап. Он сам в руки пошёл! – тот хитро улыбается.

Понимаю, что где-то совершил оплошность, но ещё не понял какую.

– Саша, мы с Юрой посоветовались и решили сделать тебе подарок. Честно говоря, Ваня нам тут немного подыграл. – На! Владей! И езд!

Мне вручаются паспорт и техталон. Смотрю: «Ауди»! Трёхлетка. С моей старушкой, конечно, не сравнить. Вид у меня, наверное, совершенно обалдевший.

– Саша, – Сергей Александрович обнимает меня за плечо, – эта машина была моей. Я её хотел продать, но мы с

Юрой подумали и решили подарить тебе. Ты же сам сказал, что подарок примешь. Мы это предполагали. А Ваня помог с твоими документами, чтобы я смог всё оформить, – при этом он так невинно улыбается!

– То есть Ванька с вами в сговоре?

– Да, мы его посвятили. Но он очень боится твоего гнева.

– Ладно, пусть не боится, – я вздыхаю. – Спасибо огромное! И тебе, Юра...

– Вот сейчас обмоем! – радуется хозяин и сразу успокаивает: – Ничего, тебя потом отвезут. Михаила ты знаешь. Виктория! У нас сегодня праздник!

Вплывает Виктория и, увидев Юру посреди комнаты на костылях, быстро подходит ко мне. Да... Жаркие у неё объятия и поцелуи... В обе щеки, троекратно!

– Александр Николаевич, вы меня проводите обратно в мою комнату? – приходит пациент мне на выручку.

Возвращаюсь. В гостиной уже всё накрыто на две персоны.

– Ну садись, садись, Саша! – Сергей Александрович весь светится. Я понимаю его. После двух лет лежания сын не только встал, но даже потихоньку стал ходить. Спокойно располагаюсь, поскольку за стол в этом доме уже давно сажусь без смущения. Вообще здесь очень простая и семейная атмосфера. Когда я поделился своим наблюдением с Юрой, он сказал, что, когда была жива мама, всё было ещё лучше и веселее. Приятно, что обитатели стараются по возможности

этот дух поддерживать.

– Понимаешь, Саша, – хозяин дома внимательно рассматривает рюмку с коньяком, – твоя совесть должна быть чиста.

– Не уверен... Ведь есть ещё и чисто человеческие отношения!

– Согласен. Только скажи мне, сколько, по-твоему, стоит та надежда, которая здесь поселилась с того момента, как Юра стал чувствовать ноги? Сколько стоит то счастье, которое ты нам подарил? Сколько стоит сегодняшний выход Юры в гостиную? Это впервые за два года! Ты знаешь, сколько я средств выбросил на тех специалистов, которые тут чмокали губами и говорили умные вещи, да только Юра от всего этого не встал? А я ведь им платил хорошие деньги! Скажу тебе больше. Мы с Юрой – а у нас был совет, что с тобой делать, – считаем, что обязаны тебе гораздо больше! Ты же сам понимаешь, что есть вещи, которые нельзя купить.

Слушаю его и почему-то думаю о другом.

– Сергей Александрович, вы, наверное, в бизнесе – белая ворона?

– Почему? – и удивлённо смотрит на меня.

– Наверное, я привык к аморальным бизнесменам.

– Я, Саша, тебя во многом понимаю. Я тоже, как и ты, хочу спать спокойно, без мук совести. Рад, что никого не убил, никого не пустил по миру. Вообще жить по-людски – это мое кредо. Думаю, с тобой мы счастливо нашли друг друга.

В этот момент я понимаю, что находят подтверждение все

мои за ним наблюдения. Предельно ясно, что это одинокий человек, лишённый семейного тепла, имеющий в своей жизни только работу и сына, пока инвалида. Охранник Михаил мне говорил, что никаких гулянок и саун с девочками у него не бывает, хотя, будучи вдовцом, он мог бы себе это позволить. Что же у нас здесь за жизнь такая, что так много одиноких людей! В Булуне всё по-другому. Там люди ближе сходятся и живут как-то кучнее...

– Привет, Ванюха! – кричу я, вваливаясь я в квартиру.

– Ой, какой ты красивый! – ржёт он, глядя на мой слегка трезвый вид.

– Твоими молитвами! Слил меня вместе с документами? – и хватаю его за ухо.

– А я и не раскаиваюсь! – произносит братишка, потупившись, слегка обалдев, а потом поднимает на меня взгляд: — Ты должен получить за свой талант и труд! Понял?

– Иди сюда, чудо моё лохматое! – притягиваю его. – Обложили со всех сторон!

– Сашка... Ну мне так хотелось, чтобы ты ездил на достойной машине! И когда Сергей Александрович предложил, я сразу согласился помочь ему напарить тебя с твоей принципиальностью! Вот так... Прощения поэтому не прошу, – это всё Ванька проговаривает, как всегда, уткнувшись мне в плечо.

– Ладно... Проехали... – ворчу, отпуская его, и докладываю: – Юра сам на костылях дошёл до гостиной. За это мы

и пили.

– Класс! Обалдеть. В общем, поэтому ты и нажрался.

– Ага... Родной ты мой... Ну ладно, что там у Даши? Как она?

Мне очень хочется знать, говорила ли она Ваньке что-нибудь про нашу размолвку.

– Ничего, – слишком нейтрально отвечает он.

– Она про меня что-нибудь говорила? – конкретизирую я вопрос.

– Нет. Ни слова. Даже когда я спросил, что у вас произошло, она подчёркнуто не заметила этого вопроса.

– Вот как... Ну и ладно! Деньги возить будешь ты.

– Ты что, больше... – начинает Ванька. – Слушай, ты завтра протрезвеешь, и всё будет по-другому.

– Не думаю. Давай я спать лягу.

Внутри разливается чувство потери. Но виниться не пойду!

Сидим с Ванькой на кухне и ужинаем. Сегодня я сдал очередной экзамен.

– Молодец ты, Сашка, – задумчиво и даже с завистью говорит Ванька.

– Давай лучше о тебе поговорим, – прерываю я его. – Давно хочешь тебя спросить: ты летом собираешься в университет поступать?

– Саш... Это же готовиться надо. А где время взять? Я

ведь постоянно занят! Работа, занятия с Юрой, Даша с Серёжкой... Ты ведь туда не едешь уже почти месяц!

– И не поеду. По крайней мере, пока. А у меня? Больница, автосервис, экзамены, занятия и работа с Юрой. У меня побольше набирается!

– Так большому ж кораблю... – звучит с ехидцей. – Но насчёт Даши ты неправ!

– Давай оставим эту тему. А ты всё-таки начинай готовиться. Я тоже ещё не всё забыл, поэтому смогу помочь с точными науками.

– Ой, я смеюсь... – бросает он своё любимое выражение. – А я чем с Юрой занимаюсь?

– Саша, вам надо будет ещё поизучать хирургию, – задумчиво говорит Юрий Степанович. – Это будет очень полезно во всех отношениях. Вообще-то это не только моё мнение. Сергей Петрович тоже так считает. Он даже уже преподавателя вам нашёл.

– Хиргию? Так рано? – недоумеваю я.

– Вы что, крови боитесь?

– Да нет... Трупы резал в анатомичке.

– Тем более. Давайте-ка со следующей недели и начинайте.

Мне всегда казалось, что биоэнергетикой можно лечить почти всё. Вот только слово «почти» тут мешает. А ведь действительно! Гнойный аппендицит биоэнергетикой не удалишь, да и прочие гадости тоже. Придётся постигать и эту

науку.

...Мы с Ванькой у Сергея Александровича. Только что ходили с Юрой вокруг дома. Теперь он попал в Ванькины руки, и они занимаются. Мы же с хозяином беседуем в его кабинете. Дверь открыта, и поэтому слышен громкий спор. Извинившись, иду посмотреть.

– Чего раскричались?

– Александр Николаевич! Вот смотрите! – Юра показывает мне два решения уравнения. – Если делать так, то мы теряем часть корней.

Смотрю. Потом быстро решаю сам, ведь многое ещё помню.

– Похоже, Юра прав, господин учитель. Смотри... – показываю Ваньке. – Видишь? А так, как ты предлагаешь, действительно два корня теряются.

– Сдаюсь перед превосходящими силами противника! – Ванька поднимает руки. – Вот начну готовиться к поступлению – будете меня вместе консультировать!

– Согласен! – Юра улыбается и грозит пальцем: – Учти, я – строгий учитель!

– Слушай, Сашка, есть вообще что-то такое, чего бы ты не знал? – братишка задаёт вопрос в свойственной ему хитренькой манере.

– Есть. Хирургия. Вот Степаныч хочет, чтобы я её начал изучать тоже.

– Юра, прощай! Больше мы не увидимся, – он нарочито

всхлипывает. – Этот человек всё время тренируется на мне. Ты представляешь, что будет, когда он начнёт изучать хирургию? Зарежет! И только для того, чтобы узнать, что у меня внутри.

– По крайней мере, для того чтобы узнать, чего у тебя внутри нет, резать вовсе не надо, – язвительно парирую я.

– Вот я и говорю, что он – ужасный человек!

Юра весело смеётся. Приятно, что у парня с юмором всё в порядке.

* * *

Ночной звонок телефона от неожиданности подбрасывает меня на кровати.

– Что случилось? – Ванька тоже открывает глаза.

– Спи, разберусь, – и смотрю на часы. Четыре утра...

Иду к телефону, а сам понимаю, что звонит Андрей из Булуна. По времени ясно, что это другой часовой пояс, кто ещё может в такое время звонить?

– Привет, Сашка! Это Андрей из Булуна.

– Здорово, я уже понял. Ну как там у вас?

– Я чего звоню... Плохо у нас. Сергеич с инфарктом слёг.

– Ни... чего себе... – вырывается у меня.

– Плохи дела. Инфаркт серьёзный, как говорят. Лежит в своей больнице.

Понимаю, что спрашивать про симптомы – дело бесполез-

ное.

– А что случилось? Понервничал?

– Да... Он пошёл к нашему упырю... Ну начальник этого... не исполкома, а... как его... вспомнил, глава администрации! Пошёл насчёт ремонта водопровода в больнице. Поговорили... Там у него и случилось.

Это как надо было разговаривать, чтобы прямо в кабинете инфаркт. Дела...

– Понятно... – и резко решаю: – Так, Андрюха, я прилечу с первым же бортом.

– Честно говоря, я за этим и звоню. Нужен ты Сергеичу. Совсем грустный он.

– Я приеду! Только ты ему пока не говори. А кот-то его как же?

– Мы с моей его кормим. Скучает Антошка. Тоже грустный. Ладно! Когда будешь вылетать, позвони.

Возвращаюсь в комнату.

– Что там с Кириллом Сергеевичем? – совсем не сонно спрашивает Ванька.

– Лежит в своей больнице с инфарктом.

– Ты собираешься туда лететь, – и следует осторожный вопрос, – а мы тут как?

Понимаю, что он в основном интересуется, как обеспечить Дашу с Серёжкой.

– Ну как... Сделаю на тебя генеральную доверенность. Димка будет рулить в боксах, а с деньгами ты как-нибудь сам

разберёшься. Бухгалтерия ведь всё равно вся на тебе. Даше будешь отвозить. Ты ведь и сейчас отвозишь. Насчёт учёбы договорюсь со Степанычем. Они с Кириллом Сергеевичем друзья, поймёт. И с Юрой ты продолжишь. Так что будешь полностью исполнять мои обязанности!

– Понятно. Саш... Ты действительно поезжай. Я тут справлюсь. Не волнуйся, всё будет хорошо. Главное – Кирилла Сергеевича поднять.

С утра захожу в кабинет за отделением.

– Юрий Степанович! Кирилл Сергеевич с инфарктом слёг. Мне ночью позвонили.

– Допрыгался! Дон Кихот...

«А ведь действительно – Дон Кихот!» – проносится у меня в голове.

– В общем, я должен туда лететь. Я ему нужен, – говорю твёрдо.

– Вы правы, Саша, – Воронов вздыхает. – Жаль, что я не могу так же, как вы... Напишите все необходимые бумажки. Мы с Сергеем Петровичем остальное решим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.